ВЕСТНИК
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019
4 (22)

ISSN 2587-9472
Эл № ФС77-68095

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-68095

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 4 (22)' 2019

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.

Заместитель главного редактора:

Липунов В.И.

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;*

Букалерова Л.А., *д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой транспортного права и административного права Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;*

Марченко М.Н., *д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, почетный президент Ассоциации юридических вузов, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, проф., председатель московской коллегии адвокатов «Юристы-профессионалы»;*

Шамба Т.М., *д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист РФ, президент Коллегии адвокатов «ТАМИР».*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством. Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ПРАВОВЫЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЭПОХУ НАРАСТАЮЩЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ 6
Бабурин Сергей Николаевич

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 13
Мамитова Наталия Викторовна

РАЗВИТИЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА 21
Каменская Елена Викторовна

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ ПРАВА: УПОВАНИЯ И УГРОЗЫ 28
Исаков Владимир Борисович

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ ТЕХНИКЕ АНАЛИЗА НОРМАТИВНЫХ АКТОВ 35
Миндзаев Марат Айдарукович

ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

КАБЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧ КАК ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА 39
Ананьев Андрей Геннадьевич

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ ИНСТИТУТА РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА 46
Савельева Ольга Юрьевна

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КИБЕРМОББИНГА НА ЧЕЛОВЕКА 52
Дорошенко Ольга Марковна

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ 57
Букалерова Людмила Александровна, Остроушко Александр Владимирович

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ, ЗАЩИЩЕННОЙ АВТОРСКИМ ПРАВОМ, ЧЕРЕЗ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» 66
Скибин Антон Владимирович, Уварова Ирина Александровна

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....74
Христолюбова Елена Юрьевна

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ 79
Куликова Людмила Викторовна, Досюкова Татьяна Викторовна

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

LEGAL AND SPIRITUAL-MORAL BASICS DIGITAL FUTURE HUMANS IN THE AGE OF THE WORLD ENVIRONMENTAL CRASH 6
Baburin S.N.

DIGITAL STATE: BUILDING PROBLEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION 13
Mamitova N.V.

DEVELOPMENT OF THE LAW-MAKING PROCESS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY AND THE STATE 21
Kamenskaya E.V.

PROBLEMS OF TRAINING LAW-STUDENTS THE TECHNIQUE OF REGULATIONS ANALYSIS 35
Mindzaev M.A.

CIVIL, BUSINESS AND CONTRACT LAW

CABLE POWER LINES AS OBJECTS OF REAL ESTATE 39
Ananiev A.G.

BASIC TERMS OF THE INSTITUTE OF CONTRACT TERMINATION 46
Savelyeva O.Yu.

DIGITALIZATION AS A PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL IMPACT OF CYBERMOBBING ON A PERSON 52
Doroshenko O.M.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

THE INFORMATION RIGHTS AND INFORMATION INTERESTS OF CHILDREN TO PAY EXTRA ATTENTION 57
Bukalerova L.A., Ostroushko A.V.

ELECTRONIC ACCESS TO INFORMATION PROTECTED BY COPYRIGHT, VIA SPECIALIZED MOBILE APPENDICES IN INFORMATION-TELECOMMUNICATION NETWORK «INTERNET» 66
Skibin A.V., Uvarova I.Al.

JUDICIAL PROTECTION IN DIGITALIZATION 74
Khristolyubova E.Yu.

QUALIFICATION OF CRIMES: CONCEPT, MEANING, PROBLEMS 79
Kulikova L.V., Dosyukova T.V.

УДК 342:341:327:12

ПРАВОВЫЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЭПОХУ НАРАСТАЮЩЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Бабурин Сергей Николаевич,
д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
e-mail: 1357343@mail.ru,
главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН (Москва),
профессор, Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статье рассмотрены особенности правовых и духовно-нравственных основ цифровизации общества при переходе к устойчивому развитию человечества. Обосновывается, что правовая информация, доводимая до людей с помощью интернет-технологий, никогда не сможет заменить правовую культуру, которая формируется только внутри человеческого общества. Общество знания определяется не цифровизацией социума, а построением техносферы на правовых и духовно-нравственных основах. Особое внимание уделено месту государства в современном общественном развитии, роли духовно-нравственных ценностей каждой нации в формировании права устойчивого развития. Отмечается, что цифровизация и сам переход к устойчивому развитию проходят на фоне нарастающего экологического кризиса, уже перерастающего в катастрофу.

Ключевые слова: государство, интеграционный конституционализм, цифровое общество, экология, глобальные проблемы, устойчивое развитие

LEGAL AND SPIRITUAL-MORAL BASICS DIGITAL FUTURE HUMANS IN THE AGE OF THE WORLD ENVIRONMENTAL CRASH

Baburin S.N.,
doctor of law, professor, distinguished fellow of science of the Russian Federation,
e-mail: 1357343@mail.ru
Chief Research Officer of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow),
professor of Witte Moscow University

The article examines the legal and spiritual and moral foundations of the digitalization of society in the transition to sustainable development of mankind. It is substantiated that legal information brought to people through Internet technologies can never replace the legal culture, which is formed only within human society. The society of knowledge is determined not by the digitalization of society, but by the construction of the technosphere on legal and spiritual and moral foundations. Particular attention is paid to the place of the state in modern social development, the role of spiritual and moral values of each nation in the formation of the right of sustainable development. It is noted that the digitalization and the transition to sustainable development are taking place against the background of the growing environmental crisis, which is already developing into a catastrophe.

Keywords: state, integration constitutionalism, digital society, ecology, global problems, sustainable development

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-6-12

Цифровое будущее человечества. Мы воспринимаем эти слова как-то уже привычно, задумываясь лишь над вариантами такого возможного будущего. Между тем, вопрос не в соотношении мечты и иллюзий, и даже не в индивидуальных особенностях проектов завтрашнего дня, вопрос в возможности самого будущего. Слишком опасны возникающие прорехи в «ткани жизни», связывающей воедино в обширной системе взаимозависимых жизней все живые организмы, и растения, и животные [15, с. 384].

Кроме того, во второй половине XX в. в человеческом обществе произошел цивилизационный сдвиг: у государства как социального феномена попытались отобрать его регулятивную функцию. Это произошло рождением сетевых структур транснациональных корпораций, особенно финансовых

транснациональных корпораций. Коррумпировав повсеместно национальные элиты, завязав эти элиты на себя через контроль над офшорными зонами, в которых элиты национальных государств стали размещать свои денежные средства, транснациональные корпорации стали задавать человечеству свои сценарии развития. Смысл государств как политической формы самоорганизации общества стал утрачиваться, началось переосмысление теории и практики государственного суверенитета [18, с. 69], суверенитет попытались представить лишь политическим синонимом конкурентоспособности [21, с. 60].

Однако, не все народы оказались готовы к растворению во всемирном обществе, не все захотели отказаться от национального характера и языка, своей религии и морали. Даже в самой Европе провалился референдум по проекту Европейской конституции, в котором оказалось забыто христианское прошлое континента. В России после нескольких лет иллюзорного строительства «общеевропейского дома» началось возрождение самосознания, возродилось стремление опираться в развитии на собственные внутренние силы. Даже в Соединенных Штатах Америки, после десятилетий глобального самоудовлетворения, с приходом Д. Трампа на пост президента, начались возвращение заботы о внутреннем саморазвитии и укрепление государства как такового.

Межгосударственная интеграция объективно стала эффективным ответом государств на попытку их устранения транснациональными корпорациями. Речь идет не об усилении влияния имеющихся международных организаций (как раз они переживают кризис неэффективности, стоит вспомнить ООН и многочисленные за последние 30 лет случаи применения вооруженных сил, минуя Совет Безопасности ООН). Имеются в виду проекты межгосударственной интеграции, когда межгосударственное регулирование отношений внутри этих проектов строится уже не на международно-правовой, а на конституционно-правовой основе. Родился и развивается интеграционный конституционализм.

Ответом на попытки транснациональных корпораций управлять миром стала модель перехода человечества к устойчивому развитию, перехода через усиление национального государственного регулирования при формировании системы многополярных точек конфедерализации мира. Меняется международное право, новые свойства обретает конституционное право, интернационализация которого рождает новые правовые феномены [8; 23, с. 128–132], прежде всего уже упомянутый интеграционный конституционализм. Остается, однако, непреложным, что при возникновении и осознании непримиримости интересов участников коммуникации только правовой характер течения и разрешения конфликта остается средством сохранения целостности любой социальной общности [5, с. 34].

Цифровое будущее человечества означает не новую эру неких виртуальных моделей жизни, а новый, намного более совершенный уровень организации человеческого общества путем, опирающийся на применение цифровых технологий. Именно совершенствование цифровых технологий в государственном управлении, в осуществлении правосудия и технике законопроектной деятельности, в организации повседневной жизни людей, их труда и досуга, и символизирует начало цифрового общества.

К сожалению, в настоящее время, когда использование инфокоммуникационных технологий и информационных ресурсов приобретает всё большую значимость, нормативное описание цифровых процессов, как отмечается учеными, значительно отстает от фактического развития цифровых институтов. Отрасли права оказались не готовы к технологической глобализации, убежден В.Б. Наумов, что привело к конфликту юрисдикций и появлению «прорывного регулирования» с ограничением применения существующих норм и устанавливаемых ими барьеров для развития новых технологий [13, с. 5, 3, 22].

Цифровая реальность сегодняшнего дня уже поставила перед юристами и политиками вопрос о киберфизических системах, о формирующейся с 2009 г. криптоэкономике, под которой понимают все отношения, связанные с криптовалютами и распределенным реестром (блокчейном). В период криптовалютного бума даже отдельные государства попытались найти применение Блокчейну в той или иной отрасли экономике, прежде всего в кадастровых системах и при использовании смарт-контрактов в финансовой сфере [22, с. 5]. Ныне и Центральный банк России пытается участвовать в проектах по развитию розничных и оптовых цифровых валют, сталкиваясь с большим числом сложностей и в экономической и, тем более, в юридической сфере [22, с. 42–64]. В любом случае стоит вопрос об изменениях законодательства и, соответственно, о принципах таких изменений.

Всё более явственной особенностью эпохи перехода к цифровому будущему становится не отмечаемое повсеместно якобы простое потепление климата, а нарастающая всесторонняя экологическая

катастрофа. Вплоть до того, что сегодня возможная экологическая катастрофа выросла до реальной альтернативы ядерной войне как потенциальной причине гибели человеческой цивилизации [3, с. 83].

Во-первых, речь идет о негативных последствиях конкурентного вытеснения биосферы техносферой и последствиях количественной экспансии человеческой цивилизации [6, с. 35]. Технический прогресс, обеспечивающий улучшение уровня жизни людей, привел к загрязнению и деградации биосферы.

Во-вторых, в биосфере, включающей в себя верхние слои литосферы, в которой живут организмы, гидросферу и нижние слои атмосферы, нарастают опасные для существования человечества природные изменения, причины и даже характер которых не может объяснить современная наука. Проблема взаимосвязи человека и природы обостряется.

На этот феномен внутри мирового социума накладываются периодические разрастания до антагонистического уровня противоречий межцивилизационного и межкультурного характера, что требует, прежде всего, правовых и государственно-правовых превентивных мер уменьшения социальных рисков [16, с. 95–97]. К глобальным социальным рискам пора отнести и внедрение в повседневную практику оторванной от нравственной основы инфраструктуры цифровой экономики, что создает угрозу не только информационной безопасности национальных государств, но и в целом созданию глобального общества знания. Примечательно в связи с этим, что к глобальным проблемам, влияющим на усиление глобального экологического кризиса, стали относить возрастающее влияние спекулятивного финансового капитала [6, с. 39], а это прямой показатель и результат утраты духовно-нравственными ценностями их структурообразующей роли в современных социально-экономических отношениях.

Духовные и нравственные основы общественной жизни намечаются и формируются деятельностью религиозных организаций и нравственностью. Но с развитием цивилизаций они могут существовать только при нормативном закреплении, а в современном обществе – только при конституционно-правовом закреплении. Трудно согласиться с утверждением, что мораль как совокупность норм поведения нуждается в законодательном закреплении [7, с. 325], но бесспорен вывод В.И. Жукова о том, что самые сложные социальные задачи могут быть решены союзом нравственного потенциала морали и интеллектуальной мощи права [7, с. 325]. Следует иметь в виду и учет при формировании права устойчивого развития гармоничного осмысления таких очень разных факторов, как традиции наций и народов, тенденции развития мировой цивилизации и неизбежные перемены в жизни человечества в связи с внедрением нано-био-информационно-когнитивных технологий [20, с. 112].

Ученые-экологи видят решение глобальных экологических проблем путем использования баланса разумного потребления с опережающим воспроизводством ресурсов на основе не индивидуального, а коллективного и Всемирного Разума [6, с. 41–48]. Речь идет о ноосферном балансе, который, как и вообще экологический императив, невозможен без международно-правовых и конституционно-правовых решений.

Именно нормативно-правовое оформление перехода к устойчивому развитию нуждается в применении современных управленческих технологий, которыми наполнена цифровизация [2]. Если любые инновации как результат применения знаний даже при решении технических, экономических, производственных или финансовых задач требуют гуманитарного знания [17, с. 86], то в цифровом обществе следует иметь в виду, что правовая информация, даже массированная и глубокая, доводимая до людей с помощью интернет-технологий, никогда не сможет заменить правовую культуру, которая формируется только внутри человеческого общества.

Успешный перевод цифровизации из сферы социального управления в сферу технических технологий организации этого управления возможен только при возвращении в жизнь человека религиозного миросозерцания, при возвращении Бога в центр системы нравственных ценностей. Техносфера без высоких духовно-нравственных и правовых принципов губительна для человека.

Не об отказе от светского государства речь. Как образно и точно отмечает А.В. Водолагин, лучшие люди земли Русской переживали религиозное обращение, как правило, не под давлением церковной идеологии, а вследствие осмысления собственного мистического опыта, связанного с внутренним восприятием исцеляющей мощи несказанного, вселенского света, обретением «двойного зрения» (С.А. Есенин), позволяющего расшифровать тайнопись мировой истории [4, с. 279]. Сказанное относится и к другим народам, где аналогичные процессы проходили часто иначе, но неизбежно, в противном случае народы

бы не состоялись. Особенно важен в наши дни опыт создания нравственного государства [1, с. 116–130] и понимание справедливости как нравственной, социальной и юридической категории [10, с. 31–38].

Исторические уроки последних двух столетий, особенно издержки процессов глобализации, показывают, что мировое сообщество стоит перед угрозой утраты человеческого в человеке. Следовательно, неизбежные трансформации государства и права должны происходить с сохранением духовно-нравственных ценностей каждой нации, со сбережением не только сложившихся за века «общечеловеческих ценностей», но и их духовно-нравственного смысла.

Духовный фактор играет принципиально важную роль в судьбе самих современных государств, когда под влиянием глобальных процессов идет деформация государства и общества. В странах, попавших под колесо глобализации, вопреки общей тенденции формирования правового социального государства происходит сокращение социальных обязательств государства, что разрушает моральный капитал человеческого законопослушания, ответственности и взаимного доверия [19, с. 73–82; 1]. А.С. Панарин с полным на то основанием указывал и причину такой социальной и государственно-правовой деградации: «Нынешние хозяева жизни не только систематически нарушают это доверие, но и в целом преподают современникам урок того, как вероломство и нечистоплотность неизменно торжествуют над добропорядочностью» [14, с. 281].

Соответственно, цифровое будущее человечества должно строиться:

- на сохранении целостной системы духовно-нравственных ценностей каждой нации – участника мирового сообщества;
- сбережением цивилизационной самоидентичности существующих наций;
- путем формирования солидарной позиции народов в вопросе обеспечения духовной и экологической безопасности человечества.

Помимо этого, государственная политика эпохи цифровой трансформации общества предполагает стремление к информационному обществу как обществу достоверных знаний, что требует обеспечения нового качества человеческой деятельности на основе создания доверительной информационной среды [9, с. 13]. Борьба за такую среду существования актуализируется при сложившемся массовом клиповом мышлении, поскольку значительная часть населения во всех странах перешла к поверхностному и некритическому восприятию информации. Государство как социальный феномен ныне озабочено формированием пространства знаний и предоставлением гражданам доступа к нему, совершенствованием механизмов распространения знаний и их применения в интересах личности, государства и общества [9, с. 14].

На пути к устойчивому развитию и цифровому будущему важную роль играет выбор той или иной модели межгосударственной интеграции. Так, Славянский мир оказался традиционно расколот между Евроатлантической цивилизацией, в которую при разных обстоятельствах вошли поляки, чехи, словаки, многие южные славяне, и цивилизацией Восточно-Христианской (Православной), объединяющей восточных славян и близких им народы. Мы видим в этом случае два различных интеграционных конституционализма, вне зависимости от того, станем ли рассматривать сущность цивилизации как социальной системы в общесоциологическом срезе, или как крупную локальную общность, выступающую социально-биологическим организмом [12, с. 114–127]. С учетом того, что образ права далек от практического законодательства как правопорядок от законопорядка и носит конкретно-исторический характер [11, с. 5–24], на первый план выступают особенности различных видов интеграционного конституционализма.

Развитие интеграционного конституционализма означает формирование особого рода сверхгосударств, имеющих более надёжные рычаги для эффективного управления современным обществом, чем национальные государства. Но при определении той или иной модели межгосударственной интеграции, того или иного интеграционного конституционализма среди определяющих успешность проекта факторов видное место занимают духовно-нравственные ценности каждой нации, их способность формировать право устойчивого развития.

Список литературы

1. *Бабурин С.Н.* Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 3. – С. 116–130.

2. *Бабурин С.Н., Урсул А.Д.* Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. – 557 с.
3. *Вишняков Я.Д., Киселева С.П.* Экологический императив в технологическом развитии России // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: монография / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. – М.: изд-во МНЭПУ, 2019. – С. 82–94.
4. *Водолагин А.В.* Русское познание Бога. Философия духа в России. – М.: Вече, 2019. – 352 с.
5. *Графский В.Г.* Правовая коммуникация и правовое общение // Правовая коммуникация и правовые системы. Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 25–36.
6. *Грачев В.А.* Глобальные экологические проблемы в современной геополитической обстановке // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: монография / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. – М.: изд-во МНЭПУ, 2019. – С. 35.
7. *Жуков В.И.* Сбережение населения: национальные интересы, мораль и право // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 282–363.
8. Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. – М.: Ин-т государства и права, 2017. – 224 с.
9. *Кузнецов П.У.* Концептуальные условия государственной политики в сфере цифровой трансформации общества // Российское право. Образование. Практика. Наука. – 2018. – № 6. – С. 12–17.
10. *Куксин И.Н., Чечельницкий И.В.* Справедливость как нравственная, социальная и юридическая категория // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. – М.: изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – С. 31–38.
11. *Мамут Л.С.* Полимодальность права // Правовая коммуникация и правовые системы. Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 5–24.
12. *Морозов Н.М.* Современные проблемы исторического знания о российской цивилизации // Общественные науки и современность = Social sciences and contemporary world. – 2015. – № 3. – С. 114–127.
13. *Наумов В.Б.* Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право. Образование. Практика. Наука. – 2018. – № 6. – С. 4–11.
14. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
15. *Парк Р.* Экология человека. Теория общества: сборник / пер. с нем., англ. Вступит. статья / сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. – М.: КАНОН_пресс-Ц, Кучково поле, 1999. – С. 384–400.
16. *Петрищев В.Н.* Современное общество в контексте теории универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева. Междисциплинарный подход // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: монография / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; ред. и сост. Г.Р. Исакова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. С. 95-105.
17. Право и инновационная деятельность / отв. ред. В.А. Садовничий. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – 432 с.
18. *Савенков А.И.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. С. 9–92.
19. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.]. – СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. – 344 с.
20. *Степин В.С.* Идея права как социокультурный феномен // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 93–112.
21. *Сурков В.* Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Суверенитет: сборник / сост. Н. Гараджа. – М.: Европа, 2006. – С. 43–79.
22. *Трунин, П.В.* Перспективы криптовалют в современных экономиках / П.В. Трунин, М.Г. Гирич, И.С. Ермохин [и др.] – М.: Дело, 2020. – 72 с.

23. *Халиков А.* Глобализация прав человека и проблемы национального государства: противоречие универсализации и культурного релятивизма в современном праве // I Seminario eurasiatico di Diritto romano / I Евразийский семинар по римскому правую. Dusanbe, 14-15 ottobre 2011. – Душанбе, 2013. – С. 127–141.

References

1. *Baburin S.N.* The Significance of the great Iranian revolution for the modern world: the spiritual and value dimension of constitutionalism / / Vestnik of the Moscow state regional University. Series: Juris-Prudentia. – 2019. – No. 3. – Pp. 116–130.
2. *Baburin S.N., Ursul A.D.* Policy of sustainable development and the state – legal process. – M.: Master: INFRA-M, 2010. – 557 p.
3. *Vishnyakov Ya.D., Kiseleva S.P.* Ecological imperative in the technological development of Russia // Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations: monograph / edited by M. Ch. Zalikhanov, S.A. Stepanov; ed. and comp. G.R. Isakov. – Moscow: mnepu publishing house, 2019. – Pp. 82–94.
4. *Vodolagin A.V.* Russian knowledge of God. Philosophy of the spirit in Russia. – Moscow: Veche, 2019. – 352 p.
5. *Grafsky V.G.* Legal communication and legal communication / / Legal communication and legal systems. Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences. – 2013. – №4. – Pp. 25–36.
6. *Grachev V.A.* Global environmental problems in the modern geopolitical environment / / Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations: monograph / edited by M.Ch. Zalikhanov, S.A. Stepanov; ed. and comp. G.R. Isakov. – Moscow: mnepu publishing house, 2019. – P. 35.
7. *Zhukov V.I.* Saving the population: national interests, morality and law // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / ed.-Corr. RAS A.N. Savenkov. – M.: Institute of state and law Russian Academy of Sciences, 2019. – Pp. 282–363.
8. Internationalization of constitutional law: modern trends: a monograph / edited By N.V. Varlamova and T.A. Vasilieva. – Moscow: Institute of state and law, 2017. – 224 p.
9. *Kuznetsov P.U.* Conceptual conditions of state policy in the sphere of digital transformation of society / / Russian law. Education. Practice. The science. – 2018. – No. 6. – Pp. 12-17.
10. *Kuksin I.N., Chechelnitsky I.V.* Justice as a moral, social and legal category // Social justice and law: problems of theory and practice: materials of the international scientific and practical conference / ed. edited by T.A. Soshnikov. – Moscow: Mosk publishing house. humanit. UN-TA, 2016. – Pp. 31–38.
11. *Mamut L.S.* Polymodality of law // Legal communication and legal systems. Proceedings of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences. – 2013. – №4. – Pp. 5–24.
12. *Morozov N.M.* Modern problems of historical knowledge about Russian civilization / / Social Sciences and modernity = Social sciences and contemporary world. – 2015. – No. 3. – Pp. 114–127.
13. *Naumov V.B.* Law in the era of digital transformation: in search of solutions / / Russian law. Education. Practice. The science. – 2018. – No. 6. – Pp. 4–11.
14. *Panarin A.S.* The Temptation of globalism. Moscow: EKSMO-Press, 2002. – 416 p.
15. *Park R.* Human Ecology. Theory of society: collection / TRANS. with it., eng. Joins. article / comp. and the General ed. by A.F. Filippov. – M.: KA-Non_press-TS, Kuchkovo field, 1999. – Pp. 384–400.
16. *Petrishchev V.N.* Modern society in the context of the theory of universal evolutionism by N.N. Moiseyev. Interdisciplinary approach // Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations: monograph / edited by M.Ch. Zalikhanov, S.A. Stepanov; ed. and comp. G.R. Isakov. – Moscow: mnepu Publishing house, 2019. – Pp. 95–105.
17. Law and innovation / Rel. edited by V.A. Sadovnichiy. – Moscow; SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. – 432 p.
18. *Savenkov A.I.* Philosophy of law, legal thinking and global problems of modern civilization / / Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / ed.-Corr. RAS A.N. Savenkov. – M.: Institute of state and law Russian Academy of Sciences, 2019. –Pp. 9–92.
19. Modern state in the era of global transformations: analytical report / I.M. Ragimov, S.N. Baburin, Yu.V. Golik [et al.]. – SPb.: Law center-Academy, 2019. – 344 c.

20. *Stepin V.S.* the Idea of law as a socio-cultural phenomenon // TRANS-formation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / ed.-Corr. RAS A. N. Savenkov. – M.: Institute of state and law Russian Academy of Sciences, 2019. – Pp. 93–112.
21. *Surkov V.* Sovereignty is a political synonym for competitive ability. Sovereignty: collection / comp. N. Qaraca. – Moscow: Europe, 2006. – Pp. 43–79.
22. *Trunin, P.V.* Prospects of cryptocurrencies in modern economies / P.V. Trunin, M.G. Girich, I.S. Ermokhin [et al.]. – Moscow: Delo, 2020. – 72 p.
23. *Khalikov A.* Globalization of human rights and problems of the national state: the contradiction of universalization and cultural relativism in modern law // I Seminario eurasiatico di Diritto romano / I Eurasian seminar on Roman law. Dusanbe, 14-15 ottobre 2011. – Dushanbe, 2013. – Pp. 127–141.

УДК 34

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мамитова Наталия Викторовна,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры государствоведения,
e-mail: nvmamitova@mail.ru,
Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Цифровизация стала одной из глобальных проблем современности, требующей научного осмысления и правового регулирования. Статья посвящена анализу проблем, связанных с построением цифрового государства в Российской Федерации. В ней разрабатываются теоретические основы построения цифрового государства, цифрового управления и цифрового общества, с учетом международного опыта.

Ключевые слова: государство, цифровое государство, цифровая экономика, цифровизация, цифровые технологии

DIGITAL STATE: BUILDING PROBLEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mamitova N.V.,
doctor of law, professor, professor, department of state studies,
e-mail: nvmamitova@mail.ru,
Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Digitalization has become one of the global problems of our time, requiring scientific understanding and legal regulation. The article is devoted to understanding the problems associated with the construction of a digital state in the Russian Federation. It develops the theoretical foundations of building a digital state, digital governance and a digital society, taking into account international experience.

Keywords: state, digital state, digital economy, digitalization, digital technologies

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-13-20

В современном обществе цифровизация стала важным условием технологического развития, основанного на широком проникновении цифровых технологий в современный мир, затрагивая все стороны человеческого бытия. Развитие цифровых технологий становится ключевым фактором роста национальных экономик, позволяющих обеспечивать конкурентоспособность компаний и рост экономического развития государства в целом. Одновременно возникает множество новых вызовов, связанных с развитием цифровой культуры, трансформацией рынка труда и изменением роли данных в управленческой деятельности.

Меняется набор прав и свобод человека, появляются новые цифровые права, обостряются противоречия между свободой информации и правом на защиту частной жизни, появляются новые виды преступлений, такие как «киберпреступность». Внедрение цифровых технологий в систему государственного управления и оказания услуг населению способствует решению одной из основных целей государственной политики регионального развития – обеспечение равных возможностей для реализации установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами экономических, политических и социальных прав граждан Российской Федерации на всей территории страны, обеспечение устойчивого эффективного развития регионов. В связи с этим, обращение к проблематике цифрового государства представляется весьма актуальным.

Идея цифрового государства зародилась в эпоху кризиса и тесно связана с построением электронного государства. В России деятельность по созданию «электронного государства» осуществляется в рамках ФЦП Электронная Россия и направлена на то, чтобы повысить качество государствен-

ного управления. Понятие «электронное государство» наиболее соответствует английскому понятию e-government. В некоторых случаях оно переводится как «электронное правительство». Такой перевод допустим, но это только одно из его значений. В современных международно-правовых документах, в частности в решениях Европейского суда по правам человека, термин government применяется для обозначения государства в целом. Аналогично, в выражении «three branches of government» речь идет о трех ветвях государства в целом, а не только исполнительной власти – правительства[1]. Электронное государство подразумевает поддержку при помощи ИКТ деятельности как исполнительной власти («электронное правительство»), так и парламентских («электронный парламент») и судебных органов («электронное правосудие»).

Как было заявлено на «Гайдаровском форуме – 2018» главным направлением в реформе государственного управления должно стать построение «государства как платформы». Платформа – это совокупность взаимодействующих между собой аппаратных средств и операционных систем, под управлением, которых функционируют различные прикладные программы и средства для их разработки. Идея «государства-платформы» означает глубоко интегрированную единую цифровую систему управления. В случае реализации этого революционного проекта в рамках программы «Цифровая экономика РФ», Россия должна создать электронную систему государственного управления первой в мире. А по словам Германа Грефа, государство превращается в «фабрику обработки данных».

Цифровое государство понятие более широкое, чем электронное – способ осуществления информационных аспектов государственной деятельности основанный на использовании информационно-компьютерных-систем, а также новый тип государства, основанный на использовании цифровых технологий.

Несмотря на ряд принятых документов стратегического характера – задача нормативного регулирования отношений, связанных с развитием и полноценным функционированием цифрового государства на сегодняшний день находится в стадии разработки.

В декабре 2018 г. был принят документ концептуально-научного характера, который может лечь в основу разработки и принятия многих нормативных правовых актов, регулирующих цифровизацию в нашей стране. Это «Концепция комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики», разработанная Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов в сфере правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики, предусматривает основные направления, формы и методы совершенствования и развития комплексного правового регулирования, направленные на достижение основных задач в этой сфере.

Итак, возникает еще одно понятие непосредственно связанное с цифровым государством – **цифровая экономика.** Необходимо отметить, что Цифровое государство является субъектом цифровой экономики.

Цифровая экономика ***представляет собой систему экономических отношений, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех ее сферах. Цифровую экономику нередко именуют электронной, сетевой, вэб- или интернет-экономикой, в которой хозяйственная деятельность осуществляется с помощью электронных или цифровых технологий. При этом акцент делается не на использовании программного обеспечения, а на товарах, услугах и сервисах, реализуемых посредством электронного бизнеса, электронной коммерции***[2].

Россия не стоит в стороне от мирового процесса цифровизации и исходит из того, что создание цифровой экономики повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет. В целях развития цифровой экономики в Российской Федерации распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р утверждена **Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»**. Эта Программа развивает основные положения Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203.

---

[1] *Аброскин А.С.* Экономическое развитие в цифровую эпоху / А.С. Аброскин, Ю.К. Зайцев [и др.]. – М.: Дело РАНХиГС, 2019. – 88 с.
[2] *Быков А.Ю.* Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. – М.: Проспект, 2018. – с. 24.

В данной Программе были определены пять базовых направлений: нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность. Результатом реализации данных направлений должна стать новая регуляторно-правовая среда, нацеленная на создание правовых условий для формирования **единой цифровой среды доверия**, позволяющей обеспечить участников цифровой экономики средствами доверенных цифровых дистанционных коммуникаций.

В этой связи нормативные правовые акты должны предусматривать:

- понятия, необходимые для формирования единой цифровой среды доверия;
- удаленное подтверждение личности для совершения юридически значимых действий;
- равный статус различных способов идентификации и аутентификации физических и юридических лиц, иных участников цифровой экономики;
- равное с очно-бумажными коммуникациями правовое признание электронного взаимодействия, как в публично-правовых, так и в гражданско-правовых отношениях;
- способы независимой доверенной фиксации и предоставления заинтересованным лицам юридических фактов, связанных с электронными дистанционными взаимодействиями, электронными документами (сервисов третьей доверенной стороны);
- правила формирования конкурентного рынка коммерческих поставщиков сервисов третьей доверенной стороны.

Обращение Правительства России к расширенному использованию компьютеров в различных сферах жизнедеятельности можно только приветствовать. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее Программа) рассматривает не различные финансовые маневры, а конкретные технологии, которые, по мысли авторов программы, должны изменить экономику страны к лучшему. Основные «сквозные цифровые технологии» (термин, введенный авторами Программы не разъясняется, но, видимо, это главные технологии, фигурирующие в разных частях Программы), на развитии которых будет сделан акцент, перечислены: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности. Подробный анализ программы выходит за рамки данного доклада. Тем не менее, на ряд моментов, вызывающих вопросы, стоит обратить внимание.

В рамках данной программы Минэкономразвития предлагает создать экспериментальные (особые) правовые режимы для тестирования новых технологий. Так называемые, «Регуляторные песочницы», которые должны обеспечить более быстрое внедрение инноваций, которому зачастую мешают несовершенные законы. Обсуждение Проекта ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» проходит в инновационном центре Сколково[3].

Однако, у этой стратегии есть и слабые стороны. Слишком быстрые и кардинально инновационные подходы на практике не всегда могут дать ожидаемый эффект. По моему мнению, такая ситуация во многом обусловлена реализацией подхода, который формулируется как «инновации без науки», поскольку большинство подобных решений принимается на основании весьма общих соображений без достаточной **экспертной научной оценки.**

Цифровая экспертиза. Это новый вид экспертизы, который активно начинает развиваться в Российской Федерации. Сегодня особенно остра потребность не только в законодательной экспертизе, но и в разработке нормативно-правовой базы для развития цифровой экономики, в частности технологии блокчейн, регулировании криптовалют, кибербезопасности. Юридическое сообщество должно не только работать над снятием существующих правовых ограничений для внедрения новых интеллектуальных разработок, но и начинать проектировать регуляторную среду будущего, основываясь на ежедневно развивающихся технологиях. Многие компании сегодня вкладывают серьезные средства в развитие технологий искусственного интеллекта, и следующим вопросом встает правовой статус машин, наделенных автономной функцией. Так что вопрос регулирования возможностей, появляющихся вместе

[3] *Ефремов А.А.* Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт/ А.А. Ефремов, Е.И. Добролюбова, Э.В. Талапина, В.Н. Южаков. – М.: Дело РАНХиГС, 2020. – 126 с.

с новыми технологиями, очень важен для защиты интересов граждан. Этот вид экспертизы находится пока в стадии формирования и становления, но ее актуальность бесспорна[4].

Одной из весьма неоднозначных сфер развития цифрового пространства стала сфера создание **цифрового общества или информационного** общества.

Цифровое общество – общество, в котором межчеловеческие коммуникации заменяются «цифрой». Основой построения цифрового общества должна стать цифровая идентификация и аутентификация граждан. Человек, входящий в новую систему предоставления информационных и коммуникационных услуг должен принять и постоянно использовать уникальный пожизненный и посмертный идентификатор личности (цифровое имя в системе), а в качестве способа аутентификации уже сегодня предлагается использовать биометрические параметры человека. (ФЗ. Подписан Президентом РФ 31 декабря 2017 г.). Таким образом, человек из субъекта общественных отношений превращается в объект жесткого управления системой.

Как запланировано авторами «Концепции формирования информационного общества в России» №32, принятой еще в 1999 г., Правительство, передаст свои полномочия собственникам систем, а граждане России будут переданы как «электронное население» владельцам финансовых институтов.

Одно из интересных определений цифрового общества звучит следующим образом.

Цифровое общество – это, прежде всего, глобальный проект, целью которого является построение нового **общества**, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий, основанных на применении микроэлектроники, локальных и глобальных компьютерных сетей, которые собирают, обрабатывают, генерируют и распределяют информацию через системы глобальных телекоммуникационных сетей.

Необходимо отметить, что внедрение единой системы электронной идентификации и аутентификации личности грубейшим образом нарушает конституционные права и свободы человека (в первую очередь Конституцию Российской Федерации статьи 2, 3, 15, 18, 21, 22, 23, 24, 28, 29, 32 и другие) несет угрозу национальной безопасности и независимости России.

Важно отметить, что зарубежный опыт констатирует тот факт, что в Великобритании, Германии и Франции законодательно запрещено внедрение единого электронного идентификатора личности и создание единого банка персональных данных на всех граждан страны.

Цифровое управление

Расширение пространства государственного управления. Государственное управление в России сталкивается с большими проблемами, во многом идущими от 1990-х гг. В те времена реформаторы занимались передачей общенародной собственности в руки будущих олигархов и настаивали, что государство должно уйти из экономики, промышленности, образования и других сфер, ограничиваясь ролью «ночного сторожа». При этом идеологи либеральных фундаменталистов ссылались на Адама Смит, который якобы уповал на «невидимую руку рынка» и на отстранение государства от экономических дел. В той же логике и по зарубежным рекомендациям сформировались специализированные учебные заведения, призванные готовить новое поколение работников госаппарата. С тех пор политика изменилась, отношение к государственным программам, к импортозамещению, к обеспечению национальной безопасности стало другим. Но управленческие кадры действуют в логике 90-х, ибо так воспитаны. Это и есть основное противоречие системы государственного управления сегодняшнего времени. Есть и еще один резон, в «цифровой экономике». Известный тезис «кадры решают все» не утратил своей актуальности. В настоящее время госаппарат России столкнулся со значительными кадровыми проблемами, обусловленными, прежде всего, кардинальным изменением как вешней, так и внутренней ситуации. Прежде всего, это касается переориентации с индустриальной ресурсно ориентированной экономики «Одного процента» (в терминах Д. Стиглица) на высокотехнологичную экономику, ориентированную на человека. Программа «цифровой экономики» должна обеспечить подготовку современных высококвалифицированных

[4] *Мамитова Н.В.* Правовая экспертиза российского законодательства: учеб.-практ. пособие. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2016. – 208 с.

кадров для всей системы управления. Решение этой задачи гарантирует успех всего замысла, однако является весьма сложновыполнимым[5].

Технологии цифрового управления. Одной из таких технологий может стать умный контракт.

Умный контракт или смарт-контракт. Термин «смарт – контракт» был популяризирован ученым Ником Сзабо в статье «Идея умных контрактов», где он описал самую простую форму «умного договора» на примере торгового автомата. Так машина сама контролировала соблюдение контракта: при получении платежа в нужном объеме, внесении $1.50, осуществлялась передача права собственности на товар. Расширяя свою концепцию Сзабо, предположил, что компьютерный код может быть имплементирован в гораздо более сложные транзакции.

Другими словами, «умный контракт» – это не печатный многостраничный документ с подписью сторон, а некий алгоритм. Программа, которая позволяет избавиться от проблемы недоверия сторон, от участия третьих лиц и утечки денег[6]. Это можно наблюдать на примере простой сделки купли-продажи. Допустим, мы хотим купить дорогостоящий, но уже не новый автомобиль. У двух сторон возникает недоверие, но в то же время присутствует нежелание переплачивать 3 лицам. Решением этой проблемы является «умный» контракт: продавец отдает покупателю заблокированный ключ от машины, который открывается только после того, как средства поступили на счет продавца.

Теоретически прямого запрета в российском законодательстве на заключение «умных» договоров нет. Более того, статьей 434 ГК РФ прямо предусмотрена возможность в некоторых случаях заключения договора путем обмена электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору.

Министерство финансов РФ в своем законопроекте «О цифровых финансовых активах» предлагает законодательно закрепить понятие «смарт-контракта» как договора в электронной форме, исполнение прав и обязательств, по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. В законопроекте указывается, что защита прав сторон смарт-контракта должна осуществляться по аналогии с защитой прав сторон договора, заключенного в электронной форме. С учетом полностью автоматизированной природы смарт-контрактов, в том числе в связи с невозможностью отмены транзакций, становится непонятно, как на них можно по аналогии распространить регулирование обычных договоров, заключаемых в электронной форме.

Проблемой является и оплата по таким договорам. На данный момент расчет может производиться только криптовалютой Etherium. Учитывая, что Центробанк России не рекомендует использовать подобную валюту при расчетах, то вряд ли госкомпании охотно пойдут на работу по такой системе.

Также, нужно учитывать, что смарт-контракты в России пока вне правового поля. Полноценными участниками экономики они должны стать до 2025 г. в рамках проекта «Цифровая экономика».

В докладе Всемирного экономического форума прогнозируется, что доля мирового ВВП, функционирующего на базе Blockchain, достигнет показателя в 10 % к 2027 г. Регистрация прав через Blockchain обладает огромным потенциалом. В частности, переложение института droit de suite (с французского – «право следовать»), привязывающего долю доходов автора к изменению стоимости его работы в будущем, на платформу Blockchain, позволит нивелировать правовую неопределённость в части надежного способа информирования о фактах продажи, покупателях и цене. Лицензирование через Blockchain также открывает интересные возможности, это идеальное средство для записи информации о фактах лицензирования и сублицензирования[7].

Многие официальные лица в России, открыто заявляют о серьезных рисках, которые могут возникнуть при использовании платформы Blockchain. К таким рискам, в силу анонимности операций от-

---

[5] *Мамитова Н.В.,* Селиверстова А.Д. Цифровое государство: проблемы построения в Российской Федерации// Государственная служба. – 2019. – Т. 21. – №2. – С. 16–23.

[6] *Мамитова Н.В.,* Ахматова Д.Р. Использование инструментов цифровой экономики в контексте минимизации коррупционных рисков и формирования антикоррупционного сознания // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2018. – №4. – С. 3.

[7] *Винья П., Кейси М.* Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – №4. – С. 23–32.

носятся: отмывание капиталов, полученных за рубежом; уход от налогов; распространение мошеннических схем; финансирование терроризма. В России использование криптовалют и «умных контрактов» законодательно не запрещено, но пока никак не регламентируется, органы государственной власти подходят к этому вопросу с большой осторожностью. В сентябре 2015 г. Министерство финансов предложило накладывать уголовную ответственность за выпуск и оборот криптовалют в России, признав их денежными суррогатами, которые запрещены в России законом №86-ФЗ «О Центральном банке». Позднее, осенью 2015 г. Министерство финансов разработало поправки в Уголовный кодекс, согласно которым за выпуск и оборот криптовалют предполагалось применять уголовное наказание со сроком на четыре года, тем самым еще более ужесточив подход к наказанию за использование криптовалют в России.

Однако в начале 2016 г. ЦБ РФ в лице зампредседателя Г. Лунтовского объявил, что такой финансовый инструмент отвергать нельзя, так как возможно за ним и стоит будущее. Затем было принято решение о создании межведомственной рабочей группы по изучению технологии Blockchain, а также выработке единой согласованной позиции касаемо юридической природы «умных контрактов».

Еще одна достаточно серьезная проблема, в развитии цифрового государства в России связана с регионализацией и масштабами нашей огромной страны.

Прежде всего, это касается развития российских регионов. Оценку уровня развития цифровизации в регионах России обычно ведут по трем основным показателям: **инфраструктура, человеческий капитал и цифровое правительство.**

По данным Минкомсвязи России [Информационное общество…, 2019], в 2019 г. интернет использует 77,7 % населения, число абонентов фиксированного широкополосного доступа к интернету – 18,3 на 100 человек населения, а мобильного – 68,1 на 100 человек населения. По распространению широкополосного доступа Россия несколько отстает от стран Европы (в среднем 29,6 абонента на 100 человек фиксированного и 78,2 абонента мобильного широкополосного доступа в интернет). В регионах страны наблюдаются значительные различия в развитии современных средств интернет-коммуникаций. Больше всего абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети интернет в расчете на 100 человек в Новосибирской области (30,9), в Москве (30,4) и Республике Карелия (28,9). Меньше всего – в Республике Ингушетия (0,3), Чеченской Республике и в Республике Дагестан (1). Наибольшее число активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети интернет в расчет на 100 человек зафиксировано в Москве и Московской области (104), Иркутской области (101,8) и Камчатском крае (101). Наименьшее – в Республике Крым и городе Севастополь (1), Челябинской области (40,8) и Воронежской области (41,2)[8].

К особенностям цифровой инфраструктуры в России можно отнести преобладание мобильного широкополосного доступа над традиционным фиксированным, особенно в труднодоступных регионах (Магаданской, Иркутской областях, Камчатском крае, Магаданской области).

Следующий фактор развития ***цифровизации в регионах – человеческий капитал***. Для сектора информационных технологий характерно небольшое количество рабочих мест. При этом рабочие места в сфере ИТ, как правило, являются высокооплачиваемыми и способствуют созданию новых рабочих мест в других секторах экономики.

В регионах страны наблюдается значительная дифференциация по доле занятых в ИТ-секторе. По этому показателю лидируют Санкт-Петербург (13,7 человек на тысячу занятых в экономике человек), Москва (13,5), Тюменская (11,3) и Новосибирская области (8,3). Наименьшее количество человек в ИТ секторе занято в Чукотском автономном округе (0,0), Республике Дагестан (0,3) и Республике Ингушетия (0,7)[9].

Следующий аспект – ***работа цифрового правительства***. Цифровизация позволяет значительно повысить эффективность предоставления госуслуг за счет автоматизации и управления на информационной основе, усовершенствовать механизмы связи с гражданами, обеспечивает активное участие населения в жизни общества. Многие страны автоматизировали систему управления налогами и сборами.

---

[8] *Бобылев С.Н.* Уровень развития цифровой экономики в регионах России / С.Н. Бобылев, В.С. Тикунов, О.Ю. Черешня // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2018. – № 5. – С. 27–35.

[9] См.: Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / под ред.: К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др. Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 328 с.

Цифровизация госуслуг может выступать в качестве эффективного двигателя развития. Кроме того, в рамках исследования уровня развития цифровой экономики, показатель использования услуг электронного правительства населением коррелирует с такими факторами, как уровень образования, занятость, урбанизация и доступ к широкополосной связи.

Среди регионов России по доле населения, использующего интернет для получения государственных услуг, лидируют Республика Татарстан (65,2%), Москва (64,3%), Калининградская (58,4%) и Тульская области (55,6%). Меньше всего населения пользуются государственными услугами через интернет в Республике Дагестан (3%), Магаданской области (6,4%), Республике Ингушетия (8,4%) и Чукотском автономном округе (8,8%)[10]. Поляризация регионов по этому показателю еще раз подчеркивает коренные различия в социально-экономическом развитии и, как следствие, степень цифрового неравенства в стране.

Цифровизация экономики и социальной сферы происходит динамично, как с качественной, так и с количественной точки зрения. Оценка и расчет индекса «Цифровая Россия» был произведен по всем 85 субъектам РФ. Полученный результат показал, что уровень внедрения цифровизации в субъектах РФ существенно различается. Для наглядности результатов исследования, из 85 субъектов РФ можно выделить 10 лидеров субъектов РФ.

Результаты показывают, что по 100-бальной шкале интервал показателей индекса «Цифровая Россия» в 1-ом полугодии 2018 г. сузился и находится в интервале от 37.2 до 75.14 баллов (в 2017 г. этот интервал составлял 26.06–70.01).

Итак, подводя итоги вышеизложенному, мы видим, что в современную эпоху цифровизации, роль государства трансформируется, а в наиболее радикальных взглядах реформаторов, – государство должно отмереть вовсе, и на смену власти народа придёт власть цифры.

Вывод. Лозунг «Цифровизация всей страны!» стал не только всепоглощающим, но и стремительно набирающим технологические обороты. Его внедрение происходит как на уровне политических решений, так и в плоскости экономических реалий. Мы наблюдаем серьезное развитие информационных технологий, искусственного интеллекта, внедряющихся в различных сферах экономики, финансов, государственного управления. И процесс этот неизбежен и реален! Для того чтобы Россия находилась на достойном уровне в развитии международного сообщества, не выбилась из прогрессивного мирового развития в целом, превратившись в страну «третьего мира», была конкурентоспособна – Цифровое государство должно и будет развиваться! Это реальность!

Однако, у данной реальности существуют и мифические стороны: возможно ли заменить **цифровой** – суверенитет государства и межнациональные отношения; **«умным контрактом»** – согласительные процедуры и человеческие коммуникации; **искусственным интеллектом** – высокий профессионализм личности и правовое сознание общества? Ответ на этот вопрос очевиден – никогда? История Российского государства знает много имен реформаторов и их радикальных идей и проектов, загоняющих страну в тупик, и толкающих народ в пропасть. Внедряя что-либо новое в таком многонациональном федеративном государстве как Россия, необходимо учитывать национально-культурные, этнические, экономические и иные особенности каждого региона. В силу объективных особенностей территориального развития Российской Федерации, сложившегося практического опыта в сфере цифровизации в различных регионах представляется необходимым проведение дифференцированной и продуманной государственной политики с целью преодоления «цифрового неравенства». Только взвешенный и разумный подход, основанный на понимании и учитывающий многовековые российские ценности и традиции, позволяющий принимать продуманные и политически грамотные государственные решения не позволят реальности стать мифом.

Список литературы

1. *Аброскин А.С.* Экономическое развитие в цифровую эпоху / А.С. Аброскин, Ю.К. Зайцев, Г.И. Идрисов [и др.]. – М.: Дело РАНХиГС, 2019 – 88 с.

[10] См.: Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / под ред.: К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова [и др.] Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 328 с.

2. *Бобылев С.Н.* Уровень развития цифровой экономики в регионах России / С.Н. Бобылев, В.С. Тикунов, О.Ю. Черешня // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2018. – № 5. – С. 27–35.
3. *Быков А.Ю.* Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. – М.: Проспект, 2018. – С. 24.
4. *Винья П., Кейси М.* Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – № 4. – С. 23–32.
5. *Ефремов А.А.* Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / А.А. Ефремов, Е.И. Добролюбова, Э.В. Талапина, В.Н. Южаков. – М.: Дело РАНХиГС, 2020. – 126 с.
6. Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / под ред. К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова [и др.] Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 328 с.
7. *Маслов Д., Дмитриев М., Айвазян З.* Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество. Центр стратегических разработок. – 2018.
8. *Мамитова Н.В.* Правовая экспертиза российского законодательства: учеб.-практ. пособие. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 208 с.
9. *Мамитова Н.В., Селиверстова А.Д.* Цифровое государство: проблемы построения в Российской Федерации // Государственная служба. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 16–23.
10. *Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А.* Государство как платформа. Центра стратегических разработок. – 2018.
11. *Cutts M.* The U.S digital service Report to Congress. – 2017.

References

1. *Abroskin A.S.* Ekonomicheskoe razvitie v cifrovuyu epohu / A.S. Abroskin, Yu.K. Zajcev, G.I. Idrisov [i dr.]. – M.: Delo RANHiGS, 2019 – 88 s.
2. *Bobylev S.N.* Uroven' razvitiya cifrovoj ekonomiki v regionah Rossii / S.N. Bobylev, V.S. Tikunov, O.Yu. Chereshnya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. – 2018. – № 5. – S. 27–35.
3. *Bykov A.Yu.* Pravo cifrovoj ekonomiki: nekotorye narodno-hozyajstvennye i politicheskie riski. – M.: Prospekt, 2018. – s. 24.
4. *Vin'ya P, Kejsi M.* Epoha kriptovalyut. Kak bitkoin i blokchejn menyayut mirovoj ekonomicheskij poryadok. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. – №4. – S. 23–32.
5. *Efremov A.A., Dobrolyubova E.I., Talapina E.V., Yuzhakov V.N.* Eksperimental'nye pravovye rezhimy: zarubezhnyj opyt i rossijskij start. – M.: Delo RANHiGS, 2020. – 126 s.
6. Informacionnoe obshchestvo v Rossijskoj Federacii: statisticheskij sbornik / pod red. K.E. Lajkam, G.I. Abdrahmanova, L.M. Gohberg, O.Yu. Dudorova [i dr.] Rosstat, Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: NIU VSHE, 2018. – 328 s.
7. *Maslov D., Dmitriev M., Ajvazyan Z.* Otdel'nye aspekty transformacii gosudarstvennogo upravleniya: processy i kachestvo. Centr strategicheskih razrabotok. – 2018.
8. *Mamitova N.V.* Pravovaya ekspertiza rossijskogo zakonodatel'stva: ucheb.-prakt. posobie. – M.: Norma: INFRA-M, 2016. – 208 s.
9. *Mamitova N.V., Seliverstova A.D.* Cifrovoe gosudarstvo: problemy postroeniya v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2019. – T. 21. – № 2. – S. 16–23.
10. *Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A.* Gosudarstvo kak platforma. Centra strategicheskih razrabotok. – 2018.
11. *Cutts M.* The U. S digital service Report to Congress. – 2017.

УДК 340.13

РАЗВИТИЕ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Каменская Елена Викторовна,
канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
e-mail: ekamenskaya@muiv.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

Активное развитие цифровых технологий оказывает влияние на процессы управления и процессы принятия решений в Российском государстве. В статье рассматриваются возможности использования цифровых и информационных технологий в правотворческом процессе. Автор отмечает возможности использования данных технологий на стадии правотворческой инициативы, подчеркивая значимость общественной правотворческой инициативы на региональном и муниципальном уровнях. Цифровые технологии создают возможности для осуществления гражданского диалога между властью и обществом. Также анализируется роль парламента в формировании и выявлении воли народа. Автор приводит предложения ученых и практический опыт законодателей Беларуси по использованию цифровых технологий при подготовке проекта нормативного правового акта. В заключение работы делается вывод о необходимости законодательного закрепления правотворческого процесса в Российской Федерации в условиях цифровизации общества и государства.

Ключевые слова: правотворчество, цифровизация, информационные технологии, закон, правотворческий процесс, правотворческая инициатива, воля народа, парламент, нормативный правовой акт

DEVELOPMENT OF THE LAW-MAKING PROCESS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY AND THE STATE

Kamenskaya E.V.,
candidate of juridical sciens, Associate Professor, head of the department theory and history of state and law,
e-mail: ekamenskaya@muiv.ru,
Moscow Witte University, Moscow

The active development of digital technologies has an impact on the management processes and decision making processes in the Russian state. The article considers the possibilities of using digital and information technologies in the law-making process. The author notes the possibilities of using these technologies at the stage of law-making initiatives, emphasizing the importance of public law-making initiatives at the regional and municipal levels. Digital technologies create opportunities for civil dialogue between the government and society. The role of the Parliament in shaping and identifying the will of the people is also analyzed. The author gives suggestions of scientists and practical experience of Belarusian legislators on the use of digital technologies in the preparation of a draft regulatory legal act. In conclusion, the paper concludes that it is necessary to legislate the law-making process in the Russian Federation in the conditions of digitalization of society and the state.

Keyword: Lawmaking, digitalization, information technology, law, law-making process, law-making initiative, will of people, parliament, normative legal act

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-21-27

Цифровизация общества и государства приводит к кардинальным изменениям в процессах управления и принятия решений в государстве. Несомненно, она затрагивает и процесс правотворчества. Благодаря развитию цифровых технологий граждане стали более информированными, следовательно, более требовательными в ожидании решений органов государственной власти. Использование цифровых и информационных технологий в процессе правотворчества создает для правотворческих органов государства определенные возможности для повышения эффективности их деятельности. Рассмотрим их в данной работе.

Определение юридической категории «правотворческий процесс» было сформулировано еще советскими правоведами. В частности, профессор А.С. Пиголкин понимал под правотворческим процессом «определенный официальный порядок осуществления юридически значимых действий, нечто процессуально оформленное и юридически опосредованное [6, с. 6].

Под правотворческим процессом нами понимается процесс технологии создания нормативного правового акта, состоящий из последовательных операций, в результате осуществления которых в правовую систему государства интегрируется новый официально действующий правовой акт. В правотворческом процессе выделяется несколько ключевых элементов: во-первых, познание, изучение и анализ явлений, требующих правовой регламентации; во-вторых, определение правотворческого субъекта, в компетенцию которого входит принятие определенного акта; в-третьих, выбор формы предполагаемого акта; в-четвертых, подготовка текста правового акта; и, наконец, принятие правового акта по определенным процедурам.

Стадиями правотворческого процесса являются: а) правотворческая инициатива; б) подготовка проекта нормативного правового акта; в) обсуждение и согласование проекта нормативного правового акта; г) принятие нормативного правового акта; д) опубликование и вступление в силу нормативного правового акта.

А.А. Арнаутова приводит мнения западных ученых о том, на каких этапах законотворческой деятельности применимы цифровые технологии, а именно: «сбор общественного мнения через онлайн-форумы; разработка законопроектов с помощью онлайн-механизмов; координация онлайн-консультаций по законопроектам; онлайн-голосование по предлагаемым законопроектам; предоставление онлайн-доступа к действующему законодательству и обеспечение толкования действующего законодательства» [7, с. 80]. Думается, что в правотворческом процессе в Российской Федерации также возможно использовать опыт других государств и применять различные цифровые и информационные технологии практически на каждой стадии.

Во-первых, стадия правотворческой (законотворческой) инициативы. Если говорить о законотворческой инициативе на федеральном уровне, то круг ее субъектов жестко ограничен статьей 104 Конституции Российской Федерации. Но круг субъектов правотворческой инициативы значительно шире. Проанализировав перечни субъектов правотворческой инициативы на уровне субъектов Российской Федерации, увидим, что помимо различных органов власти, такое право региональными законами было предоставлено и гражданам в форме народной (общественной) правотворческой инициативы. Возможности института народной (общественной) правотворческой инициативы используются далеко не в полной мере, однако она позволяет выявить реальные общественные потребности в правовом регулировании тех или иных отношений, а также сформировать правовую активность населения определенного региона. Чувство вклада в правотворческую работу, сопричастности к принятию важного решения играет важную роль для стимулирования функционирования и развития гражданского общества, повышения уровня правосознания граждан и органов власти, и, несомненно, для снижения уровня правового нигилизма в обществе и государстве. Ученые Тамбовского государственного университета предлагают ввести в научный оборот даже такое понятие, как «правовое сотворчество» [9]. Примером такого «правового сотворчества» является использование краудсорсинга, который заключается в привлечении широкого круга акторов для решения определенной проблемы с помощью телекоммуникационных технологий. Благодаря цифровым технологиям именно на стадии правотворческой инициативы возможны реальные изменения. Но здесь есть и опасность для органов власти – декларативность института народной (общественной) правотворческой инициативы повышает уровень правового нигилизма общества, создает барьеры между обществом и государством, приводящие к недоверию к действиям органов власти. Уместно привести цитату зарубежного ученого М. Хансона: «Плохо организованное сотрудничество хуже, чем его полное отсутствие» [10, с. 15].

Возвращаясь к федеральному правотворческому процессу, приведем предложение Уполномоченного по правам человека в РФ, заключающееся в следующем. Он предложил «Государственной Думе рассмотреть вопрос о возвращении к практике всенародного обсуждения комплексных законопроектов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина. Несмотря на то, что возможность всенародного обсуждения законопроекта, принятого в первом чтении Государственной Думой, закреплена

в части 6 статьи 119 Регламента Государственной Думы, в современной России данный механизм, к сожалению, практически не используется, а его порядок получил недостаточного правовое регулирование. Представляется целесообразным разработать целостную концепцию всенародного обсуждения законопроектов и закрепить ее в специальном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [2, с. 239–240].

Разделяя в целом мнение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, полагаем, однако, что институт всенародного обсуждения проекта нормативного правового акта, как и народная правотворческая инициатива, скорее будут эффективны на уровне субъектов Российской Федерации, либо на муниципальном уровне. Но их важно реализовать именно «в цифровом формате». Цифровые технологии позволяют создать определенные «площадки для гражданского диалога», с помощью которых возможно публично высказать свою гражданскую позицию и быть «услышанным» органами власти. Примером такой площадки является электронный портал «Российская общественная инициатива». Как отмечается в докладе Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества за 2017 г.: «Портал действует с апреля 2013 г., за все время на нем было размещено 9175 инициатив. Из них только 23 инициативы набрали необходимые 100 тыс. голосов «за», а одобрение экспертной комиссии и «дальнейшую законодательную реализацию получили 12 инициатив. В 2016 г. только четыре инициативы набрали на портале РОИ более 100 тыс. голосов, из них три реализованы путем внесения изменений в законодательство 93…. Потенциал данной электронной площадки может и должен активнее использоваться всеми институтами гражданского общества, в том числе, например, при продвижении инициатив, проходящих обсуждение в общественных палатах» [3, с. 59]. Одно из последних по времени предложений, которое получило необходимое количество голосов граждан на федеральном уровне – более 100 тысяч – «Запретить добычу (вылов) китообразных в учебных и культурно-просветительских целях»[1]. Полагаем, что целесообразным и интересным для дальнейшего анализа данных инициатив было бы размещать статистические показатели за время функционирования данной «площадки» (за каждый год).

Я.В. Антонов еще в 2011 г. в своем выступлении на заседании Флорентийского общества, посвященного теме «Государство как произведение искусства: 150-летие концепции» размышлял об отсутствии возможности у общества выразить свое мнение о законопроектах. Он предлагал установить баланс между формированием права «сверху вниз» и «снизу вверх», отмечая, что «текущий принцип формирования права в своей основе несет фактическую прерогативу законотворчества и правотворчества органов законодательной власти.... Парламент и правительство являются главными субъектами, народ же выразить свою волю фактически не может. Считаем это критическим недостатком современного государственного строительства, который существенно снижает ценность идеи, гласящей, что народ является единственным источником суверенной власти любого государства. В этом смысле наблюдается явный перекос уже упомянутого «правотворческого баланса» в сторону так называемой власть имущей элиты» [1, с. 88].

В 2018 г. была опубликована монография известного ученого, доктора юридических наук А.Д. Керимова, в которой нас заинтересовали его размышления о всеобщей воле и парламенте. Профессор резюмирует: «обнаружить, правильно понять, достоверно узнать и адекватно отразить то, что именно желает и хочет, к чему стремится народ, оказывается далеко непросто, а иногда и невозможно» [5, с. 122]. И автор вполне, на наш взгляд, убедительно аргументирует свою позицию далее в работе. К числу причин, по которым граждане не принимают участие в решении общих дел, в обсуждении законопроектов, различных общественных инициатив относятся заботы граждан о выживании своих семей в тяжелых материальных условиях, информационная насыщенность, не позволяющая зачастую осмыслить происходящие в государстве и мире события, постоянные изменения законодательства; уже сформированная у многих людей убежденность в том, что их участие в решении общих проблем бессмысленно и от их мнения ничего не зависит; и множество других причин. Таким образом, «парламентарии оказываются перед необходимостью в первую очередь стремиться выявить всеобщую волю», «быть ближе к народу, гораздо чаще и предметнее, чем происходит сегодня, общаться со своими избирателями, хорошо знать их чаяния и нужды, желания, надежды и помыслы» [5, с. 132–133].

[1] Сайт «Российская общественная инициатива» https://www.roi.ru/49427/ (дата обращения 09.01.2020).

Еще один важный вывод делает профессор А.Д. Керимов о том, что парламент «призван стать широким дискуссионным форумом, объединяющим и направляющим в нужное русло деятельность всего спектра институтов гражданского общества, научных учреждений, с тем, чтобы путем открытых, демократических по форме и содержанию дебатов и обсуждений способствовать формированию воли народа и уже на ее основе принимать соответствующие решения, выстраивать систему законодательства» [5, с. 133]. Нами сделан акцент именно на двух стадиях – правотворческой инициативы и обсуждения проекта правового акта – потому, что именно в эти периоды граждане, общественные организации и другие субъекты могут выразить свое мнение и быть услышанными.

На наш взгляд, принципиально значимым для законодателей должно быть выявление, анализ и обобщение различных точек зрения, идей, концепций профессионалов в определенных сферах. Для повышения качества российского законодательства в широком смысле слова важную роль сыграет наличие альтернативных проектов правовых актов. Возможность подготовки проектов актов на конкурсной основе, разработки альтернативных проектов правовых актов различными субъектами (специалистами, научными организациями) предусмотрена, например, на уровне субъектов Российской Федерации (Алтайский край, Краснодарский край и др.). Благодаря цифровым технологиям данная возможность может быть реализована и востребована научным сообществом, заинтересованными субъектами (прежде всего, специалистами в определенных профессиональных сферах, не только юристами). Действительно, как пишет А.Д. Керимов, для «адекватного нормативно-правового регулирования» большинства вопросов «требуется наличие определенных знаний, соответствующей профессиональной подготовки, а отнюдь не всеобщее одобрение» [5, с. 135].

Во-вторых, стадия подготовки проекта правового акта. Возможности использования информационных технологий могут быть применены, например, в процессе проведения анализа текста проекта нормативного правового акта, а именно, «используемой терминологии, редакций нормативных правовых актов; наименований и нумерации структурных единиц, употребления ссылок, положений о вступлении в силу» [7, с. 83]. Здесь интересен опыт Беларуси, касающийся используемой в правовых актах терминологии. В недавно принятом Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17.07.2018[2], в статье 30 закреплено, что «при подготовке проектов нормативных правовых актов используются юридические словари государственных информационно-правовых ресурсов, распространяемых (предоставляемых) Национальным центром правовой информации, иные информационно-правовые ресурсы». В ч. 6 ст. 42 этого же акта определено, что «При подготовке проектов нормативных правовых актов используются эталонная правовая информация, содержащаяся в государственных информационно-правовых ресурсах, распространяемых (предоставляемых) Национальным центром правовой информации, тексты нормативных правовых актов в контрольном состоянии». Тексты законов и подзаконных актов регулярно подвергаются обоснованной критике за неоднозначность, неопределенность, двусмысленность используемых в них терминов, определений, поэтому лингвистическая экспертиза проекта нормативного правового акта специалистами поможет снизить количество допускаемых в настоящее время ошибок, примеры которых приводит один из исследователей этой проблематики А.Д. Шмелев [11].

Стадия подготовки проекта нормативного правового акта завершается его представлением в правотворческий орган для обсуждения. Частично этот вопрос был затронут нами выше. Здесь обратимся к докладу Общественной палаты Российской Федерации за 2017 г., в котором констатируется значимость института общественной экспертизы законопроектов: «Общественная экспертиза является механизмом вовлечения граждан в законодательный процесс и позволяет улучшить качество принимаемых законов не только с юридической точки зрения, но и с позиций эффективности их реализации и соответствия ожиданиям и потребностям общества» [4, с. 63].

Полагаем, что проведение экспертиз проектов нормативных правовых актов различными субъектами права (не только органами власти, но и специалистами, юристами-практиками, представителями различных научных школ и сообществ) будет определенной гарантией качества принимаемого право-

[2] Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь http://www.pravo.by/ofitsialnoe-opublikovanie/novye-postupleniya/ (дата обращения: 12.12.2019).

вого акта. По-прежнему остается актуальной проблема низкой вовлеченности, прежде всего юридического сообщества, в проведение антикоррупционных экспертиз проектов нормативных правовых актов. Но данная проблема, на наш взгляд, является темой отдельных исследований. Однако, то, что «площадкой» для размещения различных экспертиз должен быть Интернет, сомнения не вызывает. Коммуникация институтов государственной власти, научного сообщества и институтов гражданского общества благодаря использованию информационных и цифровых технологий может оказать существенное влияние на повышение качества принимаемых правовых норм. Но, в свою очередь, это произойдет, если будет нормативно определен прозрачный, понятный алгоритм такого взаимодействия. Думаем, например, что институт независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проекта оказался неэффективным и невостребованным юридическим сообществом именно по причине его непроработанности и декларативности.

Ученые предлагают и новые стадии, в частности, законодательного, процесса, связанные с цифровизацией, а именно: «оценка степени сложности текста нормативного правового акта и прогноза качества правоприменительной практики и оценка поправок, вносимых в процессе рассмотрения проекта закона. Необходимость подобной стадии обусловлена существующими в нынешней модели законодательного процесса недостатками, которые позволяют в рамках одного законопроекта при помощи вносимых поправок изменять его концепцию либо фактически регулировать совсем иную сферу общественных отношений» [4, с. 76–77].

Еще одна интересная идея была высказана еще в 2017 г. и касается цифровизации правовой системы. Департамент проектной деятельности Правительства Российской Федерации предложил использовать искусственный интеллект для выявления «устаревших норм, неработающих, а также неэффективных и неоднозначных норм», в дальнейшем создавать по примеру Франции «онлайн-кодексы», а также создать «машиночитаемый язык для нормотворчества и применения искусственного интеллекта для анализа содержания нормативно-правовых актов и др. [8]

На завершающей стадии правотворческого процесса – стадии официального опубликования и вступления в силу нормативного правового акта – использование информационных технологий заключается в том, что в качестве источников официального опубликования выступают не только официальные печатные издания, но и размещение нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации»[3]. Эта практика сложилась практически в большинстве государств.

Бесспорно, что цифровые и информационные технологии меняют социально-политическую действительность, позволяют усовершенствовать многие процессы в сфере управления обществом и государством, повысить эффективность юридических процедур. Это относится и к определенной трансформации правотворческого процесса (и законотворческого, в частности). Опыт применения информационных и цифровых технологий накоплен многими государствами, он активно обсуждается в научном юридическом сообществе. Массив научных исследований по анализу возможностей использования информационных и цифровых технологий в правотворческом процессе в последние годы сформировался значительный, но изменения в практике российского правотворческого процесса происходят не так быстро, как хотелось бы. В Российской Федерации по-прежнему отсутствует федеральный закон, посвященный правотворчеству и нормативным правовым актам. В настоящее время юридическое сообщество обсуждает два законопроекта о нормативных правовых актах, один из которых подготовило Министерство юстиции Российской Федерации в 2014 г., а другой – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2019 г. Возможно, закон о нормативных правовых актах не решит всех проблем, связанных с низким качеством принимаемых правовых актов, их бессистемностью, пробельностью и другими проблемами, но четкие, ясные правила создания правовых актов в условиях цифровизации общества и государства, на наш взгляд, будут одним из факторов положительных качественных изменений состояния законодательства в Российской Федерации. В последние годы стали часто дискутировать на тему исчезновения ряда юридических профессий, высказывая предположения, что использование искусственного интеллекта, автоматизация юридических процедур, приведут к существенному снижению потребности общества в юристах. Дей-

[3] Официальный Интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru

ствительно, смена технологического уклада, который мы сейчас переживаем, существенно меняет социальную реальность, происходит трансформация представлений об обществе, государстве. Многие профессии перестают существовать, но вряд ли «исчезнет» потребность в юристах. Изменяются требования к компетенциям представителей юридических профессий, связанные со знанием и использованием ими возможностей, которые предоставляет Четвертая промышленная революция.

Использование информационных технологий, искусственного интеллекта в сфере правотворчества позволит более эффективно решать однотипные, рутинные задачи, оптимизировать процесс подготовки правовых документов и сосредоточиться субъектам правотворчества на более сложных содержательных вопросах. В условиях Четвертой промышленной революции использование цифровых технологий в правотворческом процессе является закономерным процессом, и перед научным сообществом и государством стоит, на наш взгляд, общая задача выработать законодательные нормы его регламентации, а также принять превентивные меры, учитывая риски и угрозы цифрового общества.

Список литературы

1. *Антонов Я.В.* Государство как произведение искусства // Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / ин-т философии РАН; Московско-Петербургский философский клуб; Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Летний сад, – 2011.
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Росс. газета. – 2018.
3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. – М.: Общественной палаты РФ, – 2017.
4. *Зенин С.С.* Процедурные пределы цифровизации законодательного процесса / С.С. Зенин, Д.Л. Кутейников, И.М. Япрынцев, О.А. Ижаев // Вестник ЮурГУ. – Серия «Право». – 2019. – Т. 19. – № 3.
5. *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории: монография / А.Д. Керимов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018.
6. *Пиголкин А.С.* Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР. Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. – М., – 1972.
7. Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху: монография / Под научной редакцией А.В. Корнева. – М., Проспект. – 2019.
8. Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. – 2017.
9. *Трофимов В.В., Свиридов В.В.* Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 106–114.
10. *Хансон М.* Коллаборация. Как перейти от соперничества к сотрудничеству. Пер. с англ. Ю. Гиматовой. – М., – 2017.
11. *Шмелев А.Д.* Здравый смысл и лингвистическая экспертиза в различных правовых системах // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. –№ 3. – С. 214–219.

References

1. *Antonov Ya.V.* State as a work of art // State as a work of art: 150th anniversary of the concept / Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences; Moscow-Petersburg philosophical club; Rev. ed. – M.: Summer garden, 2011.
2. Report of the Commissioner for human rights in the Russian Federation for 2017 // Ross. Gazeta. – 2018.
3. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2017. – Moscow: Public chamber of the Russian Federation. – 2017.
4. *Zenin S.S.* Procedural limits of digitalization of the legislative process / S.S. Zenin, D.L. Kuteynikov, I.M. Yapryntsev, O.A. Izhaev // Vestnik SUSU. – A Series Of «Right». – 2019. – Vol. 19. – No. 3.
5. *Kerimov A.D.* State organization of public life: questions of theory: monograph / A.D. Kerimov. – M.: Norma: INFRA-M, 2018.
6. *Pigolkin A.S.* Theoretical problems of law-making activity in the USSR. Abstract. Diss... d-RA yurid. sciences'. – M., 1972.

7. The system of law and the system of legislation: current state and prospects of development in the digital age: monograph / edited by A.V. Kornev. – M., Prospect. – 2019.
8. Trial processor. The government is discussing the use of artificial intelligence in the legal sphere // Kommersant. – 2017.
9. *Trofimov V.V., Sviridov V.V.* Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process // Legal policy and legal life. – 2018. – No. 4. – Pp. 106–114.
10. *Hanson M.* Collaboration. How to move from competition to cooperation. Per. from the English. Yu Gimatovoy. – M., 2017.
11. *Shmelev A.D.* Common sense and linguistic expertise in various legal systems // Bulletin of the Kemerovo state University. – 2016. – No. 3. – Pp. 214–219.

УДК 342

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ ПРАВА: УПОВАНИЯ И УГРОЗЫ[1]

Исаков Владимир Борисович,
д-р юрид. наук, профессор, профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
e-mail: visakov@hse.ru,
НИУ «Высшая школа экономики»

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-28-34

1. В массовой печати, в научной литературе, в Интернете, на многочисленных дискуссионных площадках сегодня обсуждается цифровое будущее права, юридической науки и юридического образования, а также перспективы профессии юриста. Высказано мнение, что по мере развития компьютерных систем профессия юриста станет ненужной, будет заменена искусственным интеллектом и исчезнет, причем не когда-нибудь, а в достаточно обозримой ближайшей перспективе.

Дискуссию оживила лекция в г. Калининграде президента ОАО «Сбербанк» Г.О. Грефа, который заявил студентам Балтийского федерального университета: «Вы – студенты вчерашнего дня. Товарищи юристы, забудьте свою профессию. В прошлом (2016 – В.И.) году 450 юристов, которые у нас готовят иски, ушли в прошлое, были сокращены. У нас нейронная сетка готовит исковые заявления лучше, чем юристы, подготовленные Балтийским федеральным университетом. Их мы на работу точно не возьмем» [1].

Так что же происходит с правом, юридической наукой и образованием, юридической профессией? Насколько обоснованы утверждения, что в условиях наступления цифровых технологий они начнут «отмирать»?

2. Если оторвать взгляд от противоречивой реальности сегодняшнего дня и посмотреть на проблему шире, становится понятным, что ничего необычного и чрезвычайного не происходит. Вся история человечества – это история накопления знаний, изобретения новых технологий, прогресса средств производства и предметов потребления. Начиная с палки-копалки, и до сегодняшнего дня человек стремился облегчить свою жизнь, сделать труд более легким и производительным.

Примерно с середины XX в. началось освоение атомной энергии, появились компьютеры и информационные технологии, которые сегодня завоевывают все новые и новые сферы применения. Были изобретены мобильная связь и интернет, без которых жизнь современного человека уже невозможна. В этом плане ничего не изменилось и вряд ли изменится в будущем. Нелепо бояться прогрессивных технологий, бороться с ними или осуждать человечество за их использование.

Наступление научно-технического прогресса естественным образом приводит к отмиранию одних профессий и появлению новых. Сейчас мало кто помнит, что существовали такие профессии как фонарщик (зажигал вечером керосиновые и газовые фонари и гасил их утром), переписчик бумаг, извозчик. На грани полного исчезновения профессии лифтера, счетовода, прачки, телефонистки. Какие новые профессии появятся, трудно предугадать, как и спрогнозировать, какие профессии полностью исчезнут.

Наивно ожидать, что технический прогресс обойдет профессию юриста. Уже сегодня она выглядит иначе, чем 100 или даже 50 лет назад. Очевидно, что эти изменения будут происходить и дальше в общем русле научно-технического прогресса.

3. Все опасности исходят не от технического прогресса, а от того, что он протекает в крайне несовершенном обществе, нередко использующем современные достижения науки и техники эгоистически, антигуманно, вопреки интересам человека и человечества.

Наиболее очевидный пример – гонка вооружений. Экономисты достаточно единодушно утверждают, что перенаправление даже части глобальных военных расходов на мирные цели позволило бы в короткий срок решить большинство кричащих проблем человечества – преодолеть отсталость, болез-

[1] Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Правовая система России в эпоху цифровизации: состояние, проблемы, перспективы»

ни, голод, нищету. Приблизительно выровнять уровень образования и уровень жизни людей в разных странах, сделать прорыв в сфере рационального использования природных ресурсов и защиты окружающей среды и т.д. Вместо этого гонка вооружений пожирает огромные материальные ресурсы, продолжается, а в последнее время – и усиливается. Человечество балансирует на грани войны, способной уничтожить все живое на Земле в считанные часы. Удивительное, на первый взгляд, необъяснимое противоречие: высочайшие достижения науки и техники – и самоубийственное их применение.

4. Сегодня мы переживаем очередной, качественно новый виток научно-технического прогресса. Цифровые технологии активно приходят в гуманитарные, интеллектуально насыщенные сферы деятельности, в том числе в юриспруденцию.

Этот этап никак нельзя назвать неожиданными. Полистайте научно-фантастическую литературу 60–70 гг. прошлого века. Там вы найдете описания «умных» домов, новых материалов с заданными свойствами, новых источников энергии, скоростного транспорта, мобильных средств связи, социальных сетей и их применения в сфере социального управления, спрогнозированы позитивные и негативные изменения сознания человека, предсказана борьба за экологию и т.д. Все это считалось научной фантастикой и сегодня, спустя 50 лет, становится реальностью.

В итоге, нет никаких оснований для паники, но нет оснований и для самоуспокоенности. Ситуация нуждается в трезвом анализе того, в какой точке процесса мы находимся, какие изменения уже сейчас проявили себя или их можно уверенно спрогнозировать, и каким образом к ним следует начинать готовиться.

5. Какие изменения в сфере права в этой связи я считаю в достаточной степени вероятными?

Первое. Непрерывный реинжиниринг (реконструкция) общественных отношений и систем управления ими, в том числе – систем правового регулирования. Компьютеризация и автоматизация права не является самоцелью. Целью является изменение общественных отношений, т.е. придание им современной формы, более экономичной, экологичной, защищенной и т.д., а также использование более эффективных форм и методов управления.

В ходе реинжиниринга меняется место права в общественных отношениях: в некоторых случаях происходит замена норм права техническим или автоматическим регулированием или нормы права регулируют отношения «совместно» с нормами технического содержания, стандартами[2]. Очевидно, что реинжиниринг такого типа будет продолжаться и менять роль права в обществе.

На дальнейшее расширение сферы компьютеризированных отношений влияют несколько факторов:

Политический фактор. Наиболее значимые общественные отношения, основные «несущие конструкции» общества и государства, – такие как основы общественного и государственного устройства, система органов государственной власти и способы их формирования, гражданство, отношения собственности, основные права и свободы человека и гражданина – останутся сферой правового регулирования на неопределенно длительный срок. Компьютеризировать их невозможно, да и нецелесообразно. Но компьютеризированы могут быть отдельные формы и технологии их осуществления, например, избирательные процедуры и референдумы, а также способы осуществления ряда конституционных прав (права на участие в государственном управлении, права на труд, права на информацию и т.д.).

Экономический фактор. На компьютеризацию регулирования общественных отношений существенно влияют экономическая целесообразность и наличие необходимых ресурсов. В первую очередь компьютеризируются те сферы деятельности, в которых имеются состоятельные, экономически заинтересованные участники – банки, биржи, страховые компании. Так, например, бюджет Сбербанка России на технологическое обновление в 2018 г. составил 108,2 млрд руб. Всего же на эти цели за 10 лет, начиная с 2009 г., было потрачено 650 млрд руб. Основная доля расходов была связана с переходом

[2] Сообщается, например, о разработке технического стандарта ГОСТ Р 58776-2019 «Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Термины и определения». Данный ГОСТ разработан с целью обеспечения эффективной коммуникации человека и интеллектуальных робототехнических систем, например, беспилотных транспортных средств. При взаимодействии с человеком интеллектуальные системы будут прогнозировать его поведение, что в дальнейшем может быть использовано для выявления людей с преступными или девиантными намерениями. ГОСТ вступает в силу с 1 сентября 2020 года. См.: https://cnews.ru/news/top/2019-12-26_rossijskij_iskusstvennyj. Очевидно, что в данном случае нормы технического регулирования (стандарты) установлены в области, которая является также предметом нормативно-правового регулирования.

Сбербанка на новую цифровую технологическую платформу [2]. Как видим, внедрение современных цифровых технологий требует немалых затрат и далеко не каждая организация в состоянии изыскать на эти цели необходимые средства. Дефицит экономических и финансовых ресурсов будет и далее существенным фактором, ограничивающим замещение нормативно-правового регулирования современными цифровыми технологиями.

Социальный фактор. Нельзя не учитывать, что значительная часть населения, особенно люди старшего поколения, психологически не готовы к использованию современных цифровых технологий. Они с недоверием относятся к использованию пластиковых карт, перечислению на них зарплат и пенсий, не имеют аккаунтов в социальных сетях и на сайтах государственных органов (Госналогслужбы, Пенсионного фонда), адресов электронной почты, с которых можно было бы подать заявку, и на которые получить официальную информацию, испытывают затруднения при пользовании современными многофункциональными телефонами и т.д. Выражая опасения верующих, православная церковь выступила против использования цифровых идентификационных номеров граждан, без которых невозможно использование большинства информационных технологий в сфере управления и бизнесе [3].

При этом широкие слои населения не доверяют не столько технике, сколько целям и намерениям правящих кругов, нацеленных на энергичное внедрение цифровых компьютерных технологий. Как показали недавние выборы, использование электронной формы голосования отнюдь не исключает, а скорее даже облегчает фальсификацию его итогов. Прозрачность доходов граждан, как показывает практика, пока существенно не повлияла на снижение уровня коррупции, зато значительно облегчила контроль доходов граждан и организаций, преследование «иностранных агентов», лиц, обвиняемых в «экстремизме» и т.д. Очевидно, что преждевременный демонтаж нормативно-правовых гарантий и правовых процедур, замена их компьютерными информационными технологиями, может привести не к социальному прогрессу, а к социальной безответственности, произволу, снижению правовой и социальной защищенности личности.

Второе. Широкое распространение цифровых технологий в различных сферах деятельности, регулируемых правом, ведет к появлению новых общественных отношений и новых предметов регулирования, которых раньше не было. В определенном смысле, предмет правового регулирования можно сравнить с сетью дорог. Одни участки этой «сети» уже заасфальтированы и превращены в современные высокоскоростные транспортные магистрали. Другие – готовятся к электронному «асфальтированию». Третьи – представляют собой грунтовые дороги и проселки, которые будут покрыты асфальтом не скоро.

Какие участки можно считать «хорошо заасфальтированными»? Можно указать на следующие виды правоотношений:

- банковские (электронный банкинг);
- биржевые (вплоть до электронных маклеров);
- некоторые элементы транспортных отношений (продажа билетов, допуск на объекты транспортной инфраструктуры);
- конкурсы и тендеры;
- некоторые элементы торговли (торговля через автоматы, электронная торговля, интернет-торговля).

Какие участки «готовятся к асфальтированию»? К числу таковых можно отнести:

- управленческий документооборот (безбумажный документооборот). Глубокого инжиниринга здесь пока не просматривается, но из управленческих процедур активно исключается бумага;
- некоторые виды госуслуг, связанные с получением документов, справок, свидетельств и т.д.;
- некоторые виды страхования (например, страхование мелких автоаварий);
- некоторые виды разрешения споров (например, международный арбитраж в Женеве по спорам о доменных именах. Рассмотрение споров в этом арбитраже производится дистанционно, в электронной форме, на основании представленных электронных документов. Скорее всего, такая практика будет расширяться);
- некоторые виды административной ответственности, где правонарушение можно надежно зафиксировать с помощью технических средств (ответственность за нарушение правил ПДД).

Наконец, некоторые виды отношений можно отнести в группу, компьютеризация которых проблематична. В числе последних:

- конституционные отношения (структура и порядок формирования государственных органов, права и свободы граждан);

- отношения собственности (при этом отношения по электронной регистрации перехода собственности и сделок с ней будут, очевидно, развиваться);

- правонарушения и преступления, в правовую модель которых входят оценочные понятия и категории: особая жестокость, исключительный цинизм и т.п.;

- семейные отношения и имущественные отношения граждан в семье: развод, оставление ребенка с родителями, раздел имущества, права на наследование, совместное проживание и т.д.

Третье. Социальный инжиниринг, появление новых отношений и новых предметов правового регулирования неизбежно влекут изменения в системе и структуре права, а также в методах правового регулирования.

В 2017 г. на Факультете права НИУ ВШЭ прошла научная конференция по проблеме системы права, на которой некоторые ученые характеризовали проблему системы права как «застойную», «неактуальную» или даже «несуществующую». Решительно с этим не согласен. Не проблема системы права носит застойный характер, а в ее научном понимании наблюдается многолетний застой, не просматривается новых подходов. Изучение системы права – не недостаток, а напротив, одна из заметных позитивных сторон, отличающих советскую, а теперь и российскую юридическую науку от зарубежной. В.Н. Синюков, на наш взгляд, совершенно обоснованно связывает проблематику системы права с духом социального оптимизма и «социального конструктивизма», которым было пронизано раннее советское общество [4].

Актуальность разработки новых подходов к системе права можно показать на конкретном примере. В современной практике строительного проектирования начали внедряться компьютерные системы (пока, к сожалению, зарубежного производства), которые обеспечивают создание сооружения и его функционирование на протяжении всего его жизненного цикла. На первом этапе система обеспечивает формирование технического задания, испытание макетов и опытных образцов, затем – проектирование, далее – управление процессом строительства, потом – запуск в эксплуатацию построенного сооружения и его стабильное функционирование: плановые ремонты, обслуживание, замену оборудования, обеспечение безопасности и т.д., и в завершение – демонтаж и утилизацию конструкций и оборудования и приведение земельного участка в первоначальное или даже улучшенное состояние. Использование «сквозного» программного обеспечения обеспечивает своевременность и высокое качество проводимых работ, а также существенную экономию общей совокупности затрат.

С экономической точки зрения появление подобных проектно-производственно-эксплуатационных комплексов можно только приветствовать, но с правовой точки зрения они порождают целый ряд проблем. Ведь с юридической точки зрения в их основе лежат совершенно разные правоотношения, регулируемые разными отраслями права с применением несовпадающих методов: гражданско-правовые, трудовые, административные, экологические. Одни из них принято считать частными, другие – публичными. Согласно традиционным представлениям о системе права данный комплекс должен быть «разобран» на составные части по «ведомственной принадлежности». По-видимому, отраслевой подход к правоотношениям не учитывает в данном случае появление на практике многоотраслевых правоотношений, объединенных составом участников, но неоднократно меняющих по мере развития свое содержание.

Очевидно, что это далеко не единственный случай, когда экономическая реальность не вписывается в существующую систему права. Как следует реагировать на подобные ситуации? Предоставить практике разбираться с ними или, может быть, модифицировать систему права, предусмотреть в ней институты, которые позволили бы эффективно регулировать «сверхдлящиеся» и «суперкомплексные» правоотношения? С этой точки зрения, традиционное устоявшееся деление норм права и правоотношений на публичные и частные, регулятивные и охранительные, материальные и процессуальные в перспективе может быть поставлено под сомнение. Скорее всего, эти «священные коровы» юриспруденции не вечны. Научно-технический прогресс может обойтись с ними столь же сурово, как и со «священными коровами» в других отраслях человеческой деятельности.

Наверное, самой неконструктивной и проигрышной позицией в сложившейся ситуации было бы просто пассивно наблюдать нарастающие проблемы. Коротко обозначу направления, по которым необходимо двигаться, для того чтобы достойно встретить наступающую компьютерную и цифровую реальность.

1. Прекратить стихийное нерегулируемое развитие законодательства и упорядочить его систему. Остановить количественный рост актов действующего законодательства и резко сократить их количество. Принять и реализовать скоординированные планы развития законодательства на федеральном и региональном уровнях.

2. Создать по всем отраслям права «цифровые кодексы» действующего законодательства. Прообразами таких кодексов можно считать современные высокоразвитые справочные информационно-правовые системы «Консультант Плюс», «Гарант», «Кодекс» и др. В силу достигнутого ими высокого уровня надежности они уже сейчас могут получить юридический статус полуофициальных (официозных) кодификаций действующего законодательства.

3. Перейти на систему непрерывной кодификации, которая предполагает, что любой вновь принимаемый нормативный правовой акт (закон, норма, поправка) должен немедленно интегрироваться в соответствующий «цифровой кодекс». В этой связи необходимо резко интенсифицировать научные исследования по вопросам системы права и развития действующего законодательства.

4. Модернизировать систему доступа к правовой информации. Каждый гражданин должен иметь возможность бесплатного и круглосуточного доступа к законодательству, судебной и административной практике, а также актуальной информации о деятельности государственных и муниципальных органов, социальных программах, планируемых мероприятиях и т.д. Электронное опубликование официальной информации следует в законодательном порядке признать первичным и основным, а опубликование на бумаге, в печатной форме – вторичным и дополнительным.

5. Должны быть приняты меры для упорядочения языка и терминологии законодательства. Необходимо создание многоязычных электронных словарей тезаурусов, а еще лучше – электронных энциклопедий юридической терминологии. Каждый вновь принимаемый документ должен проходить строжайшую экспертизу на соответствие принятым терминологическим стандартам. Законодатель должен четко сознавать, что непрерывная кодификация юридической терминологии – одна из базовых основ законотворчества, без которой оно не может быть эффективным.

6. Государство должно всерьез озаботиться развитием и укреплением информационно-правовой культуры общества и граждан. Искажение информации, включая ложь и клевету, неисполнение обязанностей по внесению и обновлению данных, необоснованное ограничение доступа к информации – может иметь в современном информационном обществе катастрофические последствия. Подобные действия должны выявляться и преследоваться по всей строгости закона.

В предлагаемых мерах нет ничего чрезвычайного и сверхзатратного, однако их реализация способна существенно повысить авторитет и эффективность юридической деятельности, снять значительную часть противоречий между нормативно-правовым и технико-технологическим регулированием общественных отношений.

Обозначенные выше прогнозируемые изменения не могут не затронуть и сферы юридического образования. В этой связи, на мой взгляд, потребуются определенные корректировки в наших представлениях о целях, задачах, формах и приоритетах юридического образования:

- безусловно, сократится потребность в «юридических бухгалтерах», т.е. юристах, специализирующихся на простейших юридических операциях – выдаче справок, удостоверений, оформлении типовых договоров и т.п. Реинжиниринг правовых отношений и переход на безбумажные технологии приведет к массовому сокращению этой категории специалистов.

С другой стороны, вырастет потребность в «стратегических юристах» и «юристах-аналитиках», способных формировать правовую политику, прогнозировать развитие научно-технического прогресса, приспосабливать правовые формы к меняющимся общественным отношениям, находить выходы из нестандартных социально-правовых ситуаций;

- безусловно, сохранят ценность юристы, имеющие два образования, юридическое и специальное, – техническое, медицинское, фармацевтическое, спортивное и т.д. Наличие специального образования позволяет юристу владеть отраслевой терминологией, понимать существо возникающих проблем и объясняться со специалистами на их языке. Разумеется, такой юрист будет востребован и оценен в любой сфере деятельности;

- независимо от сферы деятельности и специализации, необходимо готовить юристов к работе в постоянно меняющейся информационной среде.

Компьютерная и информационная грамотность в необходимом объеме должна стать обязательным и неизменным требованием к выпускнику юридического вуза. Это относится и к преподавателям, которые должны объяснять студентам свои предметы не на пальцах и даже не на грифельных досках, а изначально в оболочке используемых на практике компьютерных программ и технологий. Сегодня же можно наблюдать, как студент объясняет преподавателю, как исправить компьютерный сбой или запустить ту или иную программу;

- нуждается в критической оценке и пересмотре сложившаяся система юридического образования в целом. Поспешный, плохо продуманный и подготовленный переход на Болонскую систему образования в нашей стране следует оценить в достаточной степени критически. Он произошел в рамках господствующей до сих пор парадигмы: «На Западе – все правильно и хорошо, у нас – сплошные ошибки и недостатки, ничего полезного не создано». Данная парадигма, на мой взгляд, представляет собой уродливую деформацию сознания и практики, открытое признание собственной несостоятельности. Переход на Болонскую систему произвел некоторую полезную «встряску» застоявшейся системы образования, но не дал тех результатов, которые от нее ожидали.

Система юридического образования должна оперативно реагировать на все новое, что появляется в юридической практике – новые социальные и правовые институты, новые правоотношения, новые компьютерные и информационные технологии. В ней должен присутствовать развитый сектор ДПО – дополнительного профессионального образования: второе высшее, курсы переподготовки и повышения квалификации, краткосрочные курсы и семинары, онлайн-курсы и т.д.

Неэффективность юридического образования закладывается в вузе на уровне формирования профессионального мышления. Десятилетнее преподавание курса «Правовая аналитика» дает основания указать на некоторые типичные дефекты правового мышления, формируемые нами у студентов. Что конкретно имеется в виду?

Узкоотраслевая направленность. Все преподавание в школе, а затем в вузе, построено по отраслевому принципу: мы стремимся в максимальной степени наполнить студентов отраслевыми знаниями. Реально не только образование, но и юридическая наука построены по предметно-отраслевому признаку. О проектном подходе и комплексных, межотраслевых исследованиях много разговоров, но реально они неразвиты. В результате студенты, столкнувшись с реальными жизненными ситуациями, возникающими, как правило, на стыках традиционной сетки отраслей, оказываются в растерянности, не могут применить полученные ими знания на практике.

Узкоотраслевая направленность образования дополняется *изучением их на абстрактном, теоретическом уровне*. Мне могут возразить: «Ну как же так, ведь мы решаем задачи, обсуждаем конкретные ситуации!» Но посмотрите внимательно на эти задачи и ситуации: на самом деле, это достаточно абстрактные кейсы, очищенные от конкретных деталей и признаков. На практике студенты сталкиваются с реальными жизненными ситуациями, в которых «перемешано» общее, частное и конкретное, важное и второстепенное, закономерное и случайное – и испытывают стресс от того, что не могут привести ситуацию в привычный для них «абстрактно-задачный» вид.

Еще одну проблему юридического мышления можно обозначить как *ограниченное представление студентов о своей профессиональной ответственности и профессиональном долге.* Я против избыточной политизации и идеологизации юридического образования, которая, на мой взгляд, не слишком хорошо сочетается с задачами подготовки грамотных юристов. Но сегодня, на мой взгляд, мы впали в другую крайность – идеологическую эклектику, ценностную всеядность, вывели за рамки образования сколь-нибудь серьезный разговор со студентами о профессиональном долге юриста. Спросим себя: кого мы растим в стенах юридических вузов? Торговцев юридическими услугами или сознательных граждан, способных понимать и сострадать, решать правовыми средствами назревшие проблемы своей страны?

13.02.2020

Список литературы

1. *Демченко Н.* Герман Греф посоветовал юристам «забыть профессию» // РосБизнесКонсалтинг. – URL: https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d (дата обращения: 10.03.2020).
2. ИТ-бюджет Сбербанка // TAdviser. – URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-бюджет_Сбербанка (дата обращения: 10.03.2020).
3. *Филимонов В.* Официальная позиция Русской Православной Церкви по проблемам электронной идентификации личности. // Русская народная линия. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/10/04/oficialnaya_poziciya_russkoj_pravoslavnoj_cerkvi_po_problemam_elektronnoj_identifikacii_lichnosti (дата обращения: 10.03.2020).
4. *Синюков В.Н.* Системная методология и закономерности правового регулирования // Проблемы системы и систематизации законодательства: сборник статей / под ред. В.Б. Исакова и Е.Н. Салыгина. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Факультет права. Кафедра теории и истории права. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018. – С. 140–155.

References

1. *Demchenko N.* German Gref posovetoval yuristam «zabyt' professiyu» // RosBiznesKonsalting. – URL: https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d (data obrashcheniya: 10.03.2020).
2. IT-byudzhet Sberbanka // TAdviser. – URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:IT-byudzhet_Sberbanka (data obrashcheniya: 10.03.2020).
3. *Filimonov V.* Oficial'naya poziciya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi po problemam elektronnoj identifikacii lichnosti. // Russkaya narodnaya liniya. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/10/04/oficialnaya_poziciya_russkoj_pravoslavnoj_cerkvi_po_problemam_elektronnoj_identifikacii_lichnosti (data obrashcheniya: 10.03.2020).
4. *Sinyukov V.N.* Sistemnaya metodologiya i zakonomernosti pravovogo regulirovaniya // Problemy sistemy i sistematizacii zakonodatel'stva: sbornik statej / pod red. V.B. Isakova i E.N. Salygina. Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». Fakul'tet prava. Kafedra teorii i istorii prava. – M.: ID «Yurisprudenciya», 2018. – S. 140–155.

УДК 34.06

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ ТЕХНИКЕ АНАЛИЗА НОРМАТИВНЫХ АКТОВ

Миндзаев Марат Айдарукович,
канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права,
e-mail: ecolog77@rambler.ru,
ЧОУ Владикавказский институт управления

Понимание смысла отдельной правовой нормы, а тем более, нормативного акта в целом, может оказаться для студентов и практикующих юристов серьезной проблемой. Как правильно использовать филологическое, телеологическое, историко-политическое толкование при осмыслении отдельного правового предписания иллюстрируется на примере статей Кодекса РФ об административных правонарушениях. Гораздо труднее осмыслить целый нормативный акт, особенно, если перед собой ставится задача не просто его запомнить, а понять, какие цели ставил перед собой законодатель (миссия акта), нет ли скрытых дефектов в связях данного акта с ранее принятыми, нет ли лакун в процедуре реализации акта, прописаны ли стимулы правоприменения. Первая задача – определить миссию документа, поскольку конструкция акта производна от объекта регулирования. Дальнейшие способы анализа различаются в зависимости от этого. Но общая схема едина: как компьютерная программа будет работать, если правильно выстроен алгоритм и верно подобраны операторы, так и закон сможет реально работать, если отсутствуют противоречия с остальным законодательством, нет внутренних пробелов, двусмысленностей.
Способы преодоления типичных задач рассматриваются в настоящей статье на примере ряда российских законов.

Ключевые слова: юридическая техника, обучение студентов, толкование законов, анализ правового предписания, анализ нормативного акта, миссия закона, субъекты права, действия, сроки, формы, алгоритм, сфера регулирования

PROBLEMS OF TRAINING LAW-STUDENTS THE TECHNIQUE OF REGULATIONS ANALYSIS

Mindzaev M.A.,
candidate of legal sciences, Associate Professor, head of chair of theory and history of state and law,
ecolog77@rambler.ru,
Institute of Management, Vladikavkaz

Understanding the meaning of a particular legal norm, and even more so, the normative act as a whole, it can be a serious problem for students and practicing lawyers. How to correctly use philological, teleological, historical and political interpretation when understanding a particular legal prescription is illustrated by an example articles of the Code of administrative offences of the Russian Federation. It is much more difficult to comprehend the whole normative act, especially if the task is not just to remember it, but to understand what goals the legislator set for himself (I mean the mission of the act). It is necessary to understand whether there are hidden defects in the relations of this act with previously adopted ones, whether there are gaps in the procedure for implementing the act, whether there are incentives for law enforcement. This article describes ways to overcome typical problems on the example of a number of Russian laws.

Keywords: legal technique, teaching students, interpretation of laws, analysis of the legal requirement, analysis of the law, subject of law, actions, terms, forms, algorithm, scope of regulation

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-35-38

Интересующая нас проблема имеет не только познавательное значение, интересна не только преподавателям, ищущим наиболее эффективные способы преподнесения материала студентам, но в первую очередь должна быть актуальна для законодателя, ибо демонстрирует системные огрехи отечественной модели правотворчества [4].

Далее пойдет изложение двух (из многих) аспектов проблемы: анализ отдельного правового предписания, статьи закона и техника изучения целого документа, нормативного акта, закона.

Что, казалось бы, может быть проще текста отдельно взятой статьи? Если не все понятно, то знай себе, применяй широко известные всякому первокурснику способы толкования: расширительный, буквальный или ограничительный, системный, исторический, телеологический, грамматический, да мало ли их! Но, как показывает практика, не всегда бывает понятно, как именно их применять, и приходится находить какие-то новые или малоиспользуемые приемы [1]. В качестве примера можно привести диспозицию статьи 14.9.1. КоАП РФ:

«Статья 14.9.1. Нарушение порядка осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства:

1. Действия (бездействие) должностных лиц федеральных ***органов*** *исполнительной власти,* ***органов*** *государственной власти субъектов Российской Федерации,* ***органов*** *местного самоуправления либо иных осуществляющих функции указанных* ***органов о органов*** *или* ***организаций, организаций****, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, при осуществлении в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, являющихся субъектами градостроительных отношений,* ***процедур****, включенных в исчерпывающие перечни* ***процедур*** *в сферах строительства, обжалование которых предусмотрено антимонопольным законодательством Российской Федерации, и которые выражены в нарушении установленных сроков осуществления* ***процедур*** *либо в предъявлении требования осуществить* ***процедуру****, не включенную в исчерпывающий перечень* ***процедур*** *в соответствующей сфере строительства, за исключением случаев, предусмотренных статьей 5.63 настоящего Кодекса».*

Чтобы понять смысл статьи нужно долго пробираться сквозь «забор органов», а затем «частокол процедур» (выделено полужирным курсивом), причем, с точки зрения стилистики русской речи абсолютно недопустимо дважды подряд употреблять слово «органов», а затем так же дважды слово «организаций». Гораздо яснее было бы выразить мысль примерно так:

- при выдаче разрешений на строительство и вводе в эксплуатацию сооружений запрещается изменять сроки, прописанные в правовых нормах или произвольно усложнять процедуру, вводя дополнительные требования к застройщикам. Далее через запятую или точку с запятой можно уточнять субъектный состав статьи, перечислять исключения, но статья уже выглядит совершенно иначе: с первой строки ясно кому и что запрещается делать.

Достаточно ли предложенного? Категорически нет, ибо без осмысления сферы регулирования данной статьи, без знания практики реализации данных отношений может возникнуть иллюзия правильности регулирования. А как на самом деле?

На самом же деле эту статью с санкцией *«влекут предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей»* иначе как издевательством назвать нельзя. Зачем, спрашивается, чиновнику произвольно изменять процедуру и затягивать сроки рассмотрения, как не наживы для? Примерно десятикратная разница в цене квадратного метра жилья в провинции и в столице (в среднем 40 000 против 350 000 руб.) получается не из-за более дорогого транспорта, кирпича или рабочей силы (разница в стоимости здесь есть, но не очень велика), а вследствие коррупции. Поэтому наказывать предупреждением недоказанное покушение на получение взятки – это сюжет для М.Е. Салтыкова-Щедрина, но никак не для социального демократического государства.

Итак, громоздкую конструкцию следует упростить, отбросив временно обстоятельства и переформулировать, поставив в начало предложения глагол или запрещаемое (обязываемое) действие. Затем последовательно вводить субъекты, к которым обращена норма, обстоятельства действия последней, исключения. Все это, по сути, и есть филологическое толкование статьи закона. Но не менее важным является последующее критическое осмысление нормы, попытка понять, чем был озабочен законодатель, принимая ее. Здесь следует использовать приемы не только телеологического толкования, но и исторического, и системного.

Теперь об анализе законов в целом (еще раз оговоримся, что наши предложения не универсальны, а пригодны для хотя и обширного пласта, но не всего законодательства). Первое, что следует понять, это миссию закона, которая довольно часто бывает понятна из названия [7]. Хотя иногда случа-

ется так, что думаешь, лучше бы законодатель не был бы столь откровенен, как, например, в случае с федеральным законом *«О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».* При Советской власти никому и в страшном сне не приснилось бы, что издан закон о том, чтобы охранять население от контролирующих и надзирающих субъектов. Презюмировалась общность интересов аппарата и народа и в особой защите последний не нуждался; противное считалось аполитичным.

В некоторых случаях законодатель избегает подобной ловушки с названием, но попадает в другую, когда просто невозможно бывает понять, зачем документ издан. Например, в 1998 г. был принят закон №30-РЗ *«О горных территориях в Республике Северная Осетия-Алания»*, который в 2019 г. был заменен законом №9-РЗ *«О статусе горных территорий в Республике Северная Осетия-Алания».* Кроме деклараций оба закона не содержат ничего – ни запретов, ни предписаний, ни дозволений, только определения и провозглашение целей с отсылкой к правительственным постановлениям. Представляется, что такие документы не должны именоваться законами из-за отсутствия в них регулятивного потенциала [5].

Вернемся к миссии. В соответствии с классификациями правовых предписаний по различным основаниям законы тоже могут быть подразделены на в основном запрещающие (их не так много, например УК РФ, КоАП РФ, Федеральный закон №15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»), в основном обязывающие (НК РФ), в основном управомочивающие (о выборах, о митингах), в основном процедурные (процессуальные), о льготах, о статусах различных лиц и организации и так далее. Полная классификация нормативных актов, из которых одних федеральных законов (не считая законов заплаточных) более 600 – предмет отдельного исследования.

Если с кодексами все более или менее понятно (частотность их применения неизмеримо выше, чем иных актов парламента), то иные документы могут исследоваться в такой последовательности. Прежде всего, определяется субъектный состав. Например, закон от 19.06.2004 №54-ФЗ *«О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»* обращен к организаторам и участникам публичных мероприятий, должностным лицам органов, осуществляющих согласование публичных мероприятий, уполномоченному представителю органа исполнительной власти, а также к сотрудникам полиции. Далее в законе отыскиваются права и обязанности этих субъектов. В отличие от закона *«О полиции»* или *Конституции РФ*, где описывается статус граждан или полицейских в полном объеме, здесь их права описаны ситуационно и «процессуально», поскольку закон в основном несет процедурную нагрузку. То есть в законе описываются пошагово их действия в определенной ситуации. Следующий процедурный момент – сроки, они тоже обнаруживаются в тексте без труда. И еще один процессуальный момент – формы, в которые облекаются действия, или документы. Выделение всех этих составляющих: субъекты – их действия, сроки, формы – позволяет понять алгоритм действий всех участников отношений. Документ становится понятным (при первом приближении).

А дальше начинается критический анализ: поскольку законодатель загоняет в жесткие временные рамки организаторов митингов, то насколько это демократично и какие есть легальные возможности их обойти и провести публичное мероприятие, скажем завтра? Далее, чем обеспечиваются жесткие запреты, есть ли охраняющие их статьи в КоАП, например? Есть, конечно. А не противоречат ли полномочия полиции тем, что записаны в главном законе о полиции? Тоже нет, не противоречат. Разбор окончен. Но так легко, «в уме», можно разобрать лишь небольшой документ. Более объемный, скажем, закон о выборах, так легко не удастся разложить по полочкам, подтверждением чему является многократное дополнение главы 5 КоАП РФ, охраняющей избирательные права граждан.

Здесь мы подходим к очень важному вопросу: необходимо использовать возможности компьютера для того, чтобы препарировать каждый новый нормативный акт, установить его непротиворечивость с остальными правовыми документами. Как это реализовать?

Ответы на поставленные вопросы даст исследование, контуры которого обозначены в наших статьях [2; 3; 6]. Пересказывать статьи нет смысла. Но в самом общем виде они являются продолжением данной статьи, где говорится о возможностях использования программных средств для анализа каждого принимаемого закона, на предмет определения возможных препятствий для его реализации или отсутствия таковых [8].

Список литературы

1. *Бошно С.В.* Толкование норм права // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-norm-prava-1/viewer (дата обращения: 12.03.2020).
2. *Гамаонов В.Г., Миндзаев М.А.* Структурный анализ системы законодательства с целью выявления типовых нормативно-правовых актов с положительными и отрицательными признаками. // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2010. – № 34. – С. 159–174.
3. *Гамаонов В.Г., Миндзаев М.А.* О методологических вопросах и компьютерной реализации формализованного описания нормативных правовых актов // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2010. – №34. – С. 128–158.
4. *Клочкова А.В., Шаронова А.А.* Использование инновационных технологий в целях повышения эффективности учебного процесса. // Вестник Московского университета. Серия 11 Право. – 2015. – №3. – С. 73–83.
5. *Миндзаев М.А.* Применение формально-юридического метода к толкованию закона «О горных территориях в Республике Северная Осетия–Алания» Тезисы: материалы VI-й Международной конференции «Инновационные технологии для устойчивого развития горных территорий». – Владикавказ, 2007. – С. 127–128.
6. *Миндзаев М.А., Цховребова К.А.* Методика анализа текста закона в целях определения его алгоритма // Бюллетень Владикавказского института управления. – 2009. – №31. – С. 51–63.
7. *Малюгин С.В.* Категория “смысл закона” в юриспруденции: юридическая практика – догма – теория // Государство и право. – 2018. – № 10. – С. 50–60.
8. *Ромашов Р.А., Панченко В.Ю.* Цифровое государство (digital state) – концептуальное основание глобального мирового порядка // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 99–109.
9. *Сауляк О.П.* Сильное государство в современной России: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2016. – № 2 (9). – С. 21–27.

References

1. *Boshno S.V.* Tolkovanie norm prava // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-norm-prava-1/viewer (data obrashcheniya: 12.03.2020).
2. *Gamaonov V.G., Mindzaev M.A.* Strukturnyj analiz sistemy zakonodatel’stva s cel’yu vyyavleniya tipovyh normativno-pravovyh aktov s polozhitel’nymi i otricatel’nymi priznakami // Byulleten’ Vladikavkazskogo instituta upravleniya. – 2010. – №34. – S. 159–174.
3. *Gamaonov V.G., Mindzaev M.A.* O metodologicheskih voprosah i komp’yuternoj realizacii formalizovannogo opisaniya normativnyh pravovyh aktov // Byulleten’ Vladikavkazskogo instituta upravleniya. – 2010. – № 34. – S. 128–158.
4. *Klochkova A.V., Sharonova A.A.* Ispol’zovanie innovacionnyh tekhnologij v celyah povysheniya effektivnosti uchebnogo processa. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11 Pravo. – 2015. – №3. – S. 73–83.
5. *Mindzaev M.A.* Primenenie formal’no-yuridicheskogo metoda k tolkovaniyu zakona «O gornyh territoriyah v Respublike Severnaya Osetiya–Alaniya» Tezisy: materialy VI-j Mezhdunarodnoj konferencii «Innovacionnye tekhnologii dlya ustojchivogo razvitiya gornyh territorij». – Vladikavkaz, 2007. – S. 127–128.
6. *Mindzaev M.A., Ckhovrebova K.A.* Metodika analiza teksta zakona v celyah opredeleniya ego algoritma // Byulleten’ Vladikavkazskogo instituta upravleniya. – 2009. – №31. – S. 51–63.
7. *Malyugin S.V.* Kategoriya “smysl zakona” v yurisprudencii: yuridicheskaya praktika – dogma – teoriya // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – №10. – S. 50–60.
8. *Romashov R.A., Panchenko V.Yu.* Cifrovoe gosudarstvo (digital state) – konceptual’noe osnovanie global’nogo mirovogo poryadka // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – №7. – S. 99–109.
9. *Saulyak O.P.* Sil’noe gosudarstvo v sovremennoj Rossii: problemy i perspektivy razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki. – 2016. – № 2 (9). – S. 21–27.

УДК 347.214.2

КАБЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧ КАК ОБЪЕКТЫ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Ананьев Андрей Геннадьевич,
канд. юрид. наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой гражданского права и процесса,
e-mail: andrey-a-g@mail.ru,
Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани

Актуальность рассмотрения вопросов правового режима кабельных линий электропередач обусловлена различными правоприменительными подходами в судебной и надзорной деятельности, из-за отсутствия единого нормативного регулирования и теоретического обоснования. Кабельные линии выступают значимой частью производственных процессов, но лишены должной правовой регламентации в настоящее время. Целью представленной статьи является исследование правовой природы кабельных линий электропередач в контексте современного законодательного регулирования и правоприменительных аспектов. Анализ отдельных нормативных актов и правоприменительных позиций позволяет выявить наличествующие противоречия и коллизии. Методологической основой проведенного исследования выступил анализ отдельных нормативных актов в рассматриваемой сфере, а также решения по конкретным вопросам непосредственно или опосредовано связанных с выявлением специфики правового режима анализируемого объекта. Результатом проведенного исследования стали выводы автора о специфической правовой природе исследованного объекта, поставленного в контекстную зависимость.

Ключевые слова: кабельные линии, недвижимое имущество, кадастровый учет, правовой режим, неделимые вещи, имущественный комплекс, электросетевое хозяйство

CABLE POWER LINES AS OBJECTS OF REAL ESTATE

Ananiev A.G.,
candidate of legal sciences, Assistant Professor, deputy head of the department of civil law and procedure,
e-mail: andrey-a-g@mail.ru,
Moscow Witte University, Ryazan branch

The relevance of considering the legal regime of cable power lines is due to the lack of a uniform law enforcement approach in judicial and supervisory activities, due to the lack of a single regulatory regulation and theoretical justification. Cable lines are an important part of production processes, but are deprived of due legal regulation at present. The purpose of this article is to identify the legal nature of cable power lines in the context of modern legislative regulation and enforcement aspects. The analysis of individual regulatory acts and enforcement positions allows us to identify the existing contradictions and conflicts. The methodological basis of the study was the analysis of individual regulatory acts in the field under consideration, as well as decisions on specific issues directly or indirectly associated with the identification of the specifics of the steam regime of the analyzed object. The result of the study was the author's conclusions about the specific legal nature of the investigated object, put in context dependence.

Keywords: cable lines, real estate, cadastral registration, legal regime, indivisible things, property complex, electric grid complex

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-39-45

Одним из важнейших инфраструктурных компонентов, обеспечивающих функционирование объектов производства и жизнедеятельности выступают линии электропередач, питающие соответствующие объекты энергопотребления, задействованные в различных сферах. Это, своего рода, кровеносная система производства. С точки зрения гражданско-правового регулирования, формирование такого имущества имеет свою специфику. Данное положение дел в практике порождает множество

вопросов, в том числе и теоретического плана, связанных с правовым режимом названного имущества и последующим приобретением и оформлением прав на таковое. Кроме того, наблюдающаяся дихотомия регламентации является деструктивным началом в обеспечении защиты нарушенных прав лиц [3, с. 132].

Как справедливо отмечается в литературе, недвижимость представляет собой базисную категорию гражданско-правовой науки, опосредующую существенный аспект гражданского оборота и является пристальным объектом исследований [9, с. 80]. Соответствующий вопрос имеет и правоприменительный аспект, в частности, в целях налогообложения, кадастрового учета и регистрации права собственности на поименованные объекты.

Необходимо констатировать, что ни в теории, ни в правоприменительной практике нет унифицированной концепции правовой природы относительно кабельных линий и регламентации указанных отношений [2, с. 41]. Справедливо в этой части отмечает Д.А. Шмакова то обстоятельство, что искомое понятие в современном законодательстве отсутствует. Данную категорию представляется возможным раскрывать путем системного использования и задействования различных нормативно-правовых актов, так как четкого и конкретного юридического формулирования рассматриваемой нами дефиниции, имплементирующей необходимые признаки и свойства определяемого объекта, – не имеется [10].

При идентификации правовой сущности кабельных линий как объекта гражданских прав следует согласиться с суждением о том, что таковые по факту представляют собой сборно-разборную конструкцию, которую возможно демонтировать и инсталлировать в ином месте, что предопределяет отсутствие неразрывной связи с землей (Решение Свердловского районного суда г. Костромы от 02.11.2015г. по делу № 2-3206/2015).

Однако, при решении поставленного вопроса нельзя пренебрегать системным подходом при изучении данного аспекта. На обозначенную особенность указывает, в первую очередь, правоприменительная практика. Так, если конкретное имущество включено в состав определенного имущественного комплекса и не может использоваться индивидуально (автономно) или функциональные качества соответствующего комплекса утрачивают свои свойства, то весь комплекс надлежит расценивать как недвижимая вещь (письмо ФНС от 23.04.2018 № БС-4-21/7770). Примерами названного имущества, включенного в состав иной недвижимой вещи, выступают: лифты, мусоропровод, система отопления, водопровод и т.п. (письмо ФНС от 08.02.2019 № БС-4-21/2181, № БС-4-21/2179).

Согласно раздела III Перечня видов недвижимого и движимого имущества, входящего в состав электросетевых единых производственно-технологических комплексов (утв. приказом Минпромэнерго России от 01 августа 2007 г. № 295), кабельные линии электропередачи отнесены к объектам недвижимого имущества, на что указывает и правоприменительная практика (решение АС Архангельской области от 7 июня 2017 г. по делу № А05-1595/2017). Именно поэтому с 1 января 2013 г. линии энергопередачи и сооружения, являющиеся их неотъемлемой технологической частью, облагаются налогом на имущество (письмо Минфина России от 11 декабря 2012 г. № 03-05-04-01/44). Однако, в последующем, разъясняя соответствующую позицию, правоприменитель отметил, что не включаются в состав объекта недвижимого имущества (в частности здания), учитываемые как отдельные инвентарные объекты (основные средства), могущие быть использованными вне соответствующего недвижимого объекта, деинсталляционная разборка которых не создает для такового диспропорционального урона его сущностному предназначению (или) функциональное использование не обладает свойствами неотъемлемого инкорпорирования в процесс жизнедеятельности недвижимого имущества, в контур которого оно внесено. Иначе говоря, таковые и есть самостоятельные объекты, не связанные с основным объектом недвижимого имущества, отделенные в части учета от такового (Письмо Минфина РФ от 22 мая 2013 г. № 03-05-05-01/18212). Неоднозначность трактовок создает неопределенность и при определении объекта страхования имущества, вовлеченного в предпринимательскую деятельность соответствующих лиц [6, с. 10–11].

Исходя из значений Общероссийского классификатора основных фондов (ОК 013-94), утвержденного постановлением Госстандарта РФ от 26.12.1994 № 359, объектом, позиционируемым как сооружение, выступает каждое индивидуализировано-обособленное сооружение, сорбирующим в себя все необходимые для него приспособления, механизмы и конструкции, формирующие единое функциональное целое. К подобного рода сооружениям надлежит относить и законченные замкнутые системы

функционирующих устройств для переноса и/или трансляции энергоподача или информации, такие как линии электропередачи, …, а равно как ряд аналогичных объектов со всеми сопутствующими комплексами инженерных сооружений в их контексте. Из изложенного следует, что объектами недвижимости могут признаваться кабельные линии электропередачи в едином целом с иными приспособлениями и устройствами, в том числе трансформаторными подстанциями, опорами (туннелями) кабельных линий и т.п., образующими в своей целостности единый функциональный комплекс. Аналогичный вывод представлен и в правоприменительной практике (постановление ФАС Центрального округа от 24 января 2012 г. по делу № А48-759/2011).

Схожую правовую позицию мы можем наблюдать в письме Минпромторга России от 23.03.2018 г. № ОВ-17590-12, из которого следует, что к объекту недвижимого имущества, кроме непосредственно земельного участка, могут быть отнесены иные объекты, возведенные на таком участке и выступающие в гражданском обороте единым комплексом. В связи с этим для дифференциации базисных начал для градации объекта имущества как соответствующей недвижимой вещи, разумным было бы проверять наличие соответствующей записи о таком объекте в государственном реестре, а при отсутствии сведений – наличие факторов, подтверждающих, в частности:

1) потенциальная неспособность за счет дисфункционирования в самостоятельном (автономном режиме) использования анализируемого объекта без его инкорпорации в состав иного недвижимого имущества (письмо Минфина России от 24.08.2017 г. № 03-05-05-01/54266). В определении ВС РФ от 24.09.2018 № 307-КГ18-14515 отмечается, что если без анализируемого имущества объект недвижимости не может применяться по своему изначальному предназначению, то такую вещь, хотя и обладающей соответствующими характеристиками, не представляется возможным признать движимым имуществом. Аналогичный вывод изложен в постановлении ФАС Центрального округа от 24.01.2012 г. по делу № А48-759/2011);

2) изначальное имманентное предназначение анализируемого объекта как интегрируемая функционально-системная составляющая иного недвижимого имущества. Отсутствие факта государственной регистрации права на недвижимое имущество еще не может являться очевидным, бесспорным достаточным основанием говорящим о том, что анализируемая вещь не является недвижимостью (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.04.2016 по делу № 310-ЭС15-16638, постановление Второго ААС от 20.12.2018 № 02АП-9694/18).

Однако, имеется и противоположная правоприменительная практика. Так, в письме ФНС России от 30.07.2019 № БС-4-21/14997 изложена позиция Верховного суда РФ о признании движимым имуществом соответствующего производственного оборудования (линии), так как сам по себе факт монтажа оборудования в специально возведенном для его эксплуатации здании, в том числе, если последующий демонтаж и перемещение оборудования потребуют несения дополнительных затрат и частичной ликвидации здания, не означает, что назначением оборудования становится обслуживание здания и оно признается его неотъемлемой частью (определение Судебной коллегии ВС РФ по экономическим спорам от 12.07.2019 № 307-ЭС19-5241). Аналогичное усматривается и в решении ФАС Западно-Сибирского округа, который, рассматривая спор, указал в своем решении, что рассматриваемый нами объект не может быть признан недвижимостью, исходя из того обстоятельства, что кабельную линию допустимо переместить в иное местоположения, без диспропорционального урона ее изначальному предназначению (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 01.08.2007 № Ф04-4989/2007(36585-А70-24)).

Вместе с тем, полагаем, что перенос кабельных линий не является таким уж без ущербным для его целостности и/или функционального назначения, как на это указывалось выше. В частности, перенос кабельной линии может являться причиной изменения структуры жил данного кабеля за счет необходимости его наращивания, что порождает дополнительные точки риска в местах соединений. Подобное помимо прочего обусловлено и теми факторами, что долговечность исправной работы и потенциал кабельной линии электропередач в контексте промышленного использования, зависят не только режимными параметрами, но и значимо обусловлены состоянием изоляции всех кабельных линий в структуре фидера [1, с. 6]. Кроме того, необходимо иметь в виду также то обстоятельство, что изменение структуры кабельной линии при ее переносе может являться источником так называемых однофазных повреждений, в том числе обусловленных повреждением кабельного изоляционного слоя, с

последующим замыканием одной токоведущей фазы на землю [5, с. 31]. Соответственно, полагаем, что перемещение кабельной линии допустимо признавать без несоразмерного ущерба ее назначению только в том случае, если подобная линия не утрачивает своих изначальных свойств, то есть не претерпевает физических изменений над ее структурой как электропроводника.

В правовом аспекте приведенное диссонирование позиций, бесспорно, является негативным фактором в определении правовой природы обозначенной категории [4, с. 91]. Отправной точкой разрешении указанной коллизии следует признавать изначальный анализ базовых положений действующего гражданского законодательства.

Стоит отметить, как констатируют и иные исследователи [11, с. 91], что ни в ФЗ РФ от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», ни в ГК РФ непосредственно линейные объекты не идентифицированы. Однако, определенный шаг в разрешении рассматриваемой проблематики был сделан при включении в состав ГК РФ ст. 133.1. Так, исходя из предписаний, содержащихся в ст. 130, 133, 133.1 ГК РФ, следует, что часть недвижимой вещи, подчиняясь также правилам логики о единстве целого и его компонентов, признается недвижимым имуществом. Недвижимым имуществом, вовлеченным в гражданский оборот, оно выступает как один единичный (полисистемный) объект. Примером такового может выступать единый недвижимый комплекс. Согласно ст. 133.1 ГК РФ в качестве поименованного объекта участвует заданная определенная единым назначением интегрированная совокупность зданий, строений, сооружений и иных вещей, дислоцирующихся на одном земельном участке, либо неразрывно соединенных между собой физически и/или технологически (например, линии электропередачи и другие линейные объекты) [8, с. 156].

Сделанный нами вывод подтверждается и правоприменительной практикой, в частности, (1) п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации», (2) постановлением от 04.06.2018 № Ф07-6257/2018 по делу № А42-5598/2017 Арбитражного суда Северо-Западного округа, (3) постановлением Арбитражного суда Московского округа от 23.08.2018 № Ф05-12789/2018 по делу № А40-176218/2017 (определением ВС РФ от 11.12.2018 № 305-КГ18-20539 оставлено в силе), (4) постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.05.2018 № Ф07-5328/2018 по делу № А05-1595/2017.

Кроме этого, в соответствии с п. 3 ст. 380 НК РФ постановлением Правительства РФ от 30.09.2004 № 504 «О перечне имущества, относящегося к федеральным автомобильным дорогам общего пользования, магистральным трубопроводам, линиям энергопередачи, а также сооружений, являющихся неотъемлемой технологической частью указанных объектов» установлен перечень объектов недвижимого имущества, в который входят в том числе кабельные линии электропередач.

С учетом обозначенного, в письмах Минэкономразвития России от 6 ноября 2009 г. № Д23-3650 и от 09 октября 2015 г. № Д23и-4939 делается вывод о принадлежности линий электропередач и иных линейных объектов к недвижимому имуществу и необходимости проведения государственного кадастрового учета в связи с этим.

В соответствии с действующим законодательством, линии электропередачи, подстанции трансформаторные, распределительные пункты отнесены к объектам электросетевого хозяйства, равно как и иное имущество, предназначенное для обеспечения электрических связей и осуществления передачи электрической энергии (абз. 11 ст. 3 ФЗ РФ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»). В силу п. 5 Государственного стандарта СССР ГОСТ 24291-90 «Электрическая часть электростанции и электрической сети. Термины и определения», утвержденного постановлением Госстандарта СССР от 27.12.1990 № 3403, электропередача представляет собой перенос электроэнергии из одной точки в другую посредством совокупности линий и подстанций, используемых для этих целей. Следовательно, исходя из указанных правовых норм, к линиям энергопередачи, относится определенное имущество, которое с учетом его системно-функционального предназначения применяется в процессе переноса электроэнергии по заданным маршрутам. Формирование стабильности данного комплекса, для гарантирования предпринимателям в их гражданско-правовых отношениях, как основы производственной деятельности является архиважным и опосредуется, в том числе через институт страхования от рисков причинения убытком неисправностью таких систем, направленным на максимальное сокращение сроков негативных воздействий за счет восстановления работоспособности сетей [7, с. 35].

Немаловажным аспектом следует признавать и то, что согласно положениям п.п. 21, 40 ГОСТ 19431-84 и п. 6 ГОСТ 24291-90 электрические сети и, соответственно, линии электропередачи заканчиваются в точке присоединения электрических сетей (линий электропередачи) к приемникам электрической энергии, а не в точке разграничения балансовой принадлежности между сетевой организацией и абонентом. Аналогичный вывод отражен и в правоприменительной практике (решение Арбитражного суда Тамбовской области от 13 мая 2019 г. по делу № А64-979/2017).

Весьма интересным в этом плане является позиция, отраженная в решении Комиссии УФАС по Алтайскому краю от 29.01.2013 г. по делу № 47-ФАС22(АМ)12-12, где отмечается, что сама по себе кабельная линия не является прочно связанной с землей, ее перемещение в пространстве допустимо без несоразмерного ущерба ее назначению; равно как сам по себе факт залегания такой линии на глубине подземной укладки не свидетельствует о невозможности перемещения. Вместе с тем, объектом недвижимости является не сама линия связи, а сооружение, объединяющее в себе кабель и кабельную канализацию, использованную для его прокладки.

Изложенное выше позволяет нам сделать вывод о том, что кабельные линии электропередач надлежит признавать недвижимым имуществом, включаемым в состав электросетевого хозяйства и имеющим возможность функционировать только в рамках определенной системы электропередачи, объединяющей в себе соответствующие компоненты. Кабельные линии не могут существовать вне связи с системой, обеспечение деятельности которой они осуществляют. Вне системы электропередач кабельные линии не являются именно линиями, а представляют собой движимое имущество, выраженное в заданной совокупности электропроводящих компонентов (жил) и их изоляционной оплетки, не имеющих самостоятельного функционального применения.

Интеграционная сущность правовой природы кабельных линий электропередач обуславливает и специфику правового регулирования приобретения права собственности на таковые и их кадастровый учет.

Так, некоторыми региональными актами установлено, что не требуется получение разрешения на строительство, в частности, линий электропередачи установленного напряжения. К таким актам можно отнести:

1) Закон Ленинградской области 18.05.2012 г. № 38-оз «Об установлении случаев, при которых не требуется получение разрешения на строительство на территории Ленинградской области»;

2) Постановление Правительства Москвы от 27.08.2012 г. № 432-ПП «О перечне случаев, при которых получение разрешения на строительство не требуется»;

3) Закон Свердловской области 15.07.2013 г. № 75-ОЗ «Об установлении на территории Свердловской области случаев, при которых не требуется получение разрешения на строительство»;

4) Закон Московской области 10.10.2014 г. № 124/2014-ОЗ «Об установлении случаев, при которых не требуется получение разрешения на строительство на территории Московской области».

Поскольку для возведения (строительства), реконструкции и/или модернизации указанных объектов в силу положений ст. 51 Градостроительного кодекса РФ и принятого в силу делегированных полномочий законодательства субъектов РФ нет необходимости приобретения соответствующего разрешения на строительство, то и в последующем отсутствует потребность в получении разрешения на ввод в эксплуатацию такого объекта. Данное законоположение зафиксировано в ст. 55 Градостроительного кодекса РФ. Обозначенное положение означает, что в отношении кабельных линий не представляется возможным устанавливать режим самовольной постройки.

Кроме этого, Минэкономразвития России в своем письме от 04.03.2016 г. № 6013-ПК/Д23и дополнительно разъяснил, что при «авторизации» соответствующих прав на линейные объекты, которые размещены под поверхностью земельных участков, не требуется предоставление подтверждения прав на сам земельный участок, в границах которого залегает подземное сооружение, так как земельным законодательством не установлена такая обязанность. Представление на государственную регистрацию прав на такие объекты недвижимости правоустанавливающих документов на земельные участки, под поверхностью которых размещаются подземные части такого сооружения, также не требуется. Названный правовой подход признан и одобрен на межведомственном совещании19 февраля 2016 г. Минэкономразвития России, Минтранса России, Минэнерго России, Росреестра, Росавтодора и Роснедр (протокол совещания от 19.02.2016 г. № 11-ПК).

Аналогичные выводы содержатся в правоприменительной практике. Так в определении Верховного Суда Российской Федерации от 08.09.2016 г. № 303-ЭС16-10723 отмечена незаконность отказа Росреестра в регистрации права на подземное сооружение, так как законодательством не установлена обязанность заявителя по предоставлению подтверждения землеотвода (прав на участок). В определении Верховного Суда от 30.12.2016 г № 301-КГ16-17856, отмечается, что наличие наземной части подземного сооружения на соответствующем земельном участке не меняет квалификацию всего сооружения.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что кабельные линии электропередач имеют сложную правовую природу, поставленную в зависимость от факта их инкорпорирования в систему электросетевого хозяйства или пребывания вне таковой. Кабельные линии приобретают свойства недвижимого имущества только при вовлечении в систему электроснабжения. Вне электрических сетей соответствующие линии представляют собой сложные объекты, лишенные своей изначальной функциональной возможности, и не применяются по имманентному назначению. Подобная дихотомия проецируется и на смежные с этим вопросы, связанные с кадастровым учетом кабельных линий и приобретением права собственности на таковые. Действующее законодательство в этой сфере является дезорганизованным и требует систематизации и кодификации, в том числе в целях нивелирования негативных моментов, имеющих место в настоящее время.

Список литературы

1. *Коржов А.В.* Комплексный анализ состояния и повышения эксплуатационной надёжности кабельных линий 6(10) кВ с бумажной пропитанной изоляцией в условиях городских электрических сетей: автореф. дис. … доктора технических наук. – Челябинск, 2016. – 39 с.
2. *Лысых Д.В.* Кадастровый учет линий электропередачи как сооружений (в порядке обсуждения) // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). – 2013. – №1 (21). – С. 41–44.
3. *Михайлова И.А.* Ошибки в судебном применении гражданского законодательства: причины и последствия // В сб.: «Актуальные вопросы экономики, права и образования в XXI в.» Материалы II международ. науч.-практ. конф. – [Электронное издание] / отв. ред. И.А. Тихонова, А.А. Цененко; Московский университет им. С.Ю. Витте; филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Рязани. – 2016. – С. 130–136.
4. *Михайлова И.А.* Проблемы судебной защиты гражданских прав // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 9. – С. 84–93.
5. *Попов Е.В.* Методы поиска и локализаций повреждений в кабельных линиях // Научный журнал. – 2017. – №6-2 (19). – С. 30–35.
6. *Романова И.Н.* Понятие и сущность рисков в предпринимательской деятельности как предмета страхования // Право и экономика. – 2018. – № 3 (361). – С. 9–13.
7. *Романова И.Н.* Убытки в гражданском праве: категориальный аспект и проблемы доказывания // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2017. – № 4 (13). – С. 34–38.
8. *Чаплин Н.Ю.* Концепция единого объекта недвижимости: к вопросу о целесообразности и возможности ее реализации в российском законодательстве // Журнал российского права. – 2019. – № 1. – С. 150–158.
9. *Четверикова К.В.* Признаки недвижимого имущества и его кадастровая стоимость // Имущественные отношения в РФ. – 2019. – № 9. – С. 80–84.
10. *Шмакова Д.А.* Линейные объекты: понятие и виды // Политика, государство и право. – 2016. – № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2016/04/3804 (дата обращения: 07.02.2019).
11. *Юрченко Д.А.* Актуальные проблемы приобретения права собственности на новые линейные объекты // Имущественные отношения в РФ. – 2015. – № 11. – С. 88–94.

References

1. *Korzhov A.V.* Kompleksnyj analiz sostoyaniya i povysheniya ekspluatacionnoj nadyozhnosti kabel’nyh linij 6(10) kV s bumazhnoj propitannoj izolyaciej v usloviyah gorodskih elektricheskih setej: avtoref. dis. … doktora tekhnicheskih nauk. – Chelyabinsk, 2016. – 39 s.

2. *Lysyh D.V.* Kadastrovyj uchet linij elektroperedachi kak sooruzhenij (v poryadke obsuzhdeniya) // Vestnik SGUGiT (Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologij). – 2013. – №1 (21). – S. 41–44.
3. *Mihajlova I.A.* Oshibki v sudebnom primenenii grazhdanskogo zakonodatel'stva: prichiny i posledstviya // V sb.: «Aktual'nye voprosy ekonomiki, prava i obrazovaniya v XXI veke» – Materialy II mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – [Elektronnoe izdanie] / otv. red. I.A. Tihonova, A.A. Cenenko; Moskovskij universitet im. S.Yu. Vitte; filial Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte v g. Ryazani. – 2016. – S. 130–136.
4. *Mihajlova I.A.* Problemy sudebnoj zashchity grazhdanskih prav // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2014. – № 9. – S. 84–93.
5. *Popov E.V.* Metody poiska i lokalizacij povrezhdenij v kabel'nyh liniyah // Nauchnyj zhurnal. – 2017. – № 6-2 (19). – S. 30–35.
6. *Romanova I.N.* Ponyatie i sushchnost' riskov v predprinimatel'skoj deyatel'nosti kak predmeta strahovaniya // Pravo i ekonomika. – 2018. – № 3 (361). – S. 9–13.
7. *Romanova I.N.* Ubytki v grazhdanskom prave: kategorial'nyj aspekt i problemy dokazyvaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki. – 2017. – № 4 (13). – S. 34–38.
8. *Chaplin N.Yu.* Koncepciya edinogo ob»ekta nedvizhimosti: k voprosu o celesoobraznosti i vozmozhnosti ee realizacii v rossijskom zakonodatel'stve // Zhurnal rossijskogo prava. – 2019. – № 1. – S. 150–158.
9. *Chetverikova K.V.* Priznaki nedvizhimogo imushchestva i ego kadastrovaya stoimost' // Imushchestvennye otnosheniya v RF. – 2019. – № 9. – S. 80–84.
10. *Shmakova D.A.* Linejnye ob»ekty: ponyatie i vidy // Politika, gosudarstvo i pravo. – 2016. – № 4 [Elektronnyj resurs]. URL: http://politika.snauka.ru/2016/04/3804 (data obrashcheniya: 07.02.2019).
11. *Yurchenko D.A.* Aktual'nye problemy priobreteniya prava sobstvennosti na novye linejnye ob»ekty // Imushchestvennye otnosheniya v RF. – 2015. – № 11. – S. 88–94.

УДК 347.41

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ ИНСТИТУТА РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА

Савельева Ольга Юрьевна,
канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса,
e-mail: monako5@yandex.ru,
Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани

Расторжение договора является проблемным аспектом в договорной динамике, так как выступает негативной формой их окончания. Регламентация данного процесса требует исключительной точности и унифицирования. Вместе с тем, в законодательстве наблюдается филологический дисбаланс применяемого аппарата. В этой связи статья посвящена анализу обоснованности применения разной терминологии при определении случаев прекращения договорных обязательств по соглашению его сторон, по требованию одной из сторон в судебном порядке и путем одностороннего отказа от исполнения договора без судебного разбирательства. Методологической основой исследования выступили анализ и систематизация имеющихся данных в нормативно-правовых и правоприменительных составляющих. Результатом исследования явились предложения автора по отдельным вопросам совершенствования действующего законодательства, направленные на стабилизацию правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: расторжение договора, отказ от исполнения договора, отказ от договора, прекращение договорных обязательств

BASIC TERMS OF THE INSTITUTE OF CONTRACT TERMINATION

Savelyeva O.Yu.,
candidate of legal sciences, Associate Professor of the department of civil law and procedure,
e-mail: monako5@yandex.ru,
Ryazan branch of Moscow Witte University, Ryazan

Termination of the contract is a problematic aspect in the contractual dynamics, as it acts as a negative form of their termination. The regulation of this process requires exceptional accuracy and unification. However, in the legislation there is a philological imbalance of the apparatus used. In this regard, the article is devoted to the analysis of the validity of using different terminology in determining cases of termination of contractual obligations by agreement of its parties, at the request of one of the parties in a judicial proceeding and by unilateral refusal to execute a contract without a trial. The methodological basis of the study was the analysis and systematization of available data in the regulatory and enforcement components. The result of the study was the author's suggestions on certain issues of improving the current legislation aimed at stabilizing law enforcement.

Keywords: termination of the contract, refusal to fulfill the contract, refusal of the contract, termination of contractual obligations

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-46-51

В правовой литературе существует позиция, что договорное право России придерживается принципа нерасторжимости договора [1, с. 349]. Однако действующее гражданское законодательство России указывает на иное. Так, ст. 421 ГК РФ закрепляет принцип свободы договоров. Данный принцип является основополагающим при регулировании договорных отношений, и он распространяет свое действие также на нормы, регламентирующие процесс расторжения договоров. Соответственно, принцип свободы договора предоставляет его контрагентам возможность по обоюдному согласию, а также в ряде случаях – в одностороннем порядке, расторгнуть договор. Так, во время действия договора стороны могут своим соглашением расторгнуть его при условии, если иное не установлено ГК РФ, иными законами или договором. ГК РФ также допускает одностороннее расторжение договора без обращения в суд, а также расторжение договора в судебном порядке по заявлению одной из сторон при присутствии конкретных условий (нарушение договора стороной, существенное изменение обстоя-

тельств, на которые контрагенты ориентировались при заключении договора). Следовательно, имеется комплексная система способов расторжения договора, кроме того, право одной из сторон расторгнуть договор не обязательно должно быть обусловлено нарушением его условий контрагентом.

Довольно подробное регламентирование процедуры расторжения договора в ГК РФ отвечает современному развитию договорного права в условиях рыночной экономики. Законодатель, устанавливая в ГК РФ принцип обязательности выполнения условий договоров, наделяет также сторон договора достаточно большими возможностями по его расторжению. Соответственно, гражданское законодательство России предусматривает расторжение договора в качестве одного из варианта завершения договорных отношений. Следует отметить, что законодательство, действовавшее в период плановой экономики, практически не предусматривало возможности расторжения договоров, особенно тех, сторонами в которых выступали организации.

Законодатель и в настоящее время концентрирует внимание на исполнении договора, точнее, на должном выполнении обязательств. Относительно же правил о расторжении договоров следует отметить, что законодатель, учитывая особенности рыночной экономики и характерную ей нестабильность, выбрал наиболее правильный способ – не запрещать, а регулировать. И совершенно не значимо, чтобы расторжение договора было обусловлено ненадлежащим исполнением обязательства одной из сторон. Иногда происходят такие существенные перемены в экономике страны, а порой и всего мира, которые невозможно прогнозировать при заключении договора, но которые могут повлечь значительные убытки для одной из сторон вследствие существенного изменения обстоятельств, в которых должно было происходить исполнение договора.

Несомненно, расторжение сформировавшихся договорных отношений, как правило, отрицательно отражается на стабильности гражданского оборота, но, когда появляется неизбежность завершения договорных отношений таким образом, данный процесс должен регламентироваться четкими положениями закона. В этом случае в большей степени учитываются интересы обеих сторон договора, чему способствует также то обстоятельство, что в основном договор расторгается посредством судебного разбирательства. В законе также установлены случаи, когда расторжение договора может происходить в одностороннем порядке без предъявления судебного иска. Законодателем установлены четкие дефинитивные константы, определяющие существенное нарушения контрагентом наличествующего договора, а равно как принципиально-сущностного изменения обстоятельств, относительно которых участники спорного договора отталкивались и базировали свою последующую деятельность, при заключении соответствующего договора. Законом также предписаны порядок расторжения договора и последствия такового [3, с. 29–30].

Следствием подробной регламентации законодателем процедурных аспектов, опосредующих динамику договора, а именно: порядка расторжения договора, как и процедуры его заключения, исполнения, изменения, действуют императивные предписания, которые стороны лишены возможности проигнорировать [10, с. 113].

Как обоснованно отмечают исследователи, в настоящее время имеет место всеохватывающая и явственная нормативная регламентация всего договорного процесса – как его базисных стадий (заключение, исполнение договора), так и факультативных составляющих (изменение, расторжение), как в области гражданского оборота, так и в соседних сферах [9, с. 116]. При этом принцип договорной свободы, зафиксированный в ст. 1 и 421 ГК РФ, распространяет свое влияние не только на стадии возникновения, но и на последующих факультативных стадиях, опосредующих прекращение отношений договорного типа [8, с. 12].

В законодательстве при определении случаев прекращения договорных обязательств используется ряд терминов для обозначения тождественных понятий, получивших дальнейшее воплощение в правоприменительной практике. Так, в российском гражданском законодательстве уже с появлением первых кодифицированных актов наблюдалось применение дифференцированных категорий при рефлексии в нормативном пространстве дефинитивной единицы прекращения договорных обязательств через расторжения или отказа от имеющегося между сторонами договора. Такое использование аналогизированной, но не тождественной терминологии в нормах гражданского законодательства наблюдается на протяжении всей новейшей истории его формирования и функционирования.

В действующем ГК РФ прекращение действия договора по воле одной или обеих сторон выражено такими понятиями как «расторжение договора» и «отказ от исполнения договора» или «отказ от договора». Иногда к этим понятиям прибавляется указание на односторонний характер данного действия: одностороннее расторжение договора или односторонний отказ от исполнения договора. В наименованиях соответствующих статей также задействованы категория «прекращение договора», опосредующая выражаемый результат посредством расторжения договора, либо отказа от оного, либо прекращения обязательства [11, с. 143].

Указанные понятия применяются как в законодательстве, так и в научной литературе и правоприменительной практике. При этом нередко в различных ситуациях под этими понятиями подразумевается разное содержание. В толковом словаре русского языка, составленного С.И. Ожеговым, анализируемая категория «расторжение» интерпретируется как прекращение действия чего-нибудь (договора, соглашения) а под расторжением автором предлагается подразумевать прекращение действия соответствующего соглашения (договоренности) [6, с. 597, 747].

В ряде случаев термин «отказ от исполнения договора» означает расторжение договора, что следует из содержания самой нормы. Так, в положениях о договоре дарения устанавливается, что одариваемое лицо наделено правом в любое время до момента передачи ему дара от такового отказаться, известив об этом дарителя. При таком положении дел соответствующий договор дарения будет признаваться расторгнутым (п. 1. ст. 573 ГК РФ) [4, с. 30].

В иных случаях под указанным термином понимается другое значение, не означающее расторжения договора. Так, в положениях о договоре поставки отмечается, что покупатель (получатель) имеет право отказаться от оплаты ненадлежащего качества предоставленных ему товаров, впредь до ликвидации выявленных недостатков (п. 2. ст. 520 ГК РФ). Примененный в данном законоположении термин «отказаться» не опосредует расторжение соответствующего договора, а подразумевает приостановление исполнения обязательства по таковому.

В определенных законоположениях термин «расторжение договора» по существу своему ознаменовывает отказ от такового. Так, в положении закона о том, что договор банковского счета по заявлению клиента в любое время расторгается (п. 1 ст. 859 ГК РФ), дефиниция «расторжение» обладает смысловым значение, рефлексирующим сущность отказа от договора. По смыслу обозначенной нормы права, с момента получения кредитной организацией соответствующего письменного заявления от клиента о его намерении расторгнуть договор банковского счета, таковой считается прекращенным для задействованных в нем сторон [5, с. 37].

В некоторых случаях определение правового значения рассматриваемой дефинитивной конструкции вызывает проблематичность определенного уровня. Так, необходимо учитывать, что отказ продавца от выполнения договора поставки при отсутствии со стороны покупателя предоставленной ему отгрузочной разнарядки в надлежащий срок порождает расторжение обязательства в целом, т.е. расторжение договора и прекращение всех правовых связей между участниками. Очевидно, также что необходимо аналогичным образом толковать положения о праве покупателя отказаться от принятия, предоставляемого товаров, поставка которого просрочена продавцом (п. 3 ст. 511 ГК РФ) и ряда иных норм. Вследствие этих обстоятельств нередко присутствует различное понимание и неверное использование в договорной документации данных понятий.

Исходя из положений ГК РФ, расторжение договора может совершаться по соглашению его сторон, либо же по требованию одной из сторон в судебном порядке, а равно как путем одностороннего отказа от исполнения договора без судебного разбирательства, если таковая возможность предоставлена законом и/или договором.

Так, согласно абз. 2 п. 1 ст. 450 ГК РФ многосторонним договором, реализация прав и обязанностей по которому обусловлена предпринимательской деятельностью, осуществляемой всеми его сторонами, может быть предоставлена потенциальная возможность изменения или же и вовсе расторжения такого договор. Данная возможность может быть реализована как по соглашению всех участников, так и по требованию большинства лиц, участвующих в указанном договоре, если иное не установлено законом. При этом, в таком договоре может быть предусмотрен алгоритм определения необходимого правомочного большинства для принятия соответствующего решения [7, с. 103].

Расторжение договора по соглашению сторон является сделкой, т.е. конкретным действием, нацеленным на прекращение основанных на договоре прав и обязанностей, что обусловлено предписаниями ст. 153, п. 3 ст. 154, п. 2 ст. 453 ГК РФ. Требование же одной из сторон о расторжении договора в судебном порядке не может считаться сделкой, так как, в отличие от соглашения о расторжении договора, само по себе не вызывает прекращение основанных на договоре прав и обязанностей, – они прекращаются на основании решения суда. Очевидно, требование о расторжении договора выступает реализацией субъективного права участников гражданского оборота на защиту своих прав и интересов в судебном порядке [10, с. 110].

Отказ от договора является сделкой и обуславливает собой те же легальные последствия, что и расторжение договора, производимого по соглашению контрагентов либо же по требованию одной из сторон в судебном порядке, – прекращение договорных обязательств (п. 3 ст. 450, ст. 450.1, п. 2 ст. 453 ГК). Однако, в отличие от этих случаев расторжения договора, «отказ от договора» всегда происходит посредством односторонних действий стороны и во внесудебном порядке.

Статья 450.1 ГК РФ «Отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору» направлена на решение важной проблемы ГК РФ – конкретизации порядка выполнения и последствий «отказа от договора». Согласно положениям ст. 450.1 ГК РФ, предоставленное право на односторонний отказ от договора в силу закона или иного правового акта, а равно как самого договора, может быть реализовано в объективной действительности управомоченной стороной, посредством уведомления другой стороны об отказе от договора или исполнения договора. Такой договор считается прекращенным с момента получения установленного уведомления, если иное не определено нормативно-правовыми актами или расторгаемым договором. Таким образом отказ от исполнения договора выступает односторонним действием стороны договора, нацеленным на прекращение договорных отношений. Для однонаправленного отказа от исполнения договора, воплощаемого через действия одной из сторон, необходимо и достаточно указания на это в уведомлении, адресуемом противоположной стороне [8, с. 21].

Примечательным является нововведение, закрепленное в законе. Так, в соответствии с п. 5 ст. 450.1 ГК РФ в случаях, когда имеют место быть оснований для отказа от договора, соответствующая сторона, имевшая право на такой отказ, несмотря на это признает приемлемость и допустимость для себя такого соглашения, в том числе посредством принятия предоставляемого исполнения, предложенного контрагентом, в последующем не имеет права заявить отказ от такого договора по тем основаниям, допустимость которых была признана ею.

Как указывалось, расторжение договора представляет собой вариативную форму для прекращения обязательств. Такой вывод нам позволяет сделать положение п. 2 ст. 453 ГК РФ, согласно которому определено, что при расторжении договора соответствующие обязательства участвующих в таком договоре сторон прекращаются. Расторжение договорного отношения порождает прекращение соответствующих субъективных прав и обязанностей контрагентов данного договора в последующем, т.е. – на будущее время.

Однако, прекращение договорных обязательств происходит не только при расторжении договора, но и в других установленных законом случаях. Например, прекращение обязательств договорного типа имеет место при невозможности исполнения (ст. 416 ГК РФ), смерти гражданина (ст. 418 ГК РФ), ликвидации юридического лица (ст. 419 ГК РФ) [3, с. 213].

Анализ названных законоположений, а также обозначенные ранее положения позволяют нам заключит то обстоятельство, что одним из наиболее существенных компонентов дефиниции «расторжение договора» является непосредственная направленность воли сторон на такое прекращение договора и обязательств, базирующихся на ином. В силу этого расторжение договора следует признавать действием, обладающим волевой направленностью, целью которого является разрыв обязательственных связей, опосредованных через договор. Сделанный нами вывод отмечался и ранее учеными-цивилистами в их исследованиях. Так, А.В. Венедиктов, анализируя проблемы договорной дисциплины, писал о том, что для высвобождения от потенциальной ответственности за неисполнение договора требуется, конкретный акт о расторжении договора, а не какая-либо констатация иных обстоятельств, спровоцировавших необходимость прекращения такового [3, с. 135].

На основании положений действующего отечественного гражданского законодательства можно сделать вывод, что волевая составляющая расторжения реализована в следующих способах расторжения договора:

1) по непосредственному соглашению контрагентов;

2) по инициативе одной из сторон договора (посредством предъявления иска в суд или ином одностороннем порядке);

3) по требованию иных третьих лиц, не участвующих в договорном отношении, но наделенных законодательством соответствующем правом.

Необходимо также учитывать то обстоятельство, что расторгнуть допустимо только частично или полностью неисполненный договор, поскольку в противном случае надлежащее исполнение обязательства, как правило, прекращает действие договора, опосредовавшего обязательственные взаимоотношения, сформировавшиеся на его основе между лицами. Но до момента, пока все обязательства по договору не исполнены, существует потенциал для его расторжения.

Таким образом, под расторжением договора следует понимать акт, нацеленный на прекращение с конкретного момента и далее на будущее время действия неисполненной части договора и основанных на нем обязательств.

Расторжение договора регламентируется положениями ГК РФ и ряда специальных законов. Нормы о расторжении договора взаимозависимы между собой и их можно рассматривать в виде определенной системы. Основа всей системы сосредоточена в ст.ст. 450-453 ГК РФ гл. 29 ГК РФ. При этом наличие в этой главе норм как о изменении, так и о расторжении договора, не оказывает особого влияния на общую направленность данной главы. Изменение и расторжение договора являются понятиями различными, но имеют определенные похожие черты. При изменении условий договора, в отличие от расторжения, сам договор и основанные на нем обязательства сохраняются в силе, изменяются на будущее время лишь определенные его условия и содержание обязательств.

Непосредственное отношение к п. 3 ст. 450 ГК РФ имеет также ст. 310 ГК РФ об одностороннем отказе от исполнения обязательства. Эти статьи предусматривают общие понятия и положения, регламентирующие процесс расторжения различных гражданско-правовых договоров, как предусмотренных, так и не предусмотренных законом или иными правовыми актами.

В следующий уровень системы включаются статьи, включающие нормы, действующие также как правило, в отношении всех видов договоров, но регламентируют они расторжение договоров в определенных случаях. Эти нормы регулируют процесс расторжения договоров, обусловленный:

1) реорганизацией юридического лица (п. 2 ст. 60 ГК РФ);

2) уменьшением уставного капитала (фонда) в обществе с ограниченной ответственностью (п. 5 ст. 90 ГК РФ), акционерном обществе (п. 1 ст. 101 ГК РФ) или унитарном предприятии (п. 5 ст. 114 ГК РФ);

3) неисполнением встречной обязанности либо присутствием обстоятельств, явно указывающих на то, что встречное исполнение не будет выполнено в необходимый срок (п. 2 ст. 328 ГК РФ);

4) продажей или сдачей в аренду предприятия, в состав которого включаются его обязательства (п. 2 ст. 562 и п. 2 ст. 657 ГК РФ);

5) заключением, изменением и расторжением должником брачного договора (п. 2 ст. 46 Семейного кодекса РФ).

Соответственно, в эту группу включаются нормы как первой, так и второй части ГК РФ, и других законов. Еще один уровень системы образуют различные нормы части второй ГК РФ и ряда законов о расторжении определенных видов договора – купли-продажи, аренды и т.д.

Таким образом, нормы о расторжении договора составляют определенную систему, элементы которой взаимосвязаны между собой, что обеспечивает эффективность правового регулирования в данной области.

Список литературы

1. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1997. – 682 с.
2. *Венедиктов А.В.* Договорная дисциплина в промышленности. – Л., 1935. – 201 с.

3. *Егорова М.А.* Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2010. – 528 с.
4. *Михайлова И.А.* Особенности договоров с участием несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет // В сб.: «Договор и обязательство по гражданскому законодательству РФ: некоторые теоретические и практические аспекты» – материалы международ. науч.-практич. круглого стола. Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – М.: РПА, 2018. – 208 с.
5. *Михайлова И.А.* Ответственность предпринимателей за нарушение обязательств: без вины виноватые // Приложение к журналу «Предпринимательское право». – 2014. – № 2. – С. 35–39.
6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 900 с.
7. *Романова И.Н.* Правовые проблемы страховой защиты имущественных интересов субъектов предпринимательства от рисков неисполнения или ненадлежащего исполнения принятых на себя договорных обязательств // Юридическая наука. – 2017. – № 4. – С. 99–106.
8. *Романова, И.Н.* Гражданское право. Отдельные виды обязательств (аренда и ее виды): учебное пособие / И.Н. Романова, И.А. Михайлова, М.В. Карасев, С.Е. Смыслов. – Рязань, Концепция, 2019. – 104 с.
9. *Романова И.Н., Скулова И.А.* Теоретико-правовая характеристика алиментных обязательств: основания и условия // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2. – С. 111–117.
10. *Рубцова Н.В.* К вопросу о стадиях механизма договорного правового регулирования // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2015. – №3 (44). – С. 107–112.
11. *Семенова А.Н.* Правовой анализ статьи 450.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 4. – С. 142–147.

References

1. *Braginskij M.I., Vitryanskij V.V.* Dogovornoe pravo: Obshchie polozheniya. – M.: Statut, 1997. – 682 s.
2. *Venediktov A.V.* Dogovornaya disciplina v promyshlennosti. – L., 1935. – 201 s.
3. *Egorova M.A.* Odnostoronnij otkaz ot ispolneniya grazhdansko-pravovogo dogovora. 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Statut, 2010. – 528 s.
4. *Mihajlova I.A.* Osobennosti dogovorov s uchastiem nesovershennoletnih v vozraste ot chetyrnadcati do vosemnadcati let // V sb.: «Dogovor i obyazatel'stvo po grazhdanskomu zakonodatel'stvu RF: nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty» – materialy mezhdunarod. nauch.-praktich. kruglogo stola. Otv. red. Yu.F. Bespalov. – M.: RPA, 2018. – 208 s.
5. *Mihajlova I.A.* Otvetstvennost' predprinimatelej za narushenie obyazatel'stv: bez viny vinovatye // Prilozhenie k zhurnalu «Predprinimatel'skoe pravo». – 2014. – № 2. – S. 35–39.
6. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo yazyka. – M.: Sovetskaya enciklopediya, 1968. – 900 s.
7. *Romanova I.N.* Pravovye problemy strahovoj zashchity imushchestvennyh interesov sub"ektov predprinimatel'stva ot riskov neispolneniya ili nenadlezhashchego ispolneniya prinyatyh na sebya dogovornyh obyazatel'stv // Yuridicheskaya nauka. – 2017. – № 4. – S. 99–106.
8. *Romanova, I.N.* Grazhdanskoe pravo. Otdel'nye vidy obyazatel'stv (arenda i ee vidy): uchebnoe posobie / I.N. Romanova, I.A. Mihajlova, M.V. Karasev, S.E. Smyslov. – Ryazan', Koncepciya, 2019. – 104 s.
9. *Romanova I.N., Skulova I.A.* Teoretiko-pravovaya harakteristika alimentnyh obyazatel'stv: osnovaniya i usloviya // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2019. – № 2. – S. 111–117.
10. *Rubcova N.V.* K voprosu o stadiyah mekhanizma dogovornogo pravovogo regulirovaniya // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. – 2015. – №3 (44). – S. 107–112.
11. *Semenova A.N.* Pravovoj analiz stat'i 450.1 Grazhdanskogo Kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii. – 2016. – № 4. – S. 142–147.

УДК 159.99

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КИБЕРМОББИНГА НА ЧЕЛОВЕКА

Дорошенко Ольга Марковна,
канд. юрид. наук, профессор РАЕ, доцент кафедры частного права,
e-mail: olka-olga@yandex.ru,
Государственный университет управления (ГУУ), г. Москва

Актуальность данной проблемы достаточно велика, так как в нашем современном мире, где технологии заняли передовую позицию в жизни человека, в том числе и компьютер, заменяя ему не только общение с людьми, но и перенося всю жизнь человека в иное пространство, пространство интернета. Так и дети начинают воспитываться в этом пространстве Интернета, просматривая различные мультфильмы, картинки и играя в компьютерные игры.

Ключевые слова: личность, Интернет, технологии, агрессия, негатив, коммуникация

DIGITALIZATION AS A PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL IMPACT OF CYBERMOBBING ON A PERSON

Doroshenko O.M.,
candidate of legal sciences, professor of RAE, Associate Professor of private law,
email: olka-olga@yandex.ru,
State University of management (GUU), Moscow

The relevance of this problem is quite high, because in our modern world, where technologies have taken an advanced position in human life, including the computer, replacing it not only with communication with people, but also transferring the entire human life to another space, the space of the Internet. So children begin to be brought up in this space of the Internet, viewing various cartoons, pictures and playing computer games.

Keywords: personality, the Internet, technology, aggression, negativity, communication

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-52-56

Различные достижения в областях новых технологий, на которых основывается формирование современного информационного общества [1], привели к стремительному развитию такой глобальной компьютерной сети, как «Интернет». Интернет как средство социальной коммуникации оказывает (в большей степени) положительное влияние на мировое сообщество, в целом, и на юных граждан этого общества в частности. Но при всем положительном в этой глобальной сети встречаются и негативные социальные явления, в том числе киббермобинг.

Изначально троллинг появился в сети Интернет как явление, направленное на оскорбление личности, с элементами агрессивного поведения со стороны тролля. Образ так называемого тролля – это образ агрессора и подстрекателя, который попросту «мутит воду» с одной лишь целью – «творить зло».

На данный момент явление троллинга вышло за пределы сети «Интернет» [7], сейчас троллинг взял особый формат, часто встречающийся в повседневной жизни. Анонимность сменяется полной персонифицированностью, а простые оскорбления переходят на уровень массовых конфликтов, используемых для эпатирования общества.

Так что же служит причиной возникновения такого феномена как троллинг? Ответ прост, это человеческое любопытство, желание самоутвердиться, поспорить или просто выделиться. У каждого из них причина разная, кто-то видит в это незамысловатую игру, борьбу интеллекта [9], а кто-то ищет способа выплеснуть всю свою негативную энергию. В любом из этих случаев могут пострадать посторонние люди. Хуже всего, если от троллинга страдают дети (особенно, если дети, вставая на сторону троллей, принимают на себя образ социального агрессора).

Существует мнение, что троллингом, в основном, занимаются закомплексованные подростки, хотя не секрет, что порой это могут быть и взрослые люди, которые таким способом производят «разрядку мозгов».

Следует заметить, что подростки, пытаясь противостоять кибермоббингу, нередко выбирают конфронтационную стратегию, становясь, таким образом, потенциальными агрессорами [9]. Данная проблема является не только актуальной, но и довольно острой, от решения которой зависит будущее. Поэтому воспитание подрастающего поколения, соблюдающего (хотя бы в минимальной мере) морально-этические нормы, является задачей особой значимости.

В ходе данной научной статьи автором обнаружена такая проблема: люди могут подвергнуть себя таким угрозам в интернете, как кибер-террор или «троллинг». Современные дети и подростки, называемые «цифровыми гражданами», легко осваивают компьютер, мобильные устройства и умело пользуются ими. Погружаются в мир иной реальности, мир социальных сетей, живут там своей жизнью, отличной от их реальной и порой переходят все рамки нормального общения между людьми, переходя к оскорблениям и иным высказываниям, затрагивающим достоинство других людей.

Объектом моего исследования стал процесс психологического воздействия интернет-троллинга, или так называемого кибер-террора, на ребенка [8]. А общей научной целью является выявление положительнее и отрицательных факторов влияния такой кибер-угрозы, как интернет-троллинг, а также рассмотрение причин появления такой предрасположенности у ребенка к троллингу в Интернете.

Актуальность данной проблемы достаточно велика, так как в нашем современном мире [5], где технологии заняли передовую позицию в жизни человека, в том числе и компьютер, заменяя ему не только общение с людьми [10], но и перенося всю жизнь человека в иное пространство, пространство интернета. Так и дети начинают воспитываться в этом пространстве Интернета, просматривая различные мультфильмы, картинки и играя в компьютерные игры. И вместе с развлечениями они при всем этом могут увидеть с экрана монитора и достаточно негативные, плохо влияющие на его психику картины. Нам необходимо обеспечить безопасность нахождения их в такой виртуальной реальности, как Интернет, который несет в себе как положительное влияние, так и отрицательное.

Кибермоббинг – это травля, которая происходит в пространстве цифровых устройств, таких как сотовые телефоны, компьютеры и планшеты. Кибермоббинг может происходить через СМС, текст, и приложения, или в интернете в социальных сетях, форумах или играх, где люди могут просматривать информацию, участвовать в обсуждении, или обмениваться контентом. Кибермоббинг включает в себя отправление СМС [2], обмен негативными, вредными, ложными или среднего содержания информации о ком-то другом. Это может включать обмен личной или частной информации о ком-то, что вызывает смущение или унижение. Некоторые поступки переходят грань законного поведения.

Наиболее распространенные места, где происходит кибермоббинг:

- социальные сети, такие как Facebook, Instagram, snapchat и Twitter;
- SMS (служба коротких сообщений), также известное как текстовое сообщение, отправленное через различные устройства;
- мгновенное сообщение (через устройства, электронную почту поставщика услуг, приложения и социальные сети обмена сообщениями);
- электронная почта.

Особые проблемы

С распространением социальных сетей и цифровых форумов, комментарии, фотографии, сообщения и контент, как отдельных лиц, так и частных стали доступными. Теперь можно посмотреть на незнакомых людей, а также знакомых. Содержание отдельных онлайн страниц – личные данные, а также любая негативная информация (вредный контент) – постоянно создают для общественности свои взгляды, деятельность и поведение. Эти публичные записи можно рассматривать как онлайн-репутацию, которая может быть доступна как для школ, работодателей, вузов, клубов, так и других лиц, которые могут узнать все о личности сейчас или же в будущем. Кибермоббинг может навредить онлайн-репутации всех участников – это значит, что влияние идет не только на человека, над которым издеваются, но и на тех, кто издевается или участвует в данном издевательстве. Кибермоббинг имеет уникальные проблемы в том, что он может быть:

1. Устойчивым – цифровые устройства позволяют мгновенно и непрерывно общаться 24 часа в сутки, поэтому детям, которые подвержены кибербуллингу, будет сложно освободиться от прессинга.

2. Постоянным – большинство информации, передаваемой в электронном виде является постоянной и общественной, если ее не выявили или удалили. Негативная репутация в интернете может повлиять на дальнейшую жизнь как пострадавшего от киббербуллинга так и самого «тролля» [3], при поступлении в колледж, трудоустройстве и в других сферах жизнедеятельности.

3. Трудно выявляемым – потому что учителя и родители не могут всегда подслушать или увидеть, как и когда происходит кибермоббинг, это трудно распознать.

Важно отличать ребенка, подверженного кибермоббингу, чтобы меры по защите от киббермоббинга были вовремя приняты [6]. Некоторые из наиболее распространенных тактик киберзапугивания включают:

- размещение комментариев или слухов о ком-то в интернете, что доставляет лишь вред или неудобство;
- угрозы кому-то или попытки доведения до самоубийства;
- фото и видео редакция;
- запрос или размещение персональных и ложных данных о ком-то другом, посредством представления себя другой личностью;
- ненавистные имена, комментарии или контент о любой расе, религии, этнической принадлежности, или других личных качеств;
- вред для чужой страницы;
- распространение личных данных, онлайн-травля используется, чтобы отомстить и угрожать, разрушить частную жизнь людей, делая их личную информацию, включая адреса, социальное страхование, кредитную карту и номера телефонов, ссылки на аккаунты в социальных сетях, и другие личные данные.

Кибербуллинг может произойти везде и по-разному, и примеры, основанные на реальном жизненном опыте, могут обеспечить более глубокое понимание тактических действий при его выявлении. Наряду с другими факторами риска, так называемая «дедовщина» в интернете может увеличить риск суицидального поведения. Кроме того, кибербуллинг может повысить вероятность развития тревоги и депрессии. Некоторые государства решили привлечь к уголовной ответственности молодых людей, которые травят в интернете, в том числе, поощрение кого-то, на самоубийства. Некоторые формы кибербуллинга, например притеснение, граничат с преступной деятельностью, и некоторые такие притеснения возникают в отношениях между людьми и могут превратиться в насилие в межличностных отношениях.

Ниже приведены примеры различных тактик запугивания, происходящих в интернете. В реальности вмешательства в деятельность «тролля» могут уменьшить вред и негативные последствия, которые могут возникнуть в результате кибермоббинга [3]. Когда пострадавший от кибербуллинга не обращается за помощью, то это может иметь долгосрочные последствия для его психического здоровья [4]. Запугивание и издевательства могут негативно сказаться на жизни всех, кто участвует.

«Обмен фото «ню»»

Девочка-подросток послала свои обнаженные фотографии своему парню, пока они встречались. После того как они расстались, он поделился фото со своими друзьями, которые потом называли ее обидными, оскорбительными словами через смс и социальные сети.

«Ложь и ложные обвинения»

Группа студентов попала в неприятности в школе за пьянство, и сдали сотрудникам школы девушку, которая ничего не знала об этом. Они стали переписываться с ней день и ночь, и выложил ненавистные, унизительные сообщения в социальных сетях. Другие студенты увидели эти сообщения и включились в преследование девушки. Над ней постоянно издеваются с помощью текстовых сообщений, и в лицо в школе. В конце концов, она закрыла все аккаунты в социальных сетях, сменила номер телефона. Но все-таки издевательства в школе продолжались.

«Издевательства, связанные с экономическими трудностями»

Ученики выложили негативные комментарии о своем однокласснике в социальных сетях, комментируя его одежду и кроссовки, которые были недорогих брендов, в отличие от тех, что носили боль-

шинство из них. Они издевались над ним, называя его “нищим” и продолжили издевательства в школе. Мальчик пропустил много дней в школе, пытаясь избежать преследований и унижений.

«Ложный профиль»

Одноклассник девушки создал фальшивый аккаунт в социальных сетях под именем другого мальчика, и начал отношения с ней. Хотя она не встретилась с ним лично, девушка дала личную информацию о себе и своей семье этому “мальчику”. Одноклассник, который создал фальшивый аккаунт затем поделился личной информацией с другими детьми, которые использовали его, чтобы хулиганить, позорить и изводить девушку.

«Доведение до членовредительства или самоубийства»

Молодого мальчика с физическими недостатками и шрамами на лице преследовали в социальных сетях и через смс-сообщения с другими студентами. Они обзывали его, и он сказал, что ему лучше умереть. Они написали: “Почему ты не умираешь?” на его школьном шкафчике в раздевалке и предложили ему лишить себя жизни.

«Издеваются потому, что он гей»

Подросток, который был открытым геем, стал получать угрозы по телефону, в текстовых сообщениях и социальных медиа, чтобы он перестал быть геем. Студенты создали анти-гей-группы в социальных сетях и издевались над ним, вывешивая оскорбительные сообщения о нем.

«Ревность»

Девочка-подросток подвергалась издевательствам со стороны других девочек в ее классе из-за общения с очень популярным мальчиком в школе. Девочки отправляли ей оскорбительные сообщения через смс и социальные сети, и писали оскорбительные сообщения в ее школьный шкафчик.

Каждый «интернет-тролль» имеет разную предысторию, и, следовательно, разные причины для ощущения потребности «троллить» людей в интернете. Они могут чувствовать себя подавленными, злыми, грустными, завистливыми самовлюбленными или чувствовать другие эмоции, они могут не осознавать, что влияет на их поведение в интернете.

Интернет-троллинг настолько прост, что любой может сделать это, и сделать это можно безопасно для себя и других в уединенном месте, а не во взаимодействии с другими людьми. Тролли могут прятаться за своими блестящими компьютерами, именами и аватарками, после того, как «тролль» выходит в дело, и после того как они закончили, они могут продолжить свою настоящую жизнь без каких-либо реальных последствий.

Троллинг способствует тому, что множество трусливых людей чувствуют себя сильнее.

Если «тролль» пытается спровоцировать вас, просто игнорируйте его. Они не стоят вашего времени и эмоциональных расстройств. Старайтесь не принимать на свой счет.

Помните, что человек, похожий на «тролля» на самом деле страдает, в некотором роде, и пытается отвлечь себя и почувствовать себя лучше, оскорбляя вас. Если вы можете, попробуйте посмеяться и подумать о том, как грустно, что люди действительно чувствуют необходимость оскорблять совершенно незнакомых людей в интернете.

Список литературы

1. *Балл Г.А.* О понятиях «воздействие», «действие» и «операция» / Г.А. Балл // Вопр. психологии. – 1947. – № 4. – С. 10–21.

2. *Бурян Н.М.* Интернет-зависимость в молодежной среде // Актуальные вопросы науки и практики: материалы II Всерос. науч.-практ. конференции курсантов, слушателей и студентов (17 апр. 2014 г.): в 3 т. – Т. 1. – Краснодар, 2014. – С. 66–69.

3. *Внебрачных Р.А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. – №1. – С. 48–51.

4. *Дружилов С.А.* «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья // Современные наукоемкие технологии. –2013. – № 4. – С. 89–92.

5. *Ежевская Т.И.* Психологическое воздействие информационной среды на современного человека // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – № 2(27). – С. 38–41.

6. *Ковалев Г.А.* Психологическое воздействие: теория, методология, практика: дис. … д-ра психол. наук / Г.А. Ковалев. – М., 1991. – 477 с.
7. *Кожевникова Е.С.* Читатель и Интернет // Вопросы психологии. – 2006. – № 1. – С. 33–38.
8. *Лысенко Е.М., Молодиченко Т.А.* Индивидуальное психологическое консультирование: краткий курс лекций. – М.: ВЛАДОС, 2006. – 159 с.
9. *Максимов А.А., Голубева Н.М.* Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания. – 2014. – № 21. – С. 76–80.
10. *Синельникова М.С.* Интернет общение и конструирование виртуальных личностей // Журнал практического психолога. – 2013. – № 1. – С. 84–91.

References

1. *Ball G.A.* O ponyatiyah «vozdejstvie», «dejstvie» i «operaciya» / G.A. Ball // Vopr. psihologii. – 1947. – № 4. – S. 10–21.
2. *Buryan N.M.* Internet-zavisimost' v molodezhnoj srede // Aktual'nye voprosy nauki i praktiki: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konferencii kursantov, slushatelej i studentov (17 apr. 2014 g.): v 3 t. – T. 1. – Krasnodar, 2014. – S. 66–69.
3. *Vnebrachnyh R.A.* Trolling kak forma social'noj agressii v virtual'nyh soobshchestvah // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Psihologiya. Pedagogika. – Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2012. – №1. – S. 48–51.
4. *Druzhilov S.A.* «Zagryaznennost'» informacionnoj sredy i problemy psihologicheskogo zdorov'ya // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. –2013. – № 4. – S. 89–92.
5. *Ezhevskaya T.I.* Psihologicheskoe vozdejstvie informacionnoj sredy na sovremennogo cheloveka / T.I. Ezhevskaya // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2009. – № 2(27). – S. 38–41.
6. *Kovalev G.A.* Psihologicheskoe vozdejstvie: teoriya, metodologiya, praktika: dis. … d-ra psihol. nauk / G.A. Kovalev. – M., 1991. – 477 s.
7. *Kozhevnikova E.S.* Chitatel' i Internet // Voprosy psihologii. – 2006. – № 1. – C. 33–38.
8. *Lysenko E.M. Molodichenko T.A.* Individual'noe psihologicheskoe konsul'tirovanie: kratkij kurs lekcij. – M.: VLADOS, 2006. – 159 s.
9. *Maksimov A.A., Golubeva N.M.* Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya. – 2014. – № 21. – S. 76–80.
10. *Sinel'nikova M.S.* Internet obshchenie i konstruirovanie virtual'nyh lichnostej // Zhurnal prakticheskogo psihologa. – 2013. – № 1. – S. 84–91.

УДК 340.132

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ

Букалерова Людмила Александровна,
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса,
e-mail: l_a_buka@mail.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва,

Остроушко Александр Владимирович,
канд. юрид. наук, доцент, доцент Департамента ПРЭД Финансового университета
при Правительстве РФ, г. Москва,
e-mail: avostroushko@fa.ru,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Современный период развития общества характеризуется постоянным стремительным совершенствованием информационных технологий и формированием нового цифрового пространства. К сожалению, реальные цифровые парадигмы информационных отношений, порождают совершенно новые, ранее не известные юридической науке, риски для информационной безопасности несовершеннолетних. В статье анализируется возможность создания условий безопасной информационной среды для позитивной социализации и индивидуализации, оптимального социального, личностного, познавательного и физического развития, сохранения психического и психологического здоровья и благополучия, а также формирования позитивного мировосприятия ребенка, а также реализация мероприятий, направленных на профилактику рисков и угроз для детей, связанных с использованием современных информационных технологий. В ходе исследования выявлены, основные направления совершенствования государственной информационной в области обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних, а так же организации обязательной работы с родителями (законными представителями) детей и педагогическими работниками с целью противодействия опасным посягательствам на права и интересы детей в информационной сфере и обоснование основных принципов данной работы.

Ключевые слова: несовершеннолетние, информационная безопасность, совершенствование законодательства, информационные угрозы, риски, противодействие

THE INFORMATION RIGHTS AND INFORMATION INTERESTS OF CHILDREN TO PAY EXTRA ATTENTION

Bukalerova L.A.,
doctor of law, professor, professor of the department of criminal law and procedure,
e-mail: l_a_buka@mail.ru,
Moscow University S.Yu. Witte, Moscow,

Ostroushko A.V.,
candidate of law, Associate Professor,
Associate Professor of the department of economic development and trade,
e-mail: avostroushko@fa.ru,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The modern period of development of society is characterized by constant rapid improvement of information technology and the formation of a new digital space. The real paradigms of information relations give rise to completely new, previously unknown to legal science, risks to the information security of minors. The article analyzes the possibility of creating a safe information environment for positive socialization and individualization, optimal social, personal, cognitive and physical development, preserving mental and psychological health and well-being, as well as creating a positive worldview of the child. It also offers actions aimed at preventing risks and threats to children associated with the use of modern information technologies. The study revealed the main directions of improving state information in the field of ensuring the information security of minors, as well as

organizing compulsory work with parents (legal representatives) of children and pedagogical workers in order to counter dangerous encroachments on the rights and interests of children on the Internet.

Keywords: minors, information security, improvement of legislation, information threats, risks, counteraction

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-57-65

Неотъемлемым компонентом процесса перехода нашей страны к информационному обществу стало появление у несовершеннолетних комплекса совершенно новых прав и интересов. Общество понимает, что для реализации несовершеннолетним в ходе своей повседневной и учебной деятельности необходимо создать соответствующие условия. Важно, что реализация информационных прав должна осуществляться в условиях минимизации как существующих, так и новых угроз и рисков.

Важнейшим интересом несовершеннолетних в информационной сфере является формирование у несовершеннолетних поведенческих навыков безопасной работы с устройствами коммуникации и в сети «Интернет». Это требует соответствующего нормативного закрепления и должно быть включено в образовательные программы путем введения необходимых компетенций как в действующие учебные дисциплины (в настоящий момент ОБЖ), так и разработку специальных новых для различных возрастных категорий детей. Это связано с тем, что более 90% детей в возрасте до 7 лет пользуются смартфонами и планшетами с доступом в Интернет [13], и важно научить детей лучше передавать свои идеи посредством использования различных средств коммуникации, включая возможности сети «Интернет» и иных, основанных на использовании современных мобильных устройств. Данные компетенции одинаково важны и для взрослых, работающих с детьми, а также родителей, чтобы понять, как их дети сосуществуют в информационном пространстве.

Ряд информационных прав и свобод имеют универсальный характер для любого человека независимо от степени его возраста: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну усыновления (удочерения), защиту своей чести и доброго имени; право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, о фактах, создающих угрозу жизни и здоровью людей; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; право на защиту персональных данных. Этими правами в полной мере обладают несовершеннолетние.

Рассматривая информационные права детей, следует учитывать, что это перечень субъективных прав несовершеннолетних, он закреплен в различных нормативных правовых актах ряда отраслей российского права. В то же время в законодательстве, например Семейном кодексе РФ, кроме традиционных прав используется дополнительная дефиниция «интересы детей / несовершеннолетних».

Исходя из толкования Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 “О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей” под интересами детей следует понимать создание благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития[1]. Таким образом, интересы детей в информационной сфере можно рассматривать как благоприятные условия реализации общественных отношений, сложившиеся в информационном обществе для несовершеннолетних под влиянием норм морали, нравственности, которые требуют от государства создания состояния безопасности.

Рассмотрим совокупность информационных прав несовершеннолетнего. Всю совокупность информационных прав и интересов несовершеннолетних можно разделить на три группы:

1) права и интересы, вытекающие из конституционного права на информацию (создавать, искать, получать, передавать и распространять);

2) права и интересы, связанные с защитой информации имеющейся у несовершеннолетнего и о несовершеннолетнем;

3) права и интересы, связанные с защитой от воздействия негативной информации.

Главенствующим среди них будут права, закрепленные в ст. 29 Конституции Российской Федерации, где в части четвертой задекларировано, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Традиционно со-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. –2006. – № 6.

вокупность этих прав именуется «правом на информацию». Право на информацию внесено в российскую Конституцию 1993 г. во исполнение предписаний ст. 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод[2] и является важным институтом российского права.

Изначально право на информацию рассматривалось как производное право, закрепляющее свободу искать, получать и распространять информацию, что служило основанием для широкого толкования [17]. Со временем право на информацию стали рассматривать как право, которое носит не производный, а самостоятельный характер [10, с. 4]. Право на информацию носит комплексный характер и включает целый ряд прав и свобод (свободу выражения мнения, свободу печати, право на создание объединений в сфере информации и др.).

Конституция Российской Федерации полностью коррелирует с постулатами Статьи 13 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г., где указано, что ребенок имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода независимо от границ, в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка[3]. Статья 17 Конвенции указывает на то, что все государства обеспечивают, чтобы ребенок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к таким информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка.

В эпоху глобализации, технический прогресс и развитие новых информационно-коммуникационных технологий, основанных повсеместном использовании сети «Интернет», влекут за собой дальнейшую трансформацию информационных прав несовершеннолетних. Мы поддерживаем мнение А.С. Пиголкина о назревшей потребности дополнить право на информацию еще рядом присущих информационному обществу конституционных прав, такими как свободой доступа гражданина к информационным технологиям и глобальному информационному пространству, права на защиту личной и иной конфиденциальной информации [9, с. 44].

В то же время вызывает беспокойство новомодная тенденция, появившаяся в ходе цифровой трансформации экономики, сводить все права человека к т.н. цифровым правам. По мнению В.Д. Зорькина, «цифровизация социальной жизни привела к появлению ранее неизвестных, так называемых цифровых прав», под которыми понимаются права на свободный доступ к информации, ее свободное использование, создание и публикацию цифровых произведений, свободное использование персональных компьютеров, иных электронных устройств, коммуникационных сетей, включая и Интернет [11]. Его мнение развивает Т.Н. Балашова, указывая, что цифровые права ребенка – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации [6].

Позволим себе не согласится с данной позицией.

Во-первых, информационные права ребенка не всегда реализуются по отношению к информации, обреченной в цифровую (т.е. в форме двоичных сигналов) форму.

Во-вторых, термин «цифровые права» с октября 2019 г. используется в Гражданском кодексе РФ для обозначения обязательственных и иных прав, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Таким образом, говорить о каких-либо цифровых правах детей, подразумевая под этим конституционное право на информацию, некорректно. По нашему мнению, приемлемым является употребление

---

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950. вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – ст. 163.

[3] Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.

конструкции «права детей в цифровой среде», данные права являются одним из компонентов всей совокупности информационных прав несовершеннолетних.

С учетом изложенного, необходимо учитывать, что Конвенция ООН о правах ребенка, являющаяся частью правовой системы Российской Федерации, закрепляет, что ребенок имеет право свободно выражать свое мнение, т.е. распространять (передавать) информацию и свободу искать и получать информацию и идеи любого рода, независимо от территориальной и национальной принадлежности информационного ресурса. Исходя из смысла действующего российского законодательства, не устанавливается каких-либо ограничений в доступе к информации для несовершеннолетних. На первый взгляд такое положение позволяет говорить об значительных демократических достижениях нашего государства. В то же время, анализируя содержание Концепции информационной безопасности детей, мы можем сделать вывод, что несовершеннолетние являются специальным субъектом информационных отношений, в интересах которых государство взяло ответственность за соблюдение их законных интересов в информационной сфере.

Право на информацию в первую очередь ассоциируется с правом на доступ к информации. Статья 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” дает легальное определение, что доступ к информации – возможность получения информации и ее использования.

Мы можем констатировать, что у каждого ребенка есть право не только на получение информации, а на получение надлежащей информации, и обязанность государства обеспечить это право всеми имеющимися в его распоряжении законными и создать заслон всем имеющимся и потенциальным источникам деструктивной, социально-негативной информации.

Новые информационные технологии в купе с низкой стоимостью устройств, имеющих выход в сеть «Интернет», обеспечили несовершеннолетним почти безграничный доступ к информационным ресурсам. Современное состояние характеризуется резким повышением уровня компетенции несовершеннолетних относительно возможностей получения информации, особенно при работе с сетью «Интернет» и чрезвычайно низкими компетенциями в области обеспечения своей информационной безопасности. Такой вывод нам позволяет сделать анализ уже проведенных исследований в данной области [20; 7], а так же предварительные сведения, полученные входе проведения анкетирования по специальной программе родителей, педагогов и школьников (обучающихся) «Уровень осведомлённости несовершеннолетних в вопросах обеспечения личной информационной безопасности».

Низкая информированность несовершеннолетних о сетевой безопасности имеет место в условиях, когда любой субъект, получивший доступ к виртуальному пространству, может предоставлять любую информацию и материалы, самостоятельно определять их характер и направленность их распространения. При этом складывается парадоксальная ситуация, когда субъект знает о том, что информация может быть вредоносна для детей, исполняет все возложенные на него обязанности по возрастной маркировке и иным ограничениям по распространению, но эта информация все равно будет доступна для несовершеннолетних. Классический пример этому дистанционная продажа алкогольной продукции, сайты табачных производителей, электронные библиотеки и сайты аудиовизуального сервиса, где для того, чтобы получить доступ к информации достаточно нажать кнопку, подтверждающую, что пользователю выше 16/18 лет.

Мы поддерживаем мнение, что ошибкой является признание того, что право на доступ к информации у несовершеннолетних не подлежит никаким ограничениям [12]. Абсолютное право ребенка на информацию содержит в себе потенциальную возможность нарушения прав детей путем предоставления им информации и материалов, наносящих вред их здоровью и благополучию, физическому, нравственному и психическому развитию. Ситуация усугубляется тем, что ребенок в силу своей физической и умственной незрелости не может в полной мере отдавать отчет своим действиям, «фильтровать» предоставляемую ему информацию, критически воспринимать направленные на него действия других лиц [18].

Европейская Конвенция о правах ребенка говорит, что осуществление права на доступ к информации может подвергаться некоторым ограничениям, однако этими ограничениями могут быть только те ограничения, которые предусмотрены законом и которые необходимы:

- для уважения прав и репутации других лиц;

- для охраны государственной безопасности, или общественного порядка (ordre public), или здоровья, или нравственности населения.

Так же Конвенция поощряет разработку надлежащих принципов защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию. Но эти принципы не должны нести только элементы запрета. Они должны выражаться в деятельности по формированию информационного пространства в интересах детей, а также в формировании необходимых компетенций, мотивации осознанного поведения несовершеннолетних к потреблению качественного информационного продукта и обучении подрастающего поколения способам распознавания негативной информации.

Естественно, родители принимают меры, чтобы защитить их детей от угроз из сети Интернет. Их подход можно разделить на две составляющие: на прямое воздействие на контент, путем установки на компьютеры, смартфоны и иные гаджеты специальных средств управления и проверки, или косвенное действие, заключающееся в обсуждение угроз с ребенком, а так же – специальные предупреждения или советы родителей.

Однако на ресурсах в сети «Интернет» и рядом правозащитников активно ведется пропаганда тезиса, что «родители не имеют права ограничивать несовершеннолетним доступ к информационным ресурсам и лишать детей доступа к сети «Интернета». Это мотивируется тем, что родители, выросшие без Интернета и насмотревшиеся «страшилок по телеку», считают Интернет вредным. Создаются группы в социальных сетях, например «Детско-Молодёжное Освободительное Движение БЗР (Борьба За Равноправие)»[4] и прочие. При этом имея несколько десятков подписчиков озвученная БЗР не гнушается использовать нецензурные выражения на своей стартовой странице.

Дети должны быть обучены критическому отношению к средствам распространения информации и в первую очередь сети «Интернет» и средствам массовой информации. Считаем, что обучение информационной и медийной грамотности необходимо отнести к интересам детей в информационной сфере.

Несовершенные заинтересованы не только в получении информации, но и активно пользуются такими составляющими права на информацию как предоставление и распространение информации. Закон эти термины трактует следующим образом: распространение информации – действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц; предоставление информации – действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц.

Право ребенка на выражение своего мнения, предусмотрено 29 статьей Конституции и 57 статьей Семейного кодекса РФ. Однако вызывает множество вопросов то, с какого возраста ребенок вправе самостоятельно выражать свое мнение вне семьи и делать его общедоступным, а также каковы границы выражения ребенком своего мнения [19].

Бесспорно, что свобода мысли и слова для несовершеннолетних номинально остается в конституционно закрепленных рамках до тех пор, пока мы не задумываемся о возрасте излагающего свои взгляды субъекта. Основным нравственным ориентиром для несовершеннолетнего являются родители (законные представители), воспитатели и учителя. Отсутствие критического мышления в дошкольном возрасте фактически табуирует определенный родителями лексикон ребенка под угрозой наказания или лишения каких-либо благ [15, с. 131]. Считаем, что относить вводимые родителями и законными представителями ограничения на распространение информации для своих детей к посягательствам на свободу мысли и слова несовершеннолетнего является ошибкой.

Так же ошибочным будет тезис, что ребенок не должен себя ограничивать при реализации своих прав, в том числе и права на выражение своего мнения, который вступает в противоречие со статьей 13 Конвенции о правах детей, которая предусматривает ограничение этого права в случае, когда такое ограничение предусмотрено законом и необходимо для уважения прав и репутации других лиц, а так же для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Действия детей по распространению информации, совершенные в Интернете, некоторые ученые рассматривают как типичный психологический парадокс отношения между умом (совокупности спо-

[4] Детско-молодёжное освободительное движение. – URL : https://vk.com/joinbzr (дата обращения: 05.02.2020).

собностей к мышлению, познанию, пониманию,) и передовыми информационными технологиями: отсутствие возможности реального контроля за социализацией подростка, проходящей преимущественно посредством коммуникации в сети Интернет может выразиться в полной потере контроля за формированием его модели поведения в обществе, что повлечет переоценку ценностей и, как следствие, неосознанный переход к совершению правонарушений [21].

Известны случаи, когда родители не осознавали свою ответственность или наоборот способствовали тому, что ребенок создавал и распространял информацию, не соответствующую нормами общественной морали.

Так, согласно исследованию Т.Ю. Архирейской на хостинге «YouTube» в ноябре 2017 г. выявлено набравшее боле 130 тысяч просмотров видео, где маленькая девочка при активном одобрении мамы выражается нецензурной бранью в адрес бабушки [5, с. 7]. Считаем, что закон должен иметь методы воздействия на таких родителей. Согласно исследованию, выполненному южнокорейскими учеными в 2018 г., именно родительское пренебрежение к действиям своих детей в сети прослеживалось у подростков, совершающих деяния нацеленные на управление социальной средой другого человека, разрушение общественных связей посредством целенаправленных манипулятивных и деструктивных действий, наносящих ущерб социальному статусу жертвы [24].

В то же время не так однозначно обстоит дело с ограничениями, которые инициированы воспитателями, учителями и иными субъектами, имеющими подолгу своих профессиональных обязанностей воздействие на несовершеннолетних. По нашему мнению деятельность данных субъектов должна проходить строго в правовом поле и все случаи допустимости ограничений должны быть закреплены в соответствующих актах в соответствие с правилами, установленными статьей 43 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Свое право на распространение информации несовершеннолетние реализуют как путем общения в социальных сетях, где воплощаются их представления о личностной свободе как возможности беспрепятственно являть и выражать себя, а также свободе самореализации. В то же время проявление собственной свободы только тогда в полном понимании остается свободой, когда личность берет на себя ответственность не нарушать в этих проявлениях свободу другого [8].

В последнее время широко обсуждается право несовершеннолетних, а так же иных категорий обучающихся, на использование мобильных телефонов и иных устройств, позволяющих получить доступ в сеть Интернет на территории образовательных учреждений. Это право находится в тесной взаимосвязи с правом детей на получение или передачу информации, в том числе посредством гаджетов.

Исследования ВЦИОМ, проведенные в 2018 г., показали, что 83% россиян уверены, что гаджеты мешают школьникам учиться [16]. В августе 2019 г. Роспотребнадзором в сотрудничестве с Рособрнадзором были разработаны Методические рекомендации об использовании устройств мобильной связи в общеобразовательных организациях. Документ подразумевает, что в школах может быть введен режим, когда личные гаджеты учеников могут быть не допущены на занятия и в школах или учебных аудиториях предусмотрят этого специальные места для их хранения, одновременно должен быть решен вопрос о способах оперативной связи ребенка с родителями, например, телефон учителя.

Требование о том, что на территории образовательной организации запрещено использовать мобильные устройства, должно быть обязательно прописано в уставе организации. Без этого любые устные запреты со стороны учителей и даже директора не имеют юридической силы.

Разработчики документа ссылаются на положительный опыт такого нововведения, полученный при анализе международного опыта [22; 23], так во Франции запрет на использование телефонов на уроке введен с 1-го сентября 2018 г., в Италии и США часть школ оснащаются специальными карманами, в которых для телефонов блокируются все сигналы.

С одной стороны, система образования должна быть современной: новые технологии – это мощный инструмент развития. Данная инициатива может быть рассмотрена только как способ повышения внимания на уроках, надо сделать гаджет эффективным и безопасным помощником в обучении и воспитании. С другой, нужно организовать работу так, чтобы гаджеты помогали ребенку в учебе, а не вредили. Введение запретов на использование телефонов не носит обязательного для всех образовательных учреждений характера и их использование зависит от конкретной школы, можно предсказать,

что со временем большая часть из этих рекомендаций наверняка воплотится повсеместно. Есть вероятность, что их пропишут в уставах большинства школ страны.

Кроме того, к положительным сторонам запрета на использование устройств с доступом к сети Интернет относят потенциальную возможность сократить случаи кибербуллинга, а также решение вопроса с повреждениями и кражами дорогих аппаратов [14].

В тоже время критики приводят следующие аргументы против запретов гаджетов в школах:

1. Школа обязана готовить учеников к жизни после окончания образовательного заведения, поэтому недопустимо запрещать те инструменты, которые в дальнейшем станут основной частью их повседневной жизни.

2. При постоянном недостатке учебных пособий и бюджетов, использование легко доступных мобильных технологий вполне логично, это позволяет с минимальными затратами обеспечить высокое качество обучения, т.к. инструменты для использования современных информационных технологий уже в собственности у учащихся и всегда при себе.

3. Политика запрета мобильных устройств, потому что обучаемые могут находить в сети подсказки, не выдерживает критики, т.к. еще пару лет назад прослеживался курс на использование гаджетов в обучении, как средства мотивации современного ученика, начиная с младшего возраста.

4. Заботится о безопасности подрастающего поколения, оградив их от технологий только в течение короткого времени нахождения в учебном заведении, безответственно, гораздо важнее научить детей быть ответственными за использование мобильных технологий.

5. Запрет на использование телефонов и планшетов на занятиях приведет к тому, что рынок заполнят всевозможные «умные» устройства их заменяющие наподобие часов-трекеров типа Elari KidPhone (устройство ценой чуть более 1000 рублей, которое стала активно рекламировать компания МТС после выхода вышеуказанных рекомендаций) до пеналов, игрушек и прочего с функцией мобильного доступа к сети.

6. Абсолютно не проработан вопрос об ответственности ученика за нарушение школьных правил в том случае, если он не сдал свой телефон и о действиях преподавателя в данном случае, ведь изъять телефон, являющейся собственностью ученика или его родителей, ему не позволяют Конституция и Гражданский кодекс РФ.

7. Как показали эксперименты по запрету телефонов родители в большинстве случаев негативно отзываются об этой инициативе, т.к. чаще всего телефоны им нужны для связи и проверки безопасности ребенка. Если с ребенком что-то случилось в школе, считают они, у него должна быть возможность связаться с родителями. Если у родителей вдруг случилось что-то непредвиденное, и они должны предупредить ребенка, у них тоже должна быть возможность сделать это напрямую, а не через классного руководителя, как предлагают сторонники запрета.

По нашему мнению, вопрос о запрете мобильных устройств в школе требует дополнительной серьезной проработки и закреплении в законе только наличия у образовательной организации права на установление данного запрета, в свою очередь каждая школа разработает свою собственную концепцию использования гаджетов в содружестве с учениками и их родителями (законными представителями). Такие, совместно созданные правила, не будут расцениваться как запреты на доступ к информации, и помогут детям интегрироваться в жизнь современного информационного общества.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 6.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950. вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – ст. 163.

3. Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Выпуск XLVI.

4. Детско-молодёжное освободительное движение. – URL: https://vk.com/joinbzr (дата обращения: 05.02.2020).

5. *Архирейская, Т.Ю.* Правовая защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2018. – № 35. – С. 5–9.
6. *Балашова, Т.Н.* Законодательное обеспечение цифровых прав ребенка // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – № 3.
7. *Буданов, С.А.* Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних. Дисс… кан. юр. наук. – Воронеж, 2006.
8. *Григорьева, А.* Золотая середина в воспитании свободой. – URL: https://econet.ru/articles/148093-zolotaya-seredina-v-vospitanii-svobodoy
9. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. – М., 2004. – С. 44.
10. *Забара И.Н.* Становление и развитие концепции права на информацию в науке и практике международного права // Информационное право. – 2013. – № 5. – С. 3–6.
11. *Зорькин, В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс]. – URL: https://www.yandex.ru/turbo? text= https%3A%2F%2Frg.ru%2F2018%2F05% 2F29%2Fzorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html&d=1 (дата обращения: 05.05.2019).
12. *Иванов, И.С.* Правовая защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: расширенный научно-практический комментарий // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Кенни, Э.* Как защитить детей в Интернете. – URL: https://www.kaspersky.ru/blog/family-tips-2019/23714/ (дата обращения: 05.02.2020).
14. *Минкин, А.* Запрет мобильных в школах. Опыт других стран // 360°. – 2019. – 19 авг.
15. *Рыдченко, К.Д.* Особенности обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего в информационной сфере // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – 2017. – № 4. – С. 129–136.
16. Россияне уверены, что смартфоны мешают школьникам учиться // Российская газета. – 2018. – 20 сент.
17. *Талапина, Э.В.* Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. – М.: Юриспруденция, 2015.
18. *Трубицын, Д.А.* Реализация права детей на получение информации URL: http://yamalchild.ru/?page_id=1158 (дата обращения: 05.02.2020).
19. *Федорова, Л.Ф.* О проблемах реализации права ребенка на выражение своего мнения // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 5.
20. *Филиппов, В.М., Букалерова, Л.А., Остроушко, А.В., Карпухин, Д.В.* Правовые меры противодействия вредному информационному воздействию на несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных сетях: монография. – М., 2019.
21. *Romy Greco, Ignazio Grattagliano, Ernesto Toma, Alessandro Taurino, Andrea Bosco, Alessandro Caffò, Roberto Catanesi.* Cyberbullying: a new form of bullying or a specific manifestation of violence on web? // Rassegna Italiana di Criminologia. – 2017. – № 1. – С. 72–82.
22. *Nathanson A.I., Alade F., Sharp M.L., Rasmussen E.E., Christy K.* The relation between television exposure and executive function among preschoolers // Dev. Psychol. – 2014. – № 50. – P. 1497–1506.
23. *Pagani L.S., Fitzpatrick C., Barnett T.A., Dubow E.* Prospective associations between early childhood television exposure and academic, psychosocial, and physical well-being by middle childhood // Arch. Pediatr. Adolesc. Med. – 2010. – T. 164. – P. 425–431.
24. *Hong, Jun Sung, Dong Ha Kim, Robert Thornberg, Jun Hyeok Kang, and Julie Toth Morgan.* 2018. Correlates of direct and indirect forms of cyberbullying victimization involving South Korean adolescents: An ecological perspective. Computers in Human Behavior 87: 327–336.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 20, 2006 No. 8 «On the application by the courts of the law in cases of adoption of children» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2006. – No. 6.

2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Concluded in the city of Rome 04.11.1950. together with “Protocol No. 1” (Signed in Paris on March 20, 1952), “Protocol No. 4 on the provision of certain rights and freedoms besides those already included in the Convention and the first Protocol thereto” (Signed in Strasbourg 16.09. 1963), «Protocol No. 7» (Signed in Strasbourg 11/22/1984)) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 2. – Article 163.
3. Collection of international treaties of the USSR. – 1993. – Issue XLVI.
4. Children and youth liberation movement URL: https://vk.com/joinbzr (accessed: 02.05.2020).
5. *Archiereyskaya, T.Yu.* Legal protection of children from information harmful to their health and development // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. – 2018. – No. 35. – S. 5–9.
6. *Balashova, T.N.* Legislative support of the digital rights of the child // Education. The science. Scientific staff. – 2019 . – No. 3.
7. *Budanov, S.A.* Legal support of information security of minors. Diss ... can. legal sciences. – Voronezh, 2006.
8. *Grigoryeva, A.* Golden mean in the education of freedom. – URL: https://econet.ru/articles/148093-zolotaya-seredina-v-vospitanii-svobodoy
9. Globalization and the development of legislation: Essays / Ans. ed. Yu.A. Tikhomirov, A.S. Pigolkin. – M., 2004. – S. 44.
10. *Zabara I.N.* Formation and development of the concept of the right to information in science and practice of international law // Information Law. – 2013. – No. 5. – P. 3–6.
11. *Zorkin, V.D.* Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Law Forum [Electronic resource]. – URL: https://www.yandex.ru/turbo? text = https% 3A% 2F% 2Frg.ru% 2F2018% 2F05% 2F29% 2Fzorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html & d = 1 (accessed: 05.05.2019).
12. *Ivanov, I.S.* Legal protection of children from information harmful to their health and development: extended scientific and practical commentary // ATP “Consultant Plus”.
13. *Kenny, E.* How to Protect Children Online. – URL: https://www.kaspersky.ru/blog/family-tips-2019/23714/ (accessed: 02.05.2020).
14. *Minkin, A.* Prohibition of mobile in schools. The experience of other countries. // 360o. – 2019. – Aug 19
15. *Rydchenko, K.D.* Features of ensuring the rights and legitimate interests of a minor in the information sphere // Criminal Procedure Protection of the rights and legitimate interests of minors. – 2017. – No. 4. – S. 129–136.
16. Russians are sure that smartphones interfere with schoolchildren // Russian newspaper. – 2018. – September 20.
17. *Talapina, E.V.* Public administration in the information society (legal aspect): monograph. – M.: Jurisprudence, 2015.
18. *Trubitsyn, D.A* Realization of the right of children to receive information URL: http://yamalchild.ru/?page_id=1158 (accessed: 05.02.2020).
19. *Fedorova, L.F.* On the problems of the realization of the child’s right to express his opinion // Eurasian Bar. – 2014. – No. 5.
20. *Filippov, V.M., Bukalerova, L.A., Ostroushko, A.V., Karpukhin, D.V.* Legal measures to counteract harmful informational impact on minors in information and telecommunication networks: Monograph. – M., 2019.
21. *Romy Greco, Ignazio Grattagliano, Ernesto Toma, Alessandro Taurino, Andrea Bosco, Alessandro Caffò, Roberto Catanesi.* Cyberbullying: a new form of bullying or a specific manifestation of violence on web? // Rassegna Italiana di Criminologia. – 2017. – № 1. – C. 72–82.
22. *Nathanson A.I., Alade F., Sharp M.L., Rasmussen E.E., Christy K.* The relation between television exposure and executive function among preschoolers//Dev. Psychol. – 2014. – № 50. – P. 1497–1506.
23. *Pagani L.S., Fitzpatrick C., Barnett T.A., Dubow E.* Prospective associations between early childhood television exposure and academic, psychosocial, and physical well-being by middle childhood//Arch. Pediatr. Adolesc. Med. 2010. – T. 164. – P. 425–431.
24. *Hong, Jun Sung, Dong Ha Kim, Robert Thornberg, Jun Hyeok Kang, and Julie Toth Morgan.* 2018. Correlates of direct and indirect forms of cyberbullying victimization involving South Korean adolescents: An ecological perspective. Computers in Human Behavior 87: 327–336.

УДК 004.051

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ, ЗАЩИЩЕННОЙ АВТОРСКИМ ПРАВОМ, ЧЕРЕЗ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Скибин Антон Владимирович,
аспирант 1 курса обучения кафедры уголовного права и процесса,
e-mail: skibinanton@gmail.com,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва,

Уварова Ирина Александровна,
канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса,
e-mail: iuvarova@muiv.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В данной статье автор хотел отразить юридическую реальность, которая сформировалась в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее по тексту – Интернет). Основными целями написания данной статьи являются отражение юридического сопровождения в рамках действующего законодательства на территории Российской Федерации, а также научного анализа на примере юридического взаимодействия между субъектами права и объектами авторских прав в Интернете. Актуальность данной статьи выражена в определении юридических принципов защиты авторских прав, определении методов защиты авторских прав в современном глобальном информационном пространстве. Методом исследования при написании статьи послужило правоприменение и общий анализ юридической актуальности взаимодействия субъектов права при использовании информационного контента, размещенного для общего доступа в Интернете. Результатом исследования на конкретном примере в основной части текста данной статьи будет являться точное применение действующих законов и нормативно-правовых актов Российской Федерации при формировании алгоритмов и практических действий реализации объектов авторских прав в Интернете.

Авторское право в объективном смысле – это институт гражданского права, регулирующий правоотношения, связанные с созданием и использованием результатов творческой деятельности людей разных областях. Объектами авторского права, как правило, выступают: произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения.

Ключевые слова: охранный документ, интерактивное автономное приложение, страховой номер индивидуального лицевого счета

ELECTRONIC ACCESS TO INFORMATION PROTECTED BY COPYRIGHT, VIA SPECIALIZED MOBILE APPENDICES IN INFORMATION-TELECOMMUNICATION NETWORK «INTERNET»

Skibin A.V.,
1-year postgraduate student of the department of criminal law and procedure
e-mail: skibinanton@gmail.com,
Moscow University S.Yu. Witte,

Uvarova I.Al.,
candidate of law, Associate Professor, head of the department of criminal law and procedure,
e-mail: iuvarova@muiv.ru,
Moscow University S.Yu. Witte

In this article, the author wanted to reflect the legal reality that was formed in the information and telecommunication network "Internet" (hereinafter referred to as the Internet). The main goals of writing this article are to reflect

legal support within the framework of the current legislation in the Russian Federation, as well as scientific analysis on the example of legal interaction between legal entities and copyright objects on the Internet. The relevance of this article is expressed in defining the legal principles of copyright protection, defining methods for protecting copyright in the modern global information space. The method of research when writing the article was law enforcement and a general analysis of the legal relevance of the interaction of legal entities when using information content posted for public access on the Internet. The result of a study using a specific example in the main part of the text of this article will be the exact application of the existing laws and regulations of the Russian Federation in the formation of algorithms and practical actions for the implementation of copyright in the Internet.

Keywords: security document, interactive stand-alone application, insurance number of an individual personal account

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-66-73

Объектами авторских прав в современном обществе часто являются сайты, части сайтов, фото-, видеоматериалы в отдельности, программы для различных платформ и иная электронная информация, выраженная в виде мультимедийного контента или загруженная в сеть Интернет для общего пользования. За копирование чужого контента существует ответственность, предусмотренная законом [1].

Открытый перечень объектов авторских прав содержится в статье 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), говоря простым языком все, что окружает пользователя в сети Интернет, уже фактически является объектом авторского права в любом его проявлении. Мы же остановимся на конкретном примере широкого использования объекта авторского права, а именно на открытой платформе госуслуг[1].

На территории Российской Федерации в настоящее время успешно реализуется государственная программа под названием «Информационное общество». В рамках действия данной программы Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации успешно реализуется концепция развития механизмов предоставления государственных услуг и муниципальных услуг в электронном виде[2].

Переход к оказанию государственных и муниципальных услуг в электронном виде требует от государства предоставить людям и органам государственной власти возможность безопасно идентифицировать друг друга онлайн [2]. ЕСИА обеспечивает защиту размещенной в ней информации в соответствии с законодательством Российской Федерации. Идентификация и аутентификация с использованием ЕСИА обеспечивают безопасный доступ к различным информационным системам органов государственной власти.

Уже сегодня ЕСИА предлагает базовые сценарии для безопасного доступа к информационным системам органов государственной власти, получению персонифицированного доступа к регистру физических лиц, юридических лиц, должностных лиц [3]. В конечном итоге, результатом работы ЕСИА является быстрый подход к получению информации различных сфер и услуг, востребованных в повседневной деятельности[3].

Стоит отметить, что ЕСИА проводит однократную идентификацию за один сеанс работы с базами и банками данных на серверах. Для понимания юридической сути, кратко поясню, что взаимодействие при работе с ЕСИА происходит между объектами авторских прав и конечным пользователем на прямую, что, безусловно, в современном мире является отличным достижением [4]. Учитывая работу конечного пользователя с банками данных, связь для доступа в Интернет, может быть предоставлена сторонними лицами без делегирования дополнительных прав и обязанностей. Учитывая современную полигамию общества, выбор взаимодействия в сети Интернет конечный пользователь выбирает для

[1] Официальный сайт Российской газеты – раздел VII – глава 69 – ст. 1225 [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2006/12/22/grazhdansky-kodeks.html (дата обращения: 22.12.2019).

[2] Официальный сайт Российской газеты – раздел VII – глава 69 – ст. 1225 [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2006/12/22/grazhdansky-kodeks.html (дата обращения: 22.12.2019).

[3] Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – раздел деятельность – целевые программы [Электронный ресурс]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/ (дата обращения: 29.04.2019).

себя сам, соответственно и ответственность юридически ложится на самого пользователя. Зачастую условия лицензионных соглашений с конечным пользователем заключаются по факту использования программы для доступа в сеть Интернет, т.е. если пользователь использует программу или приложение по назначению, то он фактически принимает условия лицензионного соглашения [5]. Единый портал государственных услуг такой подход исключает. Схема подключения конечного пользователя к ЕСИА представлена на рисунке 1:

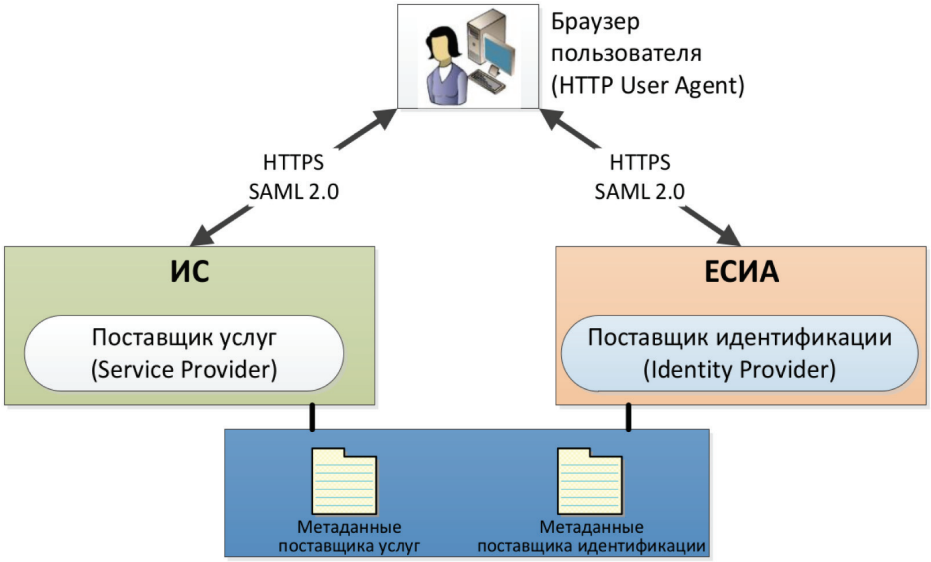

Рисунок 1 – Схема взаимодействия ИС с ЕСИА с целью идентификации и аутентификации с использованием стандарта SAML 2.0

Обеспечение персонифицированного доступа пользователей через ЕСИА в современной сети Интернет является необходимой составляющей, т.к. юридически отражает взаимодействие пользователей и владельцев различных электронных ресурсов[4].

Что хотелось бы отметить при сопоставлении такой схемы действий, а то, что дополнительно не требуется заключения каких либо договоров или соглашений со стороны пользователя, ведь личные данные, ранее предоставленные самим пользователем при регистрации в системе ЕСИА, исключают подмену личности, а значит и предпосылки к использованию объектов авторских прав в сети Интернет [6].

Главной задачей сегодня стоит, обеспечить в соответствии с требованиями законодательства комплекс мер, необходимых для обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных пользователей, получаемых информационной системой в процессе ее взаимодействия с системой ЕСИА[5].

Именно такие функции сегодня востребованы различными системами, среди пользователей которых есть сотрудники организаций, гос- и ведомственных учреждений.

На рисунке 2 представлена схема подключения к ЕСИА для проведения аутентификации конечного пользователя:

При включении расширенных функций обмена метаданными, между конечным потребителем в сети Интернет и создателями объектов авторского права возможно на программном уровне, а это очень важный юридический вопрос, ведь аутентифицировать потребителя объектов авторского права можно без заключения дополнительных договоров и соглашений, т.е. само по себе использование объектов авторского права более не будет требовать дополнительных временных затрат, денежных затрат, а главное присутствует полная юридическая ответственность при использовании сети Интернет [7].

[4] Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – раздел документы – приказы [Электронный ресурс]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/5683/ (дата обращения: 26.02.2020).

[5] Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – документы – регламенты – с. 28 [Электронный ресурс]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6186/ (дата обращения: 31.10.2019).

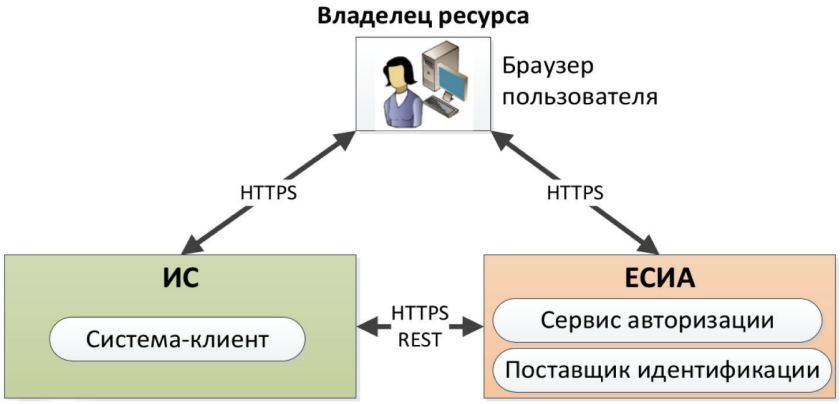

Рисунок 2 – Схема подключения системы к ЕСИА

Давайте на примере разберем как же это работает сегодня в системе ЕСИА. Штатный сотрудник организации выступающий как заявитель или как должностное лицо при использовании объектов авторского права в сети Интернет, передает сведения об организации пользователя, если же пользователь является участником нескольких организаций, то ЕСИА предварительно попросит пользователя, ту из них, от лица которой он осуществляет аутентификацию.

Очень важный момент, на который я хочу обратить внимание слушателей, возникает в момент открытой сессии, когда доступ к объектам авторского права уже получен. Юридическая ответственность возникает с момента подключения, после аутентификации и до окончания сессии, временной интервал которой ограничен только самим конечным пользователем[6].

На рисунке 3 отражена краткая схема взаимодействия при идентификации и аутентификации пользователей посредством ЕСИА.

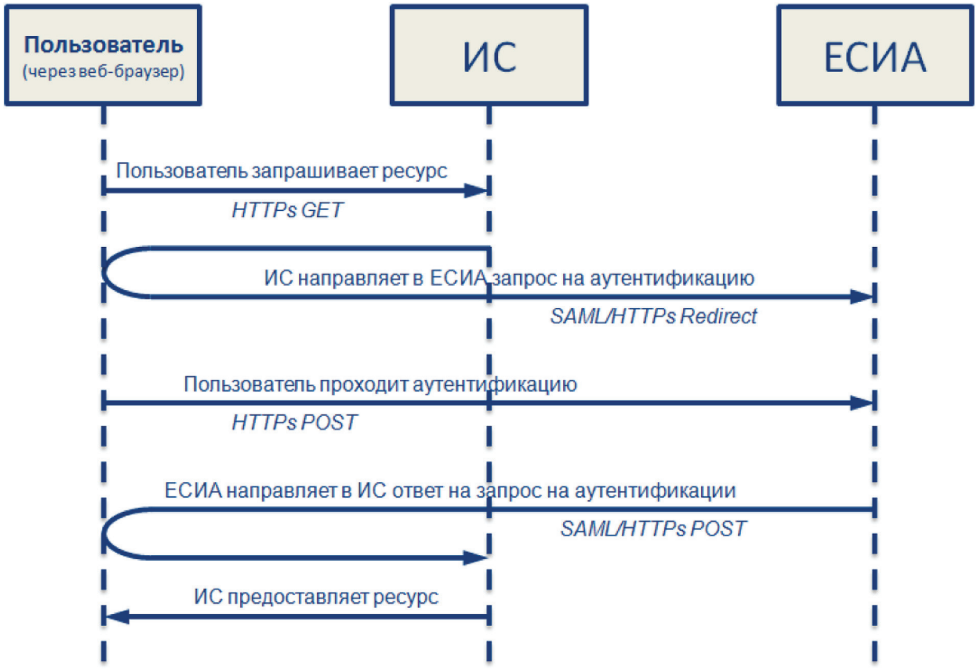

Рисунок 3 – Идентификация и аутентификация пользователей посредством ЕСИА при использовании SAML 2.0

[6] Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – раздел деятельность – целевые программы [Электронный ресурс]. – с. 29. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6186/ (дата обращения: 31.10.2019).

Юридический порядок и соблюдение Закона со стороны пользователя благодаря такой схеме гарантирован на 96,6 %. Для доступа конечному пользователю необходимо пройти процедуру подтверждения личности, и так происходит при каждом повторном сеансе связи.

На примере получения доступа к информационному ресурсу мы рассмотрим несколько случаев, которые возникают в процессе использования сети Интернет [5].

Не всегда автор и правообладатель являются одним и тем же лицом. Автор – физическое лицо, чьим творческим трудом создано произведение, правообладатель – физическое или юридическое лицо, которому принадлежит исключительное право. Первоначально, исключительное право всегда принадлежит автору. Но также, закон не запрещает последнему отчуждать данное право в пользу других лиц, в полном объеме или частично. Порядок отчуждения и реализации прав может быть достигнут между сторонами заключением письменного договора или письменного соглашения, отдельно хочу отметить, что при этом конечным пользователь объектов авторских прав в этом прямо не участвует.

Присваивать себе авторство или изменять имя автора, конечный пользователь не вправе, также как и опубликовывать и корректировать произведения, использовать их для коммерческих или иных целей без разрешения автора. Как уже говорилось выше, объектом исследования данной статьи будет произведение искусства Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее по тексту – Минкомсвязи), которое выражено в информационно-телекоммуникационной технологии для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных функций.

И название этого интернет ресурса «Справочно-информационный интернет-портал». По открытым статистическим данным Минкомсвязи, по состоянию на апрель 2019 г. на портале были зарегистрированы 86,5 млн россиян[7].

На рисунке 4 представлен график в процентном соотношении.

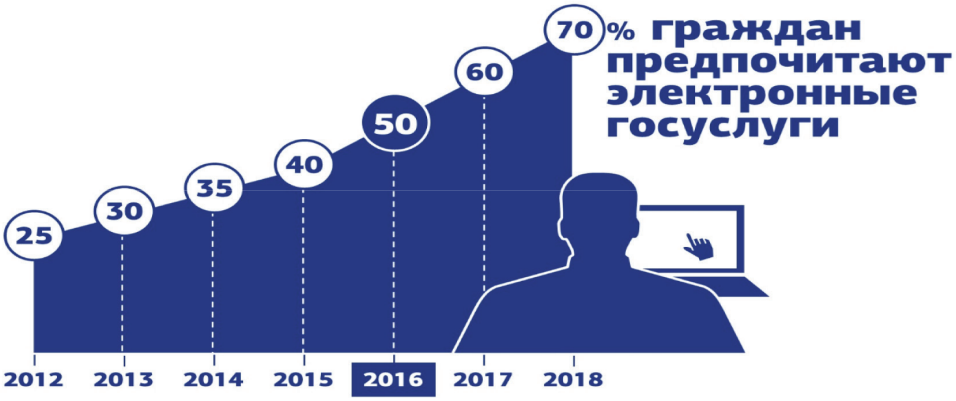

Рисунок 4 – График количества пользователей за период с 2012–2019 гг.

Минкомсвязи обеспечивает доступ физических и юридических лиц к сведениям о государственных и муниципальных услугах в Российской Федерации (далее по тексту – России), исполняя государственные функции по контролю и надзору, об услугах государственных и муниципальных учреждений, об услугах организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг.

И так давайте разберем объекты авторского права и определим конкретные мероприятий подлежащие дальнейшему исследованию.

Документами, подтверждающими авторское право, могут быть: договор авторского заказа, договор с дизайнером, договор с веб-студией, договор с копирайтером, в соответствии с которыми, все исключительные права на результат интеллектуальной деятельности принадлежат вам как заказчику.

[7] Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – раздел деятельность – целевые программы [Электронный ресурс]. – с. 35. – URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/6186/ (дата обращения: 31.10.2019).

Само по себе предотвращение нарушений авторских прав в сети Интернет представляет собой достаточно трудоемкий и сложный процесс. Именно поэтому, объектом исследования в данной статье послужила ЕСИА. В иных случаях для подтверждения авторского права нужно будет предоставить документы, заверенные надлежащим образом.

Ответ на вопрос, что же нам дает использование ЕСИА, ответ не заставит себя долго ждать, т.к. использование ЕСИА дает юридическую защиту и избирательность при предоставлении объектов авторского права.

С учетом практических действий в сети Интернет, именно физические, юридические лица могут получить защиту и оплату трудов своей интеллектуальной деятельности при работе с ЕСИА.

На примере хотелось бы показать отдельное мобильное приложение под названием «Госуслуги»[8].

Именно с помощью данного приложения уже сегодня реализуется юридическая защита интеллектуальных прав собственности. Объектом интеллектуального права собственности будет являться мобильное приложение под названием «Госуслуги», что не мало важно, что законным владельцем данного приложения является Российская Федерация, а если быть более точным, то авторское право принадлежит Минкомсвязи РФ[9].

Иконка мобильного приложения представлена ниже на рисунке 5.

Рисунок 5 – Графическая иконка
мобильного приложения Госуслуги

Уже сегодня различные ведомства и государственные учреждения являются создателями объектов авторского права, спросите почему, да потому что, все что представлено в информационных банках для пользователей зарегистрированных в системе ЕСИА, является продуктом интеллектуальной собственности, право на которое охраняется законодательством РФ.

Стоит отметить, что сегодня при получении доступа для пользователя плата не установлена, именно при получении информационного доступа сама по себе плата не взимается, а вот предоставление конкретной государственной услуги через ЕСИА является процедурой платной и называется попростому «государственная пошлина».

Автор же при написании статьи несет глубокий смысл реализации алгоритмов, создающих условия, при которых юридические права и обязанности должны будут исполнятся в любом виде проявления гражданский правоотношений между сторонами.

Говоря простым языком, владельцы интеллектуальных прав смогут получать денежное вознаграждение на предоставленные объекты интеллектуальных прав, а регулятором возникших правоотношений между сторонами будет государственный орган под названием «Минкомсвязи» [8].

[8] Официальный сайт РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20191017/1559902373.html (дата обращения: 17.10.2019).

[9] Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gosuslugi.ru/help/mobile (дата обращения: 11.03.2020).

Что же касается несанкционированного доступа к объектам интеллектуальных прав, то это практически исключено, т.к. система защиты банков данных находится в юрисдикции государства в лице Минкомсвязи.

Кража или повреждение объектов интеллектуальной собственности не исключены, но при возникновении таких случаев, реагировать можно практически мгновенно. Регулятором взаимоотношений позволяющим добиться ограничения доступа к незаконно размещенной информации, блокировке сайта, является обращение в судебные инстанции и как следствие, предписания Роскомнадзора, направленные на исполнение вынесенного судебного акта.

Взаимодействие пользователей сети Интернет и правообладателей интеллектуальных прав собственности может быть доведено до четкого алгоритма взаимодействия, при этом дополнительных каких-либо письменных соглашений и договоров не требуется, в частности выгодоприобретателем при реализации такой системы и внедрении ее в повседневную жизнедеятельность будут являться все стороны.

Автор считает, что в данной работе новыми являются следующие положения и результаты: в лице Минкомсвязи организовано взаимодействие всех государственных и муниципальных учреждений, а также специальных ведомств на территории Российской Федерации с обязательной интеграцией на региональном уровне.

Система электронного правительства показала свою эффективность на практике и в полной мере может быть применена в целях защиты авторских прав отдельных физических лиц и юридических лиц.

Исследование и практическое применение ЕСИА отвечает на главный вопрос, что на законодательном уровне все нормы Закона работают, но пока только в государственных целях. Приоритетом государства сегодня является, то, что, укрепляя догмы проверенных знаний, можно с уверенностью применять ЕСИА в остальных сферах жизнедеятельности, затрагивая все более широкие массы людей по всей стране.

Список литературы

1. *Абросимова М.А.* Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении: учебное пособие. – М.: КноРус, 2013. – 248 с.
2. *Вдовин, В.М.* Информационные технологии в налогообложении: практикум / В.М. Вдовин, Л.Е. Суркова. – М.: Дашков и К, 2012. – 248 с.
3. *Венделева, М.А.* Информационные технологии в управлении: учебное пособие для бакалавров / М.А. Венделева, Ю.В. Вертакова. – М.: Юрайт, 2013. – 462 с.
4. *Гвоздева, В.А.* Информатика, автоматизированные информационные технологии и системы: учебник / В.А. Гвоздева. – М.: ИД ФОРУМ, НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 544 с.
5. *Гришин, В.Н.* Информационные технологии в профессиональной деятельности: учебник / В.Н. Гришин, Е.Е. Панфилова. – М.: ИД ФОРУМ, НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 416 с.
6. *Литвинов В.А.* Информационные технологии в юридической деятельности: учебное пособие. стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер, 2013. – 320 с.
7. *Максимов В.П.* Информационные технологии: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: ИЦ Академия, 2009. – 432 с.
8. *Панин И.Н.* Информационные технологии в государственном управлении. – М.: Гелиос АРВ, 2011. – 400 с.

References

1. *Abrosimova M.A.* Informacionnye tekhnologii v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii: uchebnoe posobie. – M.: KnoRus, 2013. – 248 s.
2. *Vdovin, V.M.* Informacionnye tekhnologii v nalogooblozhenii: praktikum / V.M. Vdovin, L.E. Surkova. – M.: Dashkov i K, 2012. – 248 s.
3. *Vendeleva, M.A.* Informacionnye tekhnologii v upravlenii: uchebnoe posobie dlya bakalavrov / M.A. Vendeleva, Yu.V. Vertakova. – M.: Yurajt, 2013. – 462 s.
4. *Gvozdeva V.A.* Informatika, avtomatizirovannye informacionnye tekhnologii i sistemy: uchebnik. – M.: ID FORUM, NIC INFRA-M, 2013. – 544 s.

5. *Grishin, V.N.* Informacionnye tekhnologii v professional'noj deyatel'nosti: uchebnik / V.N. Grishin, E.E. Panfilova. – M.: ID FORUM, NIC INFRA-M, 2013. – 416 s.
6. *Litvinov V.A.* Informacionnye tekhnologii v yuridicheskoj deyatel'nosti: uchebnoe posobie. Standart tret'ego pokoleniya. – SPb.: Piter, 2013. – 320 s.
7. *Maksimov V.P.* Informacionnye tekhnologii: uchebnik dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. – M.: IC Akademiya, 2009. – 432 s.
8. *Panin I.N.* Informacionnye tekhnologii v gosudarstvennom upravlenii. – M.: Gelios ARV, 2011. – 400 s.

УДК 4414

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Христолюбова Елена Юрьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
e-mail:vitte.pravo@mail.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В данной статье рассматриваются вопросы применения новых информационных технологий с целью достижения гласности, доступности правосудия, связанные с цифровизацией судебной деятельности. Возможность внедрения искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации. Проблемы и задачи распространения сети интернет в каждом субъекте РФ. Также рассматривается вопрос о полной замене юристов заранее запрограммированными машинами. Постановка приговора, основанная исключительно на статистике без учета норм морали. Актуальность статьи нельзя переоценить ввиду того, что скорость внедрения искусственного интеллекта значительно превышает скорость развития правового поля. Все изложенные выводы в статье основаны на международном опыте других стран, чей успех в развитии и внедрении цифровых технологий, очевиден. Основная проблема, которая рассматривается в рамках данной статьи это большие масштабы и территории, а также недостаточная компьютерная грамотность граждан. С точки зрения права, основным вопрос является отсутствие закона, который должен регулировать правоотношения в рамках сети интернет.

Ключевые слова: цифровизация, судебная защита прав, доступность технологий, влияние цифровизации, цифровое государство, цифровой код, права человека, цифровое поле

JUDICIAL PROTECTION IN DIGITALIZATION

Khristolyubova E.Yu.,
senior lecturer, department of criminal law and procedure,
e-mail:vitte.pravo@mail.ru,
Moscow Witte University

This article discusses the application of new information technologies in order to achieve transparency, access to justice related to the digitalization of judicial activity. The possibility of introducing artificial intelligence into the judicial system of the Russian Federation. Problems and tasks of the Internet distribution in each subject of the Russian Federation. The issue of the complete replacement of lawyers with pre-programmed machines is also being considered. Sentencing based solely on statistics without regard to moral standards. The relevance of the article cannot be overestimated due to the fact that the speed of introducing artificial intelligence is significantly higher than the speed of development of the legal field. All the stated conclusions in the article are based on the international experience of other countries whose success in the development and implementation of digital technologies is obvious. The main problem that is considered in the framework of this article is the large scale and territory, as well as insufficient computer literacy of citizens. From the point of view of law, the main issue is the lack of a law that should regulate legal relations within the Internet.

Keywords: digitalization, judicial protection of rights, accessibility of technologies, the impact of digitalization, digital state, digital code, human rights, digital field

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-74-78

Мир уже никогда не будет прежним, абсолютно для каждого из нас он станет индивидуальным по многим причинам. Одна из таких причин: индивидуализация, оцифрованная по характеру и поведению человека, а также по его потребностям.

Незримо каждый из нас хочет он того или нет медленно, но верно, погружается в совершенно новое пространство, в условиях которого, нам предстоит строить свою жизнь. И здесь необходимо обратить внимание на то, что любой прорыв, будь то наука или цифровые технологии, по-разному влияют на общество в целом.

В условиях тотальной цифровизации очень сложно сохранить внутренний мир и не получить в итоге сегрегацию людей и поляризированное общество. Чем больше человек освоит и внедрит в свою повседневную жизнь цифровых технологий, тем больше появится возможностей для тотального контроля любых изменений посредством цифровых сетей. Уже сейчас гораздо легче обнаружить место нахождения преступника, воспользовавшись электронными базами данных. Но те же возможности, способы и методы могут быть применены и к абсолютно законопослушному гражданину.

Появляются новые принципы реальности и, так называемая, четвертая промышленная революция набирает свою силу.

Цифровизация – перевод в двоичный код всех аспектов жизни. Далее всемирная сеть «Интернет» и действия в поле, которое в настоящее время все стремительнее превращается в «плацдарм» для совершения киберпреступлений. Интернет становится не только средством ускоренного получения информации, но и нашим окном в мир, где любой провайдер обладает информацией о каждом из нас, начиная с рождения.

Однако это не стало сдерживающим фактором. В ряде стран цифровизация и связанные с нею прогрессивные технологии получили свое развитие и широко применяются, облегчая существование общества и государства. Так, например, в США уже в 1980 г. налоговую декларацию можно было направить посредством сети «Интернет». В 2002 г. создан специальный отдел в Административно-бюджетном управлении США, где и поощрялось использование информационных технологий в оказании государственных услуг и в межведомственных коммуникациях [7].

В 80-х гг. в Сингапуре создан Национальный компьютерный совет (NCB), в обязанности которого входила автоматизация рабочих функций и документооборота в правительственных учреждениях. С 2003 г. все граждане Сингапура в возрасте от 15 лет могут подать заявку на получение SingPass – цифрового удостоверения личности.

В 90-ые гг. в Сингапуре создается национальный совет по науке и технологиям (со временем преобразованный в национальное управление по науке и технологиям), который формировал и сегодня под новым названием продолжает формировать научную повестку перспективных направлений научной деятельности [6].

Путь к цифровому государству уже прошли Китай и Южная Корея, а лидером цифровизации является Япония. Именно в Японии принят Закон, регулирующий принципы цифрового государства, программа e-Japan, объединяющая все меры по построению цифрового общества и, наконец, сама программа по построению цифрового государства.

В России главной новостью юридической сферы в 2016 г. стал запуск «Сбербанком» робота-юриста, который будет оформлять исковые заявления. Нововведение повлечет за собой сокращение трех тысяч сотрудников банка. Да, банк предложит возможность переобучения потерявшим работу сотрудникам, тем не менее «Сбербанк» не скрывает, что в будущем планирует запускать целый ряд подобных роботов [5].

Начало пути к «цифровому государству» положено в марте 2019 г., когда Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [1].

Россия стала «цифровым государством» сравнительно недавно.

Указанный Федеральный закон закрепляет права и обязанности сторон, наделенных цифровыми правами, приравнивает письменную сделку к сделке, совершенной с помощью электронных средств.

Несмотря на то, что Россия стоит лишь на пороге к цифровому государству, уже активно применяются всевозможные способы регуляции цифрового поля, чему способствует опыт других стран.

Не слишком ли мы торопимся стать цифровым государством? Так ли важно иметь средства к достижению цели, нежели изучить саму цель?

Ведь цифровизация – это не только новые возможности, но и новые виды угроз.

Наши граждане уже активно пользуются «плодами» цифровизации во многих сферах жизнедеятельности. При этом мало кто знает, какое бремя прав и обязанностей он несет, участвуя в том или ином цифровизованном процессе.

В ходе реализация планов по цифровизации необходимо самое пристальное внимание обратить на проблемы информатизации и равноправного формирования информационного общества.

В процессе цифровизации участвует ряд ведомств, однако согласованности между ними явно недостаточно.

При реализации многих идей можно и нужно опираться на зарубежный опыт, не забывая о том, что самой главной ценностью являются права граждан. Создание глобальной программы цифровизации государства, охватывающей все субъекты Российской Федерации, должно гарантировать надежную защиту прав всех ее участников.

В настоящее время внедрение суперсервисов в основном направлено на услуги бизнеса, но к 2024 г. поставлена цель прийти к 90% электронному документообороту между государственными органами и гражданами. Достижение этой цели будет способствовать снижению уровня коррупции при выполнении своих обязанностей представителями власти на этапе обращения, например, представителей среднего и малого бизнеса, что позволит предотвратить нарушение их прав.

Основной «фокус» при формировании цифрового государства в России направлен на предоставление государственных услуг, что пользуется большим спросом у граждан, но мало кто знает обо всех возможностях «цифрового поля».

Учитывая территорию и сроки, защита прав граждан стала более оперативной. Так, получив ответ, на свое обращение гражданин в случае нарушения его прав в ту же минуту имеет возможность обратиться за защитой своих нарушенных прав в вышестоящее ведомство, используя при этом минимальные затраты, минуя «круговую поруку», необоснованный отказ, коррупционную составляющую.

Уже сейчас есть возможность отправить свое обращение в суд посредством «Интернета».

Участники такого правового поля имеют доступ к необходимой информации, поскольку в настоящее время оцифрованы все возможные нормативно-правовые документы, которые могут понадобиться для составления жалобы, судебные акты, включая практику Европейского суда по правам человека и др. Это большой прорыв на пути к полному переходу в цифровое государство.

Однако нельзя не учитывать, что в настоящее время большинство граждан не только не имеют опыта пользования, но и доступа к электронным носителям. По причине удаленности для некоторых регионов России всемирная «паутина» не скоро станет доступной и необходимо стремиться к решению данной проблемы.

Все для чего создается цифровое поле должно работать во благо, каждого гражданина и учитывать его основные права и потребности. При реализации программы цифровизации, нужна адресная организация работы, которая позволит участвовать в данной программе всем на равных условиях.

Для того чтобы человек мог реализовывать свои права нужна достоверная, доступная одинаково для всех информация, которая одновременно адаптирована для людей с ограниченными способностями.

В своем общем виде права участников информационного процесса не имеют закрепления в действующем российском законодательстве и в настоящее время находятся лишь на стадии разработки.

Многие ведут споры о том, в состоянии ли роботы заменить юристов и можно ли использовать роботов в данной профессии. Как известно компьютеры в состоянии выполнять различные типовые задачи и могут быть крайне эффективны в помощи юристу. Американский высокий судья Джон Робертс на вопрос, может ли он представить день, когда «умные машины, управляемые искусственным интеллектом, будут помогать в поиске улик или даже в принятии судебных решений», ответил следующим образом: «Этот день уже настал, и он существенно помогает судебным органам в производстве дел» [3]. Из этого следует, что процесс признания роли искусственного интеллекта судейским сообществом США в качестве важного помощника идет достаточно активно.

Антон Вашкевич управляющий партнер и основатель юридической технологической компании «Симплоер» озвучил, что многие судебные ошибки связаны не с коррупционной составляющей, а с человеческим фактором, в частности с усталостью. По его мнению, возможно, рассмотреть вариант, при котором решение принимает алгоритм, а человек помогает ему в этом. «Например, машина вряд ли сможет установить, была ли необходимая оборона. В этом ей окажет содействие живой судья. Человек помогает машине вынести решение, а не наоборот – именно так, если мы хотим более стабильного судопроизводства», – подчеркнул Антон Вашкевич [2].

Руководитель АНО «Робоправо», член Экспертного совета Госдумы по цифровой экономике и блокчейн-технологиям Андрей Незнамов подчеркнул, что сложные этические вопросы, такие как «про-

блема вагонетки», не должны отвлекать специалистов от более простых, но не менее важных вопросов. «Должна ли система быть прозрачной и объяснять человеку, как она приняла решение? Это очень важный момент. А с точки зрения алгоритмической прозрачности – это проблема», – сказал Андрей Незнамов. Он пояснил, что сложность ее решения связана с тем, что даже программист не всегда понимает, как работает созданный им продукт.

Как видно, технологии начинают менять работу юристов и уже способны заменить их в некоторых отраслях. Так, на сегодняшний день успешно работают чатботы, способные оспорить штраф за неправильную парковку, помочь с составлением юридических документов или речи для судебного заседания [8].

Существует множество мнений о том, необходимо ли внедрять искусственный интеллект в судебный процесс или нет. Можно ли запрограммировать искусственный интеллект на понимание таких понятий, как добросовестность, совесть, честь. В настоящее время автоматизировать можно все. Но с точки зрения права запрограммировать можно лишь отдельные его понятия, которые искусственный интеллект сможет трактовать в одностороннем порядке. Искусственный интеллект, конечно, может лучше любого человека зафиксировать любые факты, но сможет ли он дать им правильную оценку? Можно ли расширить рамки обучения искусственного интеллекта до личного опыта или отдельно взятой ситуации в суде с учетом человеческого фактора? Ни один искусственный интеллект не сможет заменить в судебном заседании судью по многим причинам. Ведь при постановке приговора судья руководствуется не только сухими фактами и цифрами, но и своим внутренним убеждением, опытом и знаниями по каждому отдельному делу, учитывает личностные особенности сторон. Кто пропишет такой алгоритм машине? И возможно ли это? При наличии такого количества вопросов, связанных с внедрением искусственного интеллекта, нельзя однозначно ответить каким образом цифровые технологии могут повлиять на систему суда в целом и так ли необходимо данного рода внедрение.

В настоящее время судом активно используются электронный документооборот, видеоконференцсвязь. С точки зрения целесообразности и более широких возможностей для каждой из сторон судебного заседания внедрение цифровых технологий может помочь во многих аспектах.

Однако искусственный интеллект не должен заменять его участников, а лишь помогать расширить их возможности, сделать их более мобильными и служить на благо каждому человеку, не «превращая» постановление приговора в аналитический итог, без учета особенностей по каждой отдельной ситуации.

Глобальная цифровая революция, безусловно, важна, но и права – важность защиты, которых нельзя приуменьшить, должны находить новые решения, каждый раз опережая и прогнозируя, такой непредсказуемый мир информационных технологий.

Российские и зарубежные исследователи проблем использования ИИ в правосудии и правоохранительной деятельности нередко задаются вопросами об этичности этого процесса [4].

Искусственный разум опирается на законы физики и математики, но никак не на внутреннюю логику, легко контролирует себя и защищен от ошибки. Все знания, которыми будет наделен искусственный интеллект, переданы ему человеком, который изначально преследует благие цели. Но как им воспользуются на практике предсказать сложно. Это сейчас человек является высшим разумом, а человеческая жизнь – главной ценностью. И в работе, которая предполагает тип отношений человек – человек трудно представить себе немое участие искусственного интеллекта, запрограммированного на решение поставленных задач. Как это цифровое решение будет оценивать доказательства, представленные одним из участников, с точки зрения допустимости, если эти доказательства были собраны человеком, а не машиной. Тогда каждому из нас необходимо будет соответствовать цифровой логике, цифровому коду, а не принципам совести и морали, которым искусственный интеллект не в состоянии дать оценку. Переход к реальности по форме, без сострадания и эмоций вернет нас назад к древнему обществу.

Единственно верное решение кроется во внедрении искусственного интеллекта в рамках судебного процесса на стадии подготовки будущих юристов, там, где искусственный разум в состоянии предложить все возможные сценарии развития той или иной ситуации в правовом поле.

В настоящее время во многих сферах жизнедеятельности человека активно используется искусственный интеллект там, где, например важна точность и нет права на ошибку.

Таким образом, можно сказать, что внедрение искусственного интеллекта при разрешении вопроса о виновности или не виновности того или иного человека, невозможно. Нельзя передать искусственному разуму право решать судьбу человека, ведь кто-то же должен отвечать за вынесение несправедливого приговора или слишком сурового наказания.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.12.2019).
2. Адвокатская газета: статья. Сможет ли искусственный интеллект заменить судью [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/sposoben-li-iskusstvennyy-intellekt-zamenit-sudyu/ (дата обращения: 04.12.2019).
3. Будущее рядом: статья. Почему искусственный интеллект не стоит пускать в суд [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://near-future.ru/pochemu-iskusstvennyj-intellekt-ne-stoit-puskatv-sud/ (дата обращения: 04.12.2019).
4. Газета Завтра: статья. Судья с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: http://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (дата обращения: 05.02.2020).
5. Русбаз: статья. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://rb.ru/ (дата обращения: 04.10.2019).
6. Atominfo: статья. Наука и инновации – опыт Сингапура [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: http://atominfo.ru:17000/hl?url=webds/atominfo.ru/newsp/w0528.htm&mime=text/html&charset=windows-1251 (дата обращения: 05.02.2020).
7. 1cloud.ru: статья. Цифровые государства: как они развивались [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: https://habr.com/ru/company/1cloud/blog/351362/ (дата обращения: 05.02.2020).
8. Forbes: статья. Как искусственный интеллект меняет юридическую профессию и чем это грозит юристам [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: https://forbes.kz/ (дата обращения: 04.12.2019).

References

1. Federal'nyj zakon ot 18.03.2019 № 34-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 04.12.2019).
2. Advokatskaya gazeta: stat'ya. Smozhet li iskusstvennyj intellekt zamenit' sud'yu [Elektronnyj resurs]. – 2019. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/sposoben-li-iskusstvennyy-intellekt-zamenit-sudyu/ (data obrashcheniya: 04.12.2019).
3. Budushchee ryadom: stat'ya. Pochemu iskusstvennyj intellekt ne stoit puskat' v sud [Elektronnyj resurs]. – 2017. – URL: https://near-future.ru/pochemu-iskusstvennyj-intellekt-ne-stoit-puskatv-sud/ (data obrashcheniya: 04.12.2019).
4. Gazeta Zavtra: stat'ya. Sud'ya s iskusstvennym intellektom [Elektronnyj resurs]. – 2019. – URL: http://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (data obrashcheniya: 05.02.2020).
5. Rusbaz: stat'ya. Iskusstvennyj intellekt v sude, boty-yuristy i kraudfanding pravovyh sporov – kak nachinaetsya LegalTech-revolyuciya [Elektronnyj resurs]. – 2017. – URL: https://rb.ru/ (data obrashcheniya: 04.10.2019).
6. Atominfo: stat'ya. Nauka i innovacii – opyt Singapura [Elektronnyj resurs]. – 2017. – URL: http://atominfo.ru:17000/hl?url=webds/atominfo.ru/newsp/w0528.htm&mime=text/html&charset=windows-1251 (data obrashcheniya: 05.02.2020).
7. 1cloud.ru: stat'ya. Cifrovye gosudarstva: kak oni razvivalis' [Elektronnyj resurs]. – 2018. – URL: https://habr.com/ru/company/1cloud/blog/351362/ (data obrashcheniya: 05.02.2020).
8. Forbes: stat'ya. Kak iskusstvennyj intellekt menyaet yuridicheskuyu professiyu i chem eto grozit yuristam [Elektronnyj resurs]. – 2019. – URL: https://forbes.kz/ (data obrashcheniya: 04.12.2019).

УДК 343.214

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ

Куликова Людмила Викторовна,
магистрант 2 курса,
e-mail: mortimermel@yandex.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва,

Досюкова Татьяна Викторовна,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса,
e-mail: tdosukova@muiv.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статьей рассмотрены особенности квалификации преступлений на примере квалификации преступлений, связанных с наркотическими средствами и психотропными веществами. Отражено, что правильная правовая оценка совершенного деяния предполагает наличие у правоприменителя глубоких познаний в сфере теории квалификации преступлений, ее места и роли в уголовном праве, а также общих, частных и единичных правил квалификации преступления. Соответствующие правила определяются согласно Уголовному Кодексу РФ, разъяснениям по вопросам применения законодательства, формулируемым Пленумом Верховного Суда РФ в соответствующих постановлениях, а также доктрине уголовного права и судебной практике. Проанализирована проблематика квалификации преступлений в условиях динамичного развития общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Сформулирован вывод о необходимости учета всех объективных и субъективных признаков при квалификации преступлений, предусмотренных статьей 228 УК РФ, о внесении соответствующих изменений уголовного законодательства, которые приобретают как теоретическую, так и практическую значимость.

Ключевые слова: право, закон, квалификация преступлений, современное общество, наркотические средства, психотропные вещества

QUALIFICATION OF CRIMES: CONCEPT, MEANING, PROBLEMS

Kulikova L.V.,
2 year undergraduate,
e-mail: mortimermel@yandex.ru,
Moscow University S.Yu. Witte, Moscow,

Dosyukova T.V.,
candidate of law, Associate Professor, department of criminal law and procedure,
e-mail: tdosukova@muiv.ru,
Moscow University S.Yu. Witte, Moscow

The article discusses the features of the qualification of crimes on the example of the qualification of crimes related to narcotic drugs and psychotropic substances. It is reflected that the correct legal assessment of the committed act presupposes that the law enforcer has deep knowledge in the field of the theory of qualification of crimes, its place and role in criminal law, as well as general, private and individual rules for qualifying a crime. The relevant rules are determined in accordance with the Criminal Code of the Russian Federation, explanations on the application of legislation formulated by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in relevant decisions, as well as the doctrine of criminal law and judicial practice. The problems of qualification of crimes in the context of the dynamic development of public relations protected by criminal law are analyzed. The conclusion is made that it is necessary to take into account all objective and subjective signs when qualifying crimes provided for in Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, and to introduce the corresponding amendments to the criminal law, which acquire both theoretical and practical significance.

Keywords: law, law, qualification of crimes, modern society, narcotic drugs, psychotropic substances

DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-79-84

Квалификация преступлений представляет собой разновидность юридической деятельности, которая осуществляется в соответствии с определенными правилами. Под правилами квалификации преступлений, в свою очередь, следует понимать нормативные и доктринальные предписания, определяющие порядок избрания норм уголовного права для оценки противоправного деяния с учетом всех фактических обстоятельств его совершения и отражения результатов такой оценки в акте применения норм уголовного права.

Впервые категория квалификации преступлений была введена в научный оборот А.А. Герцензоном в 1948 г. В дальнейшем в СССР наибольший вклад в развитие теории квалификации преступлений был внесен В.Н. Кудрявцевым, опубликовавшим работу под названием «Общая теория квалификации преступлений» в 1972 г. [4]

Структура процесса квалификации преступлений включает в свое содержание три элемента, первым из которых выступает так называемая буквенная квалификации. На данной стадии устанавливается конкретная статья и часть статьи Особенной части УК РФ, предусматривающая все признаки совершенного деяния. Следующим этапом квалификации преступления выступает выделение из диспозиции нормы уголовного права юридически значимых признаков преступления и установление их соответствия признакам фактически совершенного деяния. Квалификация преступлений – это основной вопрос в правоприменительной практике уголовного права. Квалификация деяния состоит из трёх частей. При необходимости признаки преступления устанавливаются также в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части Уголовного Кодекса либо положениями Общей части УК РФ, что имеет место, в частности, при квалификации неоконченного преступления, покушения на преступление, преступления, совершенного в соучастии и иных случаях, требующих обращения к Общей части УК РФ.

Заключительным этапом квалификации преступления выступает ее обоснование с указанием мотивировки правоприменителя. В случае существования в законодательстве и правовой доктрине различных подходов к квалификации деяния, предполагающих возможность его различной квалификации, избрание уголовно-правовой нормы правоприменителем должно быть аргументировано.

В.Н. Кудрявцевым сформулировано определение квалификации преступлений как установление и юридическое закрепление точного соответствия признаков совершенного противоправного деяния признакам состава преступления, предусмотренным нормами уголовного права [4].

Анализ приведенного определения квалификации преступлений позволяет выделить в нем материально-правовой и процессуальный структурные элементы, являющиеся неразрывно взаимосвязанными. Существование такой взаимосвязи обуславливается тем обстоятельством, что юридическое значение квалификация преступлений приобретает только при условии своего закрепления в соответствующем процессуальном акте. Тем самым содержание процессуального структурного элемента квалификации охватывает правильное по форме ее оформление.

Таким образом, решение об избрании уголовно-правовой нормы основывается на результатах вышеприведенных последовательных стадий процесса квалификации и требует своего надлежащего процессуального оформления. Следует учитывать также роль и значение правил логики для процесса квалификации преступлений, которые являются особо значимыми для материально-правового структурного элемента квалификации и определяют сущность и содержание познавательной деятельности правоприменителя, направленной на установление тождества признаков совершенного противоправного деяния и признаков состава преступления, предусмотренных конкретной уголовно-правовой нормой.

Квалификация – двухкомпонентное понятие, однако при определении квалификации речь идёт о материально-правовом компоненте, то есть о содержании. Поскольку при установлении тождества между признаками совершённого деяния и признаками, предусмотренными в законе, необходимо не только знать признаки, предусмотренные в законе, но и грамотно истолковать закон, то есть уяснить смысл данной нормы и её цель [3].

Второе, что необходимо знать – признаки совершённого деяния. Как установить признаки совершённого деяния? Что понимать под признаками деяния или, как их иначе называют, с научной точки зрения, толкование деяния? Установить признаки деяния – означает выделить только значимые признаки содеянного. В уголовно-правовом отношении признаки деяния могут быть юридически значимыми и незначимыми. Например, цвет рубашки потерпевшего не является юридически значимым признаком.

Психическое состояние обвиняемого в момент совершения преступления, за исключением состояния аффекта, не является юридически значимым признаком для квалификации преступления. Время и обстановка, являясь элементами объективной стороны преступления, имеют значение для установления фактических обстоятельств дела, но не влияют на квалификацию преступления. Эти элементы существенны как составообразующие, а не квалифицирующие [1].

Основной принцип, которому должна отвечать квалификация преступлений – точность. Существуют примеры неточной квалификации: квалификация с запасом и квалификация с недостатком. С запасом – это избыточная квалификация, когда вменяется то, чего на самом деле не было. В свою очередь, при квалификации с недостатком вменяется не всё из того, что было.

Принцип истинности воспроизводится в специальной литературе. Например, отстаивая принцип истинности, профессор А.И. Рарог в своей монографии [9] раскрыл понятие субъективных признаков при квалификации преступлений. Категория истина не является юридической и не закрепляется нормативно. Только лицо, подозреваемое в совершении преступления, может истинно знать, совершало ли оно его или нет. Всё то, что именуется субъективной стороной, зависящей только от воли субъекта преступления, может способствовать единственной правильной квалификации. Однако, древнеримский принцип «Никто не судья в собственном деле» остаётся актуальным. Никто и никогда своих деяний сам не квалифицирует. Поэтому установление истины в уголовных делах представляется затруднительным, но к ней можно стремиться.

Квалификация преступлений определяет также ответственность лиц, причастных к совершению преступления, и лиц, совершивших покушение на совершение преступления. Под лицами, прикосновенными к преступлению понимаются субъекты сокрытия. Это относится не ко всем категориям преступлений, а только к тяжким и особо тяжким, а именно – предусмотренным ст. 316 УК[1]. В других случаях причастность может быть ненаказуемой или наказуемой, что зависит от конкретного дела. В ст. 316 УК речь идёт о заранее обещанном укрывательстве тяжких и особо тяжких преступлений, если это преступление не совершено близкими родственниками. Иной случай, когда лицо приготовлялось к совершению преступления тяжкого или особо тяжкого. Даже если умысел не был доведён до завершения, ответственность за него наступает в совокупности со ст. 30 УК и статьёй, квалификация которой совпадает с признаками деяния.

Таким образом, двух правильных квалификаций одного деяния не может быть по определению. Правильная квалификация одновременно является единственной.

В соответствии с пунктом 43 Указа Президента Российской Федерации № 683 от 31.12.2015 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», преступления, которые, так или иначе, связаны с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ признаются одной из основных угроз общественной и государственной безопасности РФ[2].

Новый термин «аналог» психотропного и наркотического вещества был введен в результате проведения реформы главы 25 УК РФ ст. 228. В соответствии с ныне действующим законодательством, а именно – Федеральным законом № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»[3], аналогом наркотических средств принято считать запрещенные в России вещества естественного или синтетического происхождения. В перечень, который находится под контролем государства в качестве оборота, они не включены.

В отношении правоприменительной практики различного рода изменения вызывает ряд проблем квалификации данных преступлений. Во-первых, это имеет отношение к предмету преступного посягательства. Так, предметом преступного посягательства считают вещи материального мира или интеллектуального плана, где воздействие, оказанное преступником, так или иначе нарушает общественные

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. (последняя редакция)// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

[2] Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 21.12.2019).

[3] Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ,1998. 12 января. № 2. Ст. 219.

отношения, которые охраняются законом. Поэтому, все то, что доступно для восприятия, фиксации и измерения является предметом. Следовательно, в сфере незаконного оборота наркотиков, общественная опасность преступлений определяется особым характером предмета.

Особенности наркотиков заключаются в том, что они чаще всего вызывают привыкание. Так, неконтролируемое их потребление оказывает негативное влияние на организм человека в целом, происходит провоцирование процесса деградации личности, что приводит к психическому и физическому истощению, в частности, к смерти. Методы и формы совершения наркопреступлений связаны с научно-техническим прогрессом (НТП) и постоянным развитием общественных отношений. С учетом указанных обстоятельств возрастает значимость разработки теоретических и практических положений в области противодействия незаконному обороту наркотических и психотропных веществ. Так, лица, которые привлекаются к уголовной ответственности в соответствии со статьей 228 УК, обычно, занимаются приобретением запрещенных веществ с целью личного потребления. Поэтому чтобы снизить уровень преступности в данной области противоправных деяний, в первую очередь, необходимо организовать систему противодействия наркомании и наркопреступности, которая должна содержать в своей структуре сбалансированный комплекс мер медицинского, профилактического, реабилитационного, контрольного и правоохранительного характера.

До настоящего времени предпринимаемые усилия не предоставили желаемого результата, что повлекло и появление других важнейших задач по формированию нормативной базы, которая направлена на снижение спроса на наркотики в полной мере. Например, совершенствование законодательства коснулось Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 г., где предлагается пункт 4 дополнить следующими принципами:

– грамотное применение стимулирующих и ограничительных мер к тем лицам, которые совершили правонарушения в области незаконного оборота наркотических, психотропных веществ и их аналогов;

– научная и социальная обусловленность антинаркотического законодательства;

– обеспечение антинаркотической безопасности.

Известно, что уголовная ответственность в соответствии со ст. 228 УК РФ наступает, если действия, указанные в диспозиции, были совершены по отношению к предмету преступления в размере не ниже значительного[4]. В иных же случаях применяются другие разновидности юридической ответственности. Представляется, что закрепление признака размера предмета преступления не позволяет адекватно противодействовать незаконному обороту наркотиков уголовно-правовыми средствами, в связи, с чем целесообразным видится закрепление уголовной ответственности за совершение указанных в диспозиции статьи 228 УК РФ действий независимо от размера предмета преступления. Необходимой мерой является также последовательное ужесточение уголовной ответственности за совершение иных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ [8].

Эффективность принимаемых мер по противодействию незаконному обороту наркотических и психотропных веществ, наркосодержащих растений либо их частей зависит как от своевременного выявления и раскрытия таких преступлений, так и от грамотной их квалификации [2]. В судебной практике имеет место наличие ошибок, возникающих при применении уголовного закона в данной области. Основными причинами данного рода ошибок являются диспозиции уголовно-правовых норм, носящие бланкетных характер, и несовершенство уголовного закона. Все это, конечно, вызывает неоднозначное толкование закона, а, иногда, в отношении решения спорных вопросов возникают непоследовательные позиции со стороны высшей судебной инстанции.

Квалифицируя противоправные деяния по ст. 228 УК РФ, необходимо учитывать, что уголовная ответственность за совершение данного преступления наступает за совершение указанных в диспозиции статьи 228 УК РФ деяний без цели сбыта. Понятие «без цели сбыта» предполагает, что виновный не имеет цели на передачу находящихся на хранении или приобретенных наркотических веществ в

[4] Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 (ред. от 09.08.2019) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

распоряжение другого лица [5, 6]. Так, в УК РФ содержатся статьи, предусматривающие наказание за смежные преступления, по составу сходные с составом, предусмотренным ст. 228 УК РФ.

Правильное толкование и применение законодательства об уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, предполагает необходимость формирования у правоприменителя четкого представления об условиях, по которым проводится отграничение ст. 228 УК РФ от смежных составов [7]. К числу таких условий законодатель относит субъективную сторону, субъект и предмет преступления.

Преступления, которые предусмотрены статьей 228 УК РФ, совершаются, в основном, с прямым умыслом, где виновный осознает всю опасность совершенных деяний с наркотическими средствами, и совершает незаконные деяния с наркотическими средствами и психотропными веществами без цели сбыта, под которой следует понимать намерение виновного передать их другому лицу тем или иным способом [10]. Таким образом, неправильное толкование характеристик объективной и субъективной стороны в незаконном обороте наркотических и психотропных веществ без цели сбыта будет влиять на квалификацию преступления по ст. 228 УК РФ.

Представляется, что в процессе реформирования уголовного законодательства задача по определению места и роли уголовно-правовых мер противодействия наркобизнесу вплоть до настоящего времени является не до конца решенной. Так, статья 228.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность исключительно за нарушение правил оборота наркотических и психотропных веществ или их прекурсов, при условии, если данное правонарушение было совершено лицом, в обязанности которого входит соблюдение указанных правил.

В соответствии со степенью общественной опасности данный состав следует отнести к преступлениям средней тяжести, где предусмотрено максимальное наказание – лишение свободы до трех лет.

Криминализация незаконного оборота наркотических или психотропных веществ позволит эффективно и тщательно вести борьбу с наркобизнесом и имеющимися недостатками уголовно-правового законодательства в данной области.

В июне 2019 г. в УК РФ внесены изменения в части квалификации преступлений. Так, согласно ст. 15 ч. 3 УК РФ преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.

По итогам проведенного в рамках данной работы исследования становится возможной формулировка вывода о том, что квалификация преступлений влияет на большинство институтов и категорий уголовного права, начиная от решения задач, предусмотренных ст. 2 УК РФ, реализации принципов уголовной ответственности, заканчивая определением вида и размера уголовного наказания лицу, виновному в совершении преступления, и решением вопросов снятия или погашения судимости.

Анализ особенностей квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ по статье 228 УК РФ позволяет констатировать наличие ряда проблемных аспектов. Статья 228 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное производство, пересылку или сбыт психотропных и наркотических средств, их аналогов, также незаконную пересылку или сбыт растений, которые содержат в своем составе наркотические вещества, или их части, содержащие психотропные или наркотические вещества. По нашему мнению, неправильное толкование характеристик объективной и субъективной стороны в незаконном обороте наркотических и психотропных веществ без цели сбыта влияет на квалификацию преступления по ст. 228 УК РФ.

Список литературы

1. *Жалинский А.* Правообразующее действие судебной практики по уголовным делам: вопросы совершенствования // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 44–46.

2. *Кобзева И.* Проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 106–108.

3. *Курченко В.Н.* Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. – СПб.: Нева, 2019. – 453 с.

4. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1972. – 322 с.
5. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2019. – 329 с.
6. *Нешатаев В.Н.* Определение квалификации преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 17–21.
7. *Ображиев К.В.* Правила квалификации преступлений: тенденции и перспективы развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – №1. – С. 45–47.
8. *Овчинникова А.А.* Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. LVII междунар. студ. науч.-практ. конф. – 2019. – № 22. – С. 57–60.
9. *Прохоров М., Огилец Н.* Ответственность за незаконный оборот наркотиков: закон новый, проблемы старые // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 41–43.
10. *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2017. – 344 с.
11. Уголовное право России. Части общая и особенная / под ред. А.И. Рарога. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: ВШ, 2015. – 365 с.

References

1. *Zhalinsky A.* Law-making action of judicial practice in criminal matters: issues of improvement // Criminal law. – 2010. – No. 4. – C. 44–46.
2. *Kobzeva I.* Problems of counteracting the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances // Criminal Law. – 2004. – No. 4. – P. 106–108.
3. *Kurchenko V.N.* Combating the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: criminal law and criminal procedure aspects. – St. Petersburg: Neva, 2019. – 453 s.
4. *Kudryavtsev V.N.* General theory of crime qualification. – M.: Legal literature, 1972. – 322 p.
5. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law. – M.: Lawyer, 2019. –329 s.
6. *Neshataev V.N.* Determination of the qualification of crimes. // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 3. – P. 17–21.
7. *Obrazhiev K.V.* Rules for qualifying crimes: trends and development prospects // Jurisprudence and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No1. – P. 45–47.
8. *Ovchinnikova A.A.* Problems of qualification of crimes related to drug trafficking // Interdisciplinary research: Sat. Art. by mat. LVII Int. Stud. scientific-practical conf. – 2019. – No 22. – C. 57–60.
9. *Prokhorov M.,* Ogilets N. Liability for drug trafficking: a new law, old problems // Criminal Law. – 2017. – No. 4. – P. 41–43.
10. *Rarog A.I.* Qualification of crimes on subjective grounds. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2017. – 344 s.
11. The criminal law of Russia. Parts common and special / ed. A.I. Raroga. – 8th ed., revised. and add. – M.: VSH, 2015. – 365 s.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 4 (22)' 2019

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор *Луговая С.А.*

Компьютерная верстка *Савеличев М.Ю.*

Электронное издание.
Подписано в тираж 17.03.2020 г.
Печ. л. 10,63. Усл.-печ. л. 10,2. Уч.-изд. л. 7,47.
Объем 2,59 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 20-003.

Отпечатано в ООО «СиДи Копи»,
111024, Москва, ул. Пруд Ключики, д. 3, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8(495) 783-68-48, доб. 45-11.